

S.O.U.L.

1

Буланов Константин

ИЩОРАСХОРАТЯИ

Что делать, если мир сошел с ума? Что делать, если ты стал бездушной тварью и, единственное, что теперь ведет тебя вперед — это желание заполучить свою душу обратно? Что делать, если в окружающем тебя новом обществе считается нормой торговать разумными и их душами, словно пивом.

Естественно то, чему тебя учили в прошлой жизни отцы-командиры! Проложи себе путь к намеченной цели так, как умеешь, и пусть все остальные пожалеют о том, что оказались на этом самом пути. Ведь нынче у тебя нет души, а стало быть и нет сострадания к чужому горю. Однако помни об одном — твое тело все так же смертно, и добрая сталь, либо горячий свинец, легко оборвут твою новую жизнь, до сбережения которой никому нет никакого дела.

Вы тоже полагаете, что мир сошел с ума? Мир, в котором черное стало белым, белое — черным, а серое начало блистать всеми цветами радуги. Хотя даже последнее оказалось опоганено, превратившись из символа безобидных хиппи в знамя альтернативно ориентированных индивидуумов, что ринулись навязывать всем окружающим свои спорные ценности. Весь мир сошел с ума и, как оказалось, слишком многих это устраивало. Все же руководить здравомыслящими, умеющими критически мыслить и задавать непростые вопросы людьми куда сложнее, нежели оболваненной толпой, только и ждущей какого-нибудь очередного бредового откровения от лживых и фальшивых идолов. Лемминги, самые натуральные лемминги. Вот в кого превратились люди в XXI веке, став идеальными потребителями, способными «жрать» даже откровенную отраву для души и тела, и параллельно превратившись в питательную массу для расплодившихся финансовых корпораций-хищников. Я тоже раньше думал так, пока не столкнулся с настоящим безумием, распространившим свое влияние на каждого члена моего нового общества, в каком бы забытом уголке мира тот ни скрывался.

Вы желаете знать кто я? О! Это очень интересно и даже познавательно! Я не живой, не мертвый, не воскрешенный мертвец, не голем и не химера. Я даже не полноценный пришелец из будущего, что был бы способен отыгрывать роль пророка для развесивших уши и пораскрывавших в удивлении рты предков. Я «неведома зверушка», которых нынче развелось сотни миллионов по всему свету. Я «Неприкаянный»! Живая, но пустая, оболочка для души. Биоробот — такое бы определение мне могли дать в том будущем, которое я помню. Вот только это самое будущее уже вряд ли когда-нибудь наступит в этом, новом для Земли, мире. Ведь Бог отвернулся от него. Точнее, все боги отвернулись от того винегрета, что получился от слияния десятков совершенно разных, обособленных, миров. Называйте это, как хотите. Хоть сопряжением сфер, хоть взаимным проникновением параллельных вселенных, хоть межпространственной аномалией или же межмировой катастрофой. Итога это не изменит. Этот, новый для меня, мир тоже сошел с ума. Причем, отнюдь не по моей вине. Он уже был таким, когда я осознал себя его обитателем. А потому, мне только и оставалось, что тяжело вздохнуть, да принять очередные правила игры под названием жизнь. Так из обычного настоящего мужчины, не слишком довольного существованием в роли офисного хомячка со своими «маленькими» секретами, я превратился в хозяина тела когда-то старшего унтера когда-то существовавшей Российской Императорской Армии. Точнее говоря, мои воспоминания влились в его пустое сознание, заняв никому не нужную оболочку одного из сонма миллионов неприкаянных в одночасье появившихся повсеместно по результатам катастрофы постигшей множество сварившихся в единое целое миров.

И первая же минута существования в новом для меня образе, оказалась донельзя болезненной. Ведь вышедший из «спячки» неприкаянный, которым ныне стал именно я, так и остался неприкаянным! Та неведомая сила, что впихнула в оболочку разум, не озаботилась привязкой к этому самому разуму моей драгоценной души! Как это было больно! Не передать никакими словами! Казалось тело вот-вот схлопнется вовнутрь самого себя, будто внутри него образовалась маленькая черная дыра. Однако даже эта разрывающая тело боль, невероятный голод, жажда и все прочие «приятные» ощущения телесной оболочки, не шли ни в какое сравнение с настигшим меня гневом. Одно лишь осознание факта, что мою душу,

то, что превращает двуногое и двурукое биологическое существо под названием «Человек разумный» в «Настоящего человека», отдала кому-то другому, превращало меня в «Человека неистового».

Как это могло произойти, как я почувствовал случившиеся внутри меня перемены, как я смог понять причину гнева — все это осталось тайной за семью печатями. Я просто знал, что по чьей-то злой воле оказался лишен того самого лотерейного билета под названием новая жизнь после смерти, о котором мечтали, если не все, то многие. А еще я знал, что мне надо идти на восток, куда меня тянуло, словно магнитом. Тянуло к моей родной душе, на которую какой-то мерзавец решил наложить свою лапу! Так началась моя история в этом мире полном ужасов и чудес. История человека пережившего нечто.

Глава 1. Я зомби?

Я прекрасно помнил, как окончилась моя жизнь. Нехорошо так окончилась. Очень плохо. Не самое спокойное прошлое дало о себе знать тогда, когда я уже успел позабыть о былом и слишком сильно расслабился. А ведь командир когда-то меня предупреждал, что у мести по нашим делам не бывает сроков давности. Но, кто же в молодости слушает побитых жизнью стариков? Уж точно не такие крутые перцы, каковым считал себя я сам. И лишь краткое знакомство с теми, кого официально вообще не существовало, заставило меня осознать всю тщетность моих попыток быть или же стараться быть крутым. Я не прошел отбор. Более того, я его откровенно завалил уже на втором испытании, так и оставшись самым крутым головастиком исключительно в своем небольшом болотце, тогда как соваться в воду к настоящим хищникам мне оказалось строго противопоказано. Так обидевшийся на весь такой несправедливый по отношению к нему мир подающий кой-какие надежды боец ушел на гражданку, где и прозябал годы напролет в отделах продаж всевозможных третьесортных конторок. Нынче же, здравствуйте, пожалуйста, я попаданец вульгарис непонятно куда. Откуда я мог понять, что непонятно куда? Да все очень просто — подмечать мелочи нас учили на славу. А мелочей вокруг имелось столько, что даже «седалищным нервом» есть не переест.

Начать, наверное, можно было с окружения. Ведь первым делом на глаза попались стоявшие кругом тела. В истлевшей, полнящейся прорехами и прогнившими участками военной форме русских войск времен этак начала XX века. Заросшие, измазанные черт знает чем и донельзя изможденные лица бойцов не выражали ровным счетом никаких эмоций. Совершенно пустые глаза. Отсутствие какой-либо реакции на раздражители. И контроль над собственным телом присущий скорее роботу, нежели живому человеку, поскольку стоять столько времени совершенно, абсолютно, неподвижно не смогли бы даже караульные у вечного огня. Манекены!

Вот только в группу из двух десятков обычных солдат сумели затесаться столь поражающие воображение личности, что по первости возникла даже мысль о визуальных галлюцинациях или же развитии психоза. Ведь каким таким образом в компанию явно пограничной стражи явно Российской империи смогли пробиться разодетая в маскхалат типа «леший» рослая и крепкая на вид ушастенькая эльфийка, место которой скорее было в сказочных лесах Азерота, и непонятный субъект в новеньком, но уже изрядно изгвазданном цивильном платье с лицом чуточку эволюционировавшего неандертальца, моя фантазия напрочь отказывалась понимать. Про неизвестные деревья, разбавлявшие привычные глазу березы, сосны и ели, а также свой собственный откровенно непотребный вид, можно было даже не принимать в расчет. Вполне хватало первого впечатления об окружающих.

Однако и не такое проходили. Хотя нет, вру, такое мы точно не проходили. Но срываться в истерику и начинать бить себя пяткой в грудь, требуя у незнамо кого, вернуть меня обратно, уж точно не собирался. Тем более, что и возвращаться-то было некуда, а нестандартные ситуации всегда являлись частью боевой работы таких, каким когда-то давно был я. И способность быстро соображать, дабы подстроиться под них, отличало нас от тех же коллег по ремеслу из ОБрСпН[1] более заточенных на силовой вариант решения поставленных задач. А что поделывать? Разная специфика!

— Эй, браток, — пихнул я рукой ближайшего бойца, имени которого не помнил,

поскольку даже не знал. Вот только оказалось, что два этих слова являлись возможным для меня максимумом. Донельзя пересохшее горло резануло столь сильно, что все прочие слова вышли каким-то хрипом и свистом, но никак не членораздельной речью. Возможно, именно это и стало моим спасением, поскольку воспоследовавшая реакция всех находящихся поблизости организмов перепугала меня практически до образования желтых и даже коричневых шганишек папахивающих отнюдь не ромашками. Вся эта свора, а подобрать иного слова у меня попросту не вышло, как один, рванули в мою сторону и замерли лишь в считанных метрах, кое-где образовав даже кучу-малу из столкнувшихся тел. Ближайший же боец и та самая эльфийка, молнией метнувшаяся со своего места, вцепились в меня подобно клещам. Как бы я ни тужился, как бы ни старался, но отодрать их мертвые хватки не вышло. И если боец просто повис на моей левой руке, то остроухий персонаж всяких фэнтезей практически успел замкнуть замок удушающего захвата, прихватив меня со спины. А что до остальных, то вновь замершие восковыми фигурами люди лишь продолжали сверлить мою фигуру своими неживыми взглядами, подобно камерам оптико-локационных станций систем наведения ракет.

Нет, то уже были не люди. То были чистой воды зомби, почуявшие свежачок в моем лице. А вырвавшийся из моего трижды пересохшего горла скрипучий хрип сработал на манер триггера. На речь слетелись все. Вот только по какой-то известной только им причине моя тушка не показалась им удобоваримой. Чему я был бесконечно рад! Ведь оказаться загрызенным, разорванным на клочки, или быть еще каким другим образом убиенным, только-только начав новую жизнь, виделось в корне несправедливым. Но тут все мои мысли просто улетучились из головы, поскольку меня скрутило от невыносимой боли. Нет, даже не так. Меня СКРУТИЛО от НЕВЫНОСИМОЙ БОЛИ!

Я потерял! Я ее потерял! Мою прелесть! Откуда-то я просто осознал, что оказался лишен самого важного, самого дорогого, самого нужного, что только может быть у человека. Меня лишили души! По умолчанию имея ее от рождения, я никогда не задумывался о потребности ее спасения и даже сохранения. Я жил по совести, смеялся от души, грустил, сострадал, проявлял участие. Я был человеком. Настоящим человеком, а не какой-нибудь продажной тварью, готовой пойти на что угодно ради собственного возвышения в чем бы то ни было! Однако, если любому человеку была знакома душевная боль, мне, вдобавок, выпало несчастье познать на своем горьком опыте боль бездушную. И это меня изменило, изменило мое прежнее «Я», ведь больше не осталось противовеса исключительно рациональному разуму взявшему верх над мыслями и потребностями тела.

Да, как мне вскоре удалось выяснить, окружающий меня мир претерпел катастрофические изменения, и я, на удивление, изменился под стать ему. Недаром кришнаиты утверждали, что ум и разум являются продуктами человеческого эгоизма в благостях и страстях. В страстях, вроде одержимости славой, деньгами или же поиском души — не суть важно каких именно, хоть в пересчете песчинок, мы находим себя. Мы отдаемся процессу достижения конечного результата с головой, пробиваясь через все встречающиеся на пути преграды и не обращая внимания на последствия наших действий для окружающего нас мира. В благостях же мы входим в гармонию с миром. Начинаем жить на его волне. И если мир оказывается отравлен смертельным ядом из смеси всеобщего равнодушия напополам с эгоизмом высшей пробы, мы, не имеющие защиты даруемой душой, словно губка, впитываем в себя всю эту разлитую в окружающем пространстве отраву. Но все это я осознал чуть позже, анализируя свои поступки. Сейчас же мне хотелось одного. Хотелось

вернуть свое!

Я не желал влачить всего лишь жалкое физическое существование, вместо полноценного проживания отмерянных мне лет. Я не желал постоянно чувствовать эту разлившуюся в груди ледяную пустоту, постоянно осознавать свою неполноценность. Я не желал воспринимать себя готовым творить все что угодно, если это видится рациональным, но против чего сам же выступал в своей прежней жизни. Я не желал.

И, сделавшись совершенно бездушным человеком, я четко осознал, что нет ничего запрещенного в достижении МОЕЙ цели — стать прежним. Где-то здесь имелся я. Где-то там существовала моя душа. И мы обязаны были воссоединиться любой ценой. А все остальное стало неважно. Именно это намертво отпечаталось в моем разуме, прежде чем ко мне вернулась возможность воспринимать окружающий мир не через застилающую разум и чувства пелену боли.

Стоило случившемуся наваждению отступить, а мозгу вновь принять контроль над телом, как я начал действовать. На беду вцепившегося в меня солдатику, кстати, оказавшегося не погранцом, разжать его стальную хватку у меня не вышло, как бы ни старался. Таскать же за собой и на себе такую ношу, когда сам едва передвигал свои ходули, виделось совершенно нерациональным занятием. Потому вскоре в дело был пущен подвешенный на его поясе самый настоящий бегун[2], брата-близнеца которого я прежде видел лишь в музее. Слишком большой, чтобы заменить собой штык-нож или же тактический нож. И слишком короткий, чтобы сравниться в боевых возможностях с теми же пашками и саблями. Этот чуть изогнутый кинжал пришелся более чем к месту. Подернутое ржавчиной лезвие с немалым трудом покинуло разошедшиеся и пошедшие трещинами ножны, но, на удивление, с легкостью отсекло кисти вцепившихся в меня рук. Два взмаха и частичная свобода действий была возвращена, если не считать удушающих объятий все еще удерживающей меня эльфийки, которая служила неплохой прокладкой между моим телом и мокрым от утренней росы или тумана травяным ковром. Ведь из-за накатившей боли мои ноги мигом подкосились, и мы оба завалились на землю, где мое тело сотрясалось, словно в припадке, пока не отпустило.

На счастье незваной ушастой пассажирки, что все еще продолжала висеть на мне даже после того, как я с трудом вновь утвердился на ногах, отсекал ее руки было не с руки. Вот такой вот получался каламбур! Слишком уж сильно я дорожил целостностью собственной шеи, вокруг которой они и были обвиты. Потому, откинув бегун в сторону, я с немалым трудом просунул свои ладони под ее руки, слегка откинувшись назад и сделал резкий шаг вперед, одновременно нагибаясь и раздвигая локти в стороны. Не то, что можно было бы предпринять против привычного живого соображающего противника, но лучшее, что пришло мне в голову для скидывания с плеч повисшего на них безвольного, но крепко зацепившегося и весьма тяжелого, «мешка картошки».

Не удосужившаяся взять меня ногами в замок противница совершила кульбит через голову и улетела метра на три вперед, где и затихла, не предприняв ни малейшего действия, чтобы подняться. Одновременно с высвобождением от не самых приятных объятий я смог подтвердить одну из посетивших мою голову догадок — окружавшие меня «зомби» тут же повернули головы в ее сторону, явно среагировав на звук и движение. Не то, чтобы они вертели головами всякий раз, как ветер принимался шуметь кронами деревьев. Но вот на издающее звуки тело среагировали мгновенно. Однако как-то опознали своего, продолжив стоять там, где находились прежде.

Тем временем, сбоку послышался шелест прошлогодней листвы — это обмякло на земле лишенное мною конечностей тело, даже мысленно называть которое человеком я уж точно не собирался. Не после всего увиденного. Это было именно тело, существо, организм, пустая оболочка, но не человек или же не какой-либо другой разумный, если судить по той паре представителей каких-то фэнтезийных миров, что я смог рассмотреть минутой ранее. Отныне взявшее надо мною верх рацию позволяло смотреть на мир куда проще, чем было при наличии моральных стопоров, которые хоть и не исчезли полностью в силу сохранения, пусть сильно видоизменившейся, но совести, однако сильно истончились, начав пропускать через себя многое прежде относившееся к чему-то вовсе непозволительному. Поэтому и все мои последующие действия могли показаться стороннему наблюдателю чем-то бесчеловечным, тогда как для меня являлись единственно верными и правильными в сложившихся обстоятельствах.

— Значит, боли мы не чувствуем, а вот живучесть не превышает таковой у обычного человека, — не столько вслух, сколько про себя проговорил я, наблюдая за тем, как возможность существования покидает изувеченное тело вместе с последними каплями крови.

Стащив с окончательно умершего солдата вещмешок, карабин Мосина и ремень с подсумками, я двинулся по следу тех, кто совсем недавно навевался к месту моего появления в этом мире. Поломанные ветки, продавленный мох, разворошенная листва — всего этого имелось в избытке на земле, что позволяло мне с легкостью поддерживать направление движения. Именно так я наткнулся на не подающее признаков жизни тело еще одного цивилизованного неандертальца. А как оно могло подавать эти самые признаки, если снесенная одним профессиональным ударом клинка голова покоилась метрах в четырех от остальной туши? Вот и я не знал, как можно после такого жить! Потому, прежде чем двинуть дальше, задержался у покойника, как для его обыска, так и для приведения себя с оружием в относительный порядок, благо успел отойти метров на пятьсот от той «группы в полосатых купальниках».

Первое дало мне очередное непонимание ситуации, так как в карманах покойника обнаружилась связка ключей, носовой платок с вышитыми инициалами, похоже, что серебряные, часы на цепочке и кошелек из кожи какого-то пресмыкающегося заполненный самыми разнообразными монетами. Российское и немецкое дореволюционное серебро разного номинала перемежалось расписанными совершенно неизвестными символами шестиугольниками с дырочкой посередине, опять же выполненными из серебра. Ни документов, ни каких-либо писем, ни чеков, ни одной завалящей бумажки, что позволила бы получить столь необходимую информацию, не обнаружилось. Хотя, учитывая совершенно непонятную принадлежность этих самых неандертальцев, еще не факт, что у меня вышло бы прочитать написанное ими. Но побурчать по этому поводу, пусть даже про себя, виделось не лишним. Заодно, параллельно с сетованием на несправедливую жизнь, я, как мог, вычищал прихваченный карабин. Обнаруженный в вещмешке набор для чистки, хоть и не давал мне познаний о разборке-сборке такого оружия, позволил хоть немного прочистить ствол с затвором от набившейся внутрь грязи. А вот инспекция вещмешка не принесла особой радости — ведь, помимо соли и облепленных всевозможной плесенью сухарей, ничего похожего на съестные припасы в ней не обнаружилось. Благо хоть не сильно попорченная смена исподнего нашлась. О боже! Какая же пошла вонища от сапог и ног, не расстававшихся друг с другом, судя по всему, неделями, если не месяцами, стоило мне

только разуться. Чистейший цианистый фекалий, как мог сказать бы командир. Вот только делать было нечего, и кое-как оттертые чуть влажным мхом, а также обернутые в гораздо более свежие портянки ноги пришлось вбивать обратно в царство вони и бактерий, именуемое сапогами. Смердеть после частичной смены белья от меня стало поменьше, но жрать и пить все так же хотелось невероятно. Облизывание жалких крох влаги со срываемых тут и там травинок не сильно помогало. Сейчас я бы с удовольствием сменял на глоток воды или же краюху хлеба тот же карабин.

Не знаю, сколько времени не потребляло, ни того, ни другого, доставшаяся мне тушка. Но, судя по ощущениям, счет шел на те же недели — столь сильно меня принялось штормить от общего упадка сил, стоило только мозгу понять, что опасность миновала. Адреналин адреналином, а без «топлива» организм напрочь отказывался функционировать должным образом. Я даже целую минуту с некоторым гастрономическим интересом поглядывал на покоящийся под боком обезглавленный труп. Ведь кровь могла помочь, как в борьбе с жаждой, так и притуплением чувства голода. Когда-то нас учили не брезговать ничем в целях обеспечения собственного выживания и ради выполнения поставленной задачи. Вот только у всего имелся свой предел. К тому же умный мозг предостерег от вполне возможного отравления трупным ядом и неизвестными химическими элементами, что могли иметься в крови этого неизвестного разумного. Хотя само тело выглядело вполне свежим с точки зрения становления покойником.

— Нет, нет, нет, нет, — пробурчал я себе под нос, гоня прочь мысли о том, сколь вкусной и живительной может быть кровь для умирающего от жажды человека. Благо попадавшие по пути сюда кусты черники смогли поделиться со мной своими недоспелыми ягодами, а также листьями, что хоть в какой-то мере позволило притупить терзавшие меня чувства. — Для одного дня достаточно того, что ты стал попаданцем. Становиться же сразу попаданцем-людоедом будет для тебя, Саня, перебором. Так что терпи.

Вот так, подбадривая самого себя, когда мысленно, а когда и едва слышимым сипом, в котором с трудом можно было опознать связную речь, я закончил с приведением в боевое состояние оружия и, мысленно перекрестившись, двинулся дальше по следу. Судя по всему, оставленный за спиной покойник был все же свежим, как и его кровушка — сглотнул я на этой мысли, рассматривая даже не думавшую подниматься траву, по которой успели потоптаться не менее полудюжины человек. Или не человек. И какого же было мое удивление, когда оставленные неизвестными следы вывели меня к дороге, где у выглядящего полным анахронизмом грузового автомобиля с крытым кузовом обнаружили еще четыре тела. Одно не подавало признаков жизни по причине пробития черепной коробки о придорожный камень — развязавшийся шнурок щегольских кожаных туфель сыграл с очередным увиденным мною «неандертальцем» злую шутку. Еще же два индивида находились метрах в двадцати от меня и активно штурмовали сосну в попытке добраться до четвертого замеченного мною персонажа разыгравшейся трагедии. По всей видимости, напарница оставленной в паре километрах за спиной озомбившейся эльфийки успела проявить изрядную прыть, чтобы не попасться в «дружеские объятия» еще одного неандертальца и такого же армейского отощавшего оборванца, каковым выглядел я сам.

К моему величайшему сожалению, возможности пристрелять или хотя бы проверить на функционирование трофейный ствол у меня не имелось. Уж очень не хотелось раньше времени уведомлять всех в округе, о своем нахождении в этой же местности. А сбитая мушка или же вообще разорванный при выстреле ствол могли стоять жизни уже мне — слишком

уж сильными являлись эти непонятные зомби, которые вместо устройства обычного кровавого пиршества предпочитали крепкие объятия. Да и следов я насчитал поболее, чем лицезрел сейчас разумных разной степени целостности и разумности. К тому же отсутствие какой-либо информации обо всем творящемся вокруг заставляло меня испытывать чувство откровенной злости. Ведь совершенно неизвестная структура местного общества могла отнести меня, как к преступникам, так и к жертвам, убей я эту пару существ, что всеми силами пытались добраться до засевшей на дереве остроухой. С другой же стороны, пытаться урезонить их виделось откровенно провальной идеей по причине собственного паршивого состояния. Сейчас я не то, что драться, идти-то мог исключительно на силе воли и с черепашной скоростью. Потому, в случае отсутствия какого-либо прогресса в разрешении сложившейся ситуации, мне оставалось только одно — стрелять и молиться, чтобы все сработало на ять. Но прежде следовало подождать, ведь, помимо внимательности и скрытности, умение медлить являлось одной из основных благодетелей разведчика. Все некогда знакомые мне торопыги давно сложили свои головы «за речкой», пополнив своими именами списки павших, либо же пропавших без вести.

Что бы я мог сказать о принятом решении? Оно оказалось донельзя верным и помогло прояснить немало важных моментов обо всей той чертовщине, свидетелем которой мне довелось стать. Минут через пятнадцать — двадцать, задняя дверь фургона отворилась, и из него выпал явно мало что соображающий очередной прошедший стадию эволюции неандерталец. Мне не хватило времени даже удивиться, по какой такой причине тот поступил столь неосмотрительным образом, как на бедолагу тут же навалились оба-двое осаждаателей «древесной крепости» одной запуганной эльфийки. Что именно произошло, я так и не понял, но внезапно утративший интерес к своей жертве солдатик распрямылся и с явным недоумением в глазах принялся осматриваться по сторонам.

Он делал это ровно две секунды, пока не оказался заключен в объятия своего бывшего напарника по штурму эльфячьего укрытия. И все повторилось вновь, но уже с начавшим осматриваться по сторонам неандертальцем. Так, действуя по кругу, они катались в общем клубке любителей объятий с полчаса, пока мне это откровенно не надоело. Прекрасно помня, что после подобных же объятий я не превращался в местный аналог зомби, решил ускорить развязку, внося в творившееся действие свой скромный вклад. Пусть сил у меня имелся мизер, но несколько задубевший и потрескавшийся от времени ремень мосинки стал отличным сдерживающим фактором. Естественно, будучи накинутым на ноги намеченной мною жертвы, которой стал неандерталец. Точнее, которыми стали оба неандертальца. Ведь выбирая между своим в доску человеком и этими непонятными страшилами, я даже не сильно задумывался, кого спасать. По этой причине и поясной ремень тоже был пущен в дело, стоило солдатику в очередной раз превратиться из зомби в лупающего по сторонам глазами разумного.

Накинув путы на представителя альтернативной ветви эволюции предков человека, я прихватил ничего не понимающего бойца за шкуру и из последних сил потащил его вслед за собой. На бег не оставалось сил, ни у него, ни у меня, но и оба неандертальца уже не выказывали былую прыть, просто напросто ползя вслед за нами на руках. Утягивая ничего не понимающего, но и не сильно сопротивляющегося человека вдоль дороги, я дождался, пока один из преследователей заметно вырвется вперед и, подгадав момент, приголубил того прикладом по затылку. Да, это было не гуманно. Да, это могло привести к смерти неандертальца. И да, мне было все равно. Я слишком устал, а он стоял на моем пути к началу

поисков того, чего меня лишили.

Расправившись со вторым схожим образом, я махнул рукой все еще ничего не понимающему солдату, чтобы он следовал за мной, и направился обратно к фургону в надежде отыскать в его недрах хоть что-то напоминающее воду и еду. Но каково же было мое удивление, когда вместо ожидаемого праздника живота мне выпала честь стать свидетелем очередной серии не желавшего прекращаться ужаса. Едва я подошел к задней двери фургона, как из него на меня кинулась та самая эльфийка, что прежде восседала высоко на древе. Вот только вместо радостных объятий и горячей благодарности, я получил уже столь хорошо знакомый бессознательный взгляд очередного зомби и крепкое пожатие своей шеи. Лишь появление бойца спасло меня от гибели в результате асфиксии, поскольку, не добившись от меня чего-то явно ожидаемого, та переключилась на новую жертву, от которой, о чудо, добилась много большего.

Еще четырежды они успели обменяться тем, что превращало разумного в зомби, а зомби в разумного, прежде чем я смог отдышаться и накинуть стянутый с себя ремень на ноги солдатику. Не то, чтобы эльфийка мне приглянулась больше. Хотя ее необычная, бросающаяся в глаза своей не свойственной природе идеальной очерченностью, словно у мраморной статуи, а не у живой девушки, внешность действительно вызывала интерес, как и все непривычное. Вот только сил тягаться с этой каланчой под два метра ростом и разворотом плеч не уступающим мне прошлому, не имелось в моем нынешнем тщедушном теле вовсе. Другое дело — изнуренный не менее моего боец. Аккуратно приголубив задержавшегося человеческого зомби прикладом по затылку и, убедившись, что процесс пошел тому на пользу — он перестал пытаться дотянуться до нас, я просто затолкал ничего не понимающую героиню сказок и влажных мальчишеских фантазий внутрь фургона, не забыв залезть туда следом и захлопнуть за собой дверь.

На наше счастье изнутри имелся солидных габаритов стальной засов, который тут же и был задвинут, а также в бортах, под самым потолком, наличествовали узкие забранные стальными решетками оконца, через которые пробивался солнечный свет. Именно последнее обстоятельство позволило мне разглядеть этот самый засов и не только. Но если к засову никаких претензий не имелось — простейший механизм сыграл свою роль, хотя бы на время отгородив нас от внешней угрозы, то вот к этому «не только» мгновенно появилось немалое число вопросов. Ведь за разделяющей кузов фургона надвое решеткой сидела еще одна эльфийка выряженная в точно такой же камуфляж и, удивленно хлопая глазами, рассматривала нас.

— Не кидаешься, и ладно, — только и смог что произнести я, прежде чем потерять всякий интерес к узнице, поскольку разглядел на находящемся тут же откидном столе остатки чьего-то перекуса. — О, да! — благоговейно простонал я, опустошив бутылку легкого вина и тут же записав себе в рот всего один раз кем-то надкусанный бутерброд с сыром. — Блаженство! Какое же это блаженство! — в одно мгновение сметя со стола вообще все, что хоть как-то напоминало еду, я, вместо облегчения, получил жесточайшую боль в районе желудка уже спустя минуту.

Вероятнее всего, совершенно позабывший, что такое пища, организм не согласился переваривать закинутую в него на скорую руку снедь. Во всяком случае, скрючило меня знатно. Не столь жестко, как в месте появления, но где-то треть от той боли вновь пришлось ощутить. И даже это было очень много! Создавалось впечатление, что мой желудок прямо сейчас кто-то резал десятком тупых ножей разом и все никак не мог закончить свою

экзекуцию. Лишь около часа спустя, когда внутри меня прекратились спазмы, наверное, вообще всех органов и отрыгали свой концерт каким-то неведомым образом поместившиеся там бегемот, кит, медведь и еще с десятков животных, я смог вернуться в действительность и вновь начать соображать.

Впрочем, ничего особо нового за это время не случилось. Щебечущие на своем тарабарском языке эльфийки явно нашли друг в друге достойных собеседниц и даже обе переместились за решетку, оставив меня с этой стороны клетки спокойно подышать в одиночестве от несварения желудка. Хотя возможно они просто испугались возможности моего превращения в такого же зомби, от которых прятались в недавнем времени. А может и не в недавнем тоже. Откуда я вообще мог знать о них хоть что-нибудь? Я про себя-то настоящего не знал ровным счетом ничего. Так что проявление здоровой осторожности с их стороны, наоборот, пошло им плюсом. Но я был голоден, зол, дюже вонюч и бездушен, а потому, стоило мне приподняться с пола и опереться на стенку фургона, как в моих руках тут же оказался лежавший рядом карабин.

— А вот теперь поговорим, — прохрипел я, защелкивая немудреный засов на двери клетки. — Кто такие? — вываливать сразу весь список накопившихся вопросов виделось излишне опасным делом, потому, дабы не выдать себя потенциальным источникам информации ничего несведущим в местных раскладах простофилей, начал с наиболее логичного. Наивный чукотский юноша!

Послушав в ответ какое-то робкое щебетание на «птичьем языке», я, на всякий случай, прошелся по стандартному списку типа шпрехен зи дойче, парлеву франсе, ду ю спик инглиш, но так и остался не удовлетворенным. Причем во всех смыслах этого слова. Познания, питание, одежда, гигиена, да черт возьми, даже интим — все прошло мимо кассы. Для первых четырех пунктов не имелось никаких условий, а последнее было просто неинтересно по причине сумасшедшего упадка сил в занятом теле, хотя повышенное либидо, судя по всему, досталось вместе с разумом от прежнего организма, что также мог похвастать высоким самомнением, присущим всем бойцам моего профиля. Ведь робких спецназовцев не могло существовать в принципе, учитывая сформированную в родной армии систему отбора. Потому, повстречайся мне эти две девахи с их совершенно незаурядными, какими-то искусственно-кукольными, лицами, пока я был самим собой, то непременно подкатил бы для заведения знакомства чисто из спортивного интереса. Ведь на их фоне отходили на второй план даже метиски, также славящиеся тем, что обладали внешностью привлекающей из-за своей необычности излишнее внимание противоположного пола. Но здесь было не там. Отчего мы трое так и сидели, лупая друг на друга глазами через стальную решетку, пока нас не спасли. Причем спасение пришло, откуда не ждали — снаружи!

[1] ОBrCпH — отдельная бригада специального назначения

[2] Бебут — длинный изогнутый кинжал, что был принят на вооружение в Российской империи в 1907 году.

Глава 2. Дружба дружбой, а души душами

— Аркань его, Егорка! Аркань! Ишь ты, шустрый какой попался! — часа полтора спустя после толком не начавшегося допроса донеслась до меня такая знакомая и родная русская речь наполненная эмоциями неприкрытого азарта.

— Тимоха, там еще двое ползут! Ей-ей их кто-то до нас спеленать пытался! Вишь, как ноги волокут! — раздался второй, наполненный не меньшей долей азарта голос.

— Ба-а-а! Да это же свеженькие! Глянь, какая одежда справная, да целая. Видать, совсем недавно нарвались бедолаги на целую стаю неприкаянных, вот и лишились своих душ. — Сказать, что я едва не подпрыгнул от счастья, получая из-за нетолстой деревянной стенки фургона ценнейшие данные о местном бытии, значило не сказать ничего. Я, будто обкурившийся шаман, скакал и прыгал, потрясая кулаками от переизбытка чувств. Естественно, в своем воображении. Внешне же, я лишь повел взглядом по также прислушивающимся к звукам снаружи «сокамерницам» да, потянувшись к засову двери, разблокировал дверь.

— День добрый, — поприветствовал я первого сунувшегося внутрь фургона парня лет двадцати пяти, не забывая при этом целиться в него из своего оружия. — Ты в дверях-то не стой, мил человек. Заходи внутрь. Не стесняйся.

— И вам, день добрый, — нервно сглотнув, кивнул тот головой и, обернувшись куда-то назад, в нерешительности принялся топтаться на месте.

— Ты у нас светлый князь что ли? Тебе что, отдельное приглашения надо? — специально звякнув стволom карабина о петлю двери, мило поинтересовался я у дорогого гостя.

— Да куда нам, сирым, до князей, — явно принялся юлить парень растерявший всякое желание обыскать фургон. — Мы люди маленькие.

— Не прибедняйся, — обозначил я едва заметную на заросшем бородой лице улыбку. — Маленькие или большие — не столь важно. Главное, что живые. А все остальное — дело наживное. Ты в дверях-то не стой, коли приглашают. Неприлично это. — Медленно переведя ствол с груди гостя на его голову, я едва заметно подергал им в сторону лавки, что располагалась у противоположного от меня борта. — И другу своему скажи, чтоб не чудил. А то ведь я сегодня нервный какой-то. Наверное, погода меняется. Могу и стрельнуть ненароком.

— Хмф, — окинув меня колючим взглядом, незнакомец хмыкнул, но вынужден был подчиниться. Вот только он никак не ожидал, что резко подавшись вперед, я садану его прикладом по груди.

Вылетевший наружу, словно пробка из бутылки шампанского, парень рухнул прямо на своего хитрого, но слишком громко ходящего, приятеля, который попытался прикрыться спиной друга, чтобы уже в свою очередь направить на меня имевшееся на руках оружие. Короткий матерный выкрик вылетающего сменился глухим ударом тела о тело, затем последовал выстрел, и кто-то на высокой ноте заныл, явно получив в организме не предусмотренную природой дополнительную дырку.

Удерживая на прицеле дверной проем, я подобрался к клетке и под заинтересованные взгляды изнутри, сунул в имеющиеся проушины дужку обнаруженного на столе замка. Дважды провернув ключ, и убрав последний в сапог, по причине отсутствия карманов, я

резко мелькнул в проеме, чтобы выхватить взглядом картинку того, что творилось снаружи. К моему и не только моему счастью, выстрелов оттуда не последовало. Да и вообще, там было всем не до меня. Уже знакомый мне парень лежал на дороге и стонал, зажимая руками расплывающееся по животу кроваво-красное пятно, тогда как рядом с ним на коленях сидел еще совсем молодой щегол да причитал о том, что он ничего такого не хотел. И лишь мое появление заставило того отвлечься от своих стенаний по невинно почти убиенному другу. Во всяком случае, на родственников они никак не походили.

— Отходит? — кивнув на раненного, поинтересовался я приличия ради и в целях завязывания разговора. То, что подранок — не жилец, мне было видно превосходно. Темно-красная, почти черная, кровь означала ранение в печень. А с таким «диагнозом» не жили даже в мое время.

— Отходит, — стянув картуз, понуро кивнул тот головой, не предпринимая попыток поднять с земли валяющийся рядом обрез, выполненный из все той же мосинки. — Помоги, незнакомец, — подняв на меня свой взгляд, он кивнул в сторону ворочающегося метрах в десяти от нас того самого солдата, которого я уже пытался увести от объятий зомби, насколько я понял, именуемых местными «неприкаянными». — Не дадим душе пропасть. Егорке уже все равно. А так хоть еще одного человека божьего вернуть сможем.

Уже примерно представляя себе будущий процесс, я лишь кивнул, соглашаясь с предложением местного, и подхватив левую руку отходящего на тот свет Егорки, дождался, пока новый незнакомец не займет свое место у правой руки. Слегка поднатужившись, мы на пару перетащили уже переставшего даже подвывать раненного к повязанному по рукам и ногам неприкаянному, после чего просто уложили того рядом. Тут же дружно отскочив назад, мы с минуту наблюдали, как бездушное тело, извиваясь, словно гусеница, подползает к умирающему и ложится на его лицо своим. Нет, никакого левого подтекста в этом не было. Просто, как оказалось, одежда являлась препятствием, и лишь контакт с оголенной кожей жертвы позволял неприкаянному превратиться обратно в человека. Во всяком случае, именно это я увидел до того, как паренек подскочил к повязанному солдату и принялся оттаскивать его подальше от уже не подающего признаки жизни тела.

— А что будешь делать с покойником? — дождавшись, пока Тимоха закончит свою работу и вернется обратно, поинтересовался я, кивнув в сторону безвременно усопшего.

— Так может, в ваш мобиль его положим, ваш бродь? Тут до усадьбы старого Регина верст десять будет. Он хоть и гном, но принимает всех подряд. Сами же видите, у меня еще трое неприкаянных на привязи плетутся, — махнул он рукой в сторону уже известной мне пары «неандертальцев» и женщины закутанной в какие-то обноски. — Сдадим ему этих пустышек вместе с вернувшимся, так хоть на похороны и поминки хватит. Один же я никак не дотащу, а бросать здесь на съедение зверью, не по-христиански будет.

— Точно всех принимает? — не зная, что ответить, решил провести легкий допрос замаскированный за банальную недоверчивость к незнакомцу.

— Точно, — тут же отмахнулся мой собеседник. — Ему, что человек, что орк, — последовал кивок в сторону тех самых «неандертальцев», — все едино.

— Так ведь, небось, дает копейки, — припомнив, что во всяких фэнтезях и сказках гномы описывались изрядными скупердьями, решил закинуть удочку на этот счет. — Да и к чему гному те орки сдались.

— Все так, ваш бродь. У него и половины-то от честной цены не выйдет. Но не тащить же этих самому в Новогеоргиевск! Тут ведь никаких денег на путь не хватит. Да и помереть

дорогой могут. Это у вас мобиль имеется. Знай себе, грузи в кузов, как сельдь в бочку, да вези. Они хоть и будут бодрствовать, но ведь не растратят последние силы. А эта вот пока дойдет, — он указал на женщину, выглядевшую, будто побитый временем и жизнью манекен лет двадцать простоявший в заброшенном сыром подвале, — так уже сама дух и испустит. Про вернувшегося и говорить нечего. Его в ближайший месяц только и делать, что откармливать придется. Видно же, что из старых. Еще со времен гнева Божьего по миру мотался. В первые-то годы сил у неприкаянных еще в достатке было. Но и опасность они немалую представляли. Сколько народу им свои души отдали! Жуть! Сейчас же, десять лет спустя, такие только в центрах крупных городов остались. Все прочие же постоянно двигались, разыскивая себе души, вот и растратили силушки. Хотя орки выглядят свежими. Видать не повезло им крупно. Попались кому-то в лапы, — озвучил парень то, что я уже слышал в первые мгновения их появления. — За этих можно больше попросить. По полуимпериалу[1] за каждого! Не меньше! А если где родня недалеко живет, так и по целому империалу[2] стребовать не стыдно будет. Тела у них бездушные, конечно. Но, как-никак, свои. Глядишь, прикупят смертника какого в тюрьме, да вернут. Без памяти опять же, но, как ни крути, родных.

— Да, попались, — не стал я разрушать его теорию. — Тут в лесу еще один орк имеется и с пяток таких же солдатиков, — отслеживая реакцию глаз собеседника, вкинул я часть правды. Все же, ни я не знал его, ни он не знал меня, а вот такие бездушные тела, оказывается, стоили денег. Пусть не сильно больших. Но даже на них охотники имелись. Как эта попавшаяся мне на новом жизненном пути парочка. Да и смотрел Тимоха на чужой фургон уж очень алчным взглядом. Не тем, который мог бы мне понравиться.

— Ого! Так, может, сходим? У меня еще пара ошейников имеется, да и у вас, уверен, найдутся, — не ошибся я в его реакции излишне меркантильного человека, который только что, не моргнув глазом, присвоил пару моих трофеев. — А то действительно без гроша в кармане останемся! Тут ведь пока только за вернувшегося гарантированно сто рубликов отсыплют! По остальным-то ничего пока не ясно! — принялся агитировать меня за власть денег излишне беспечный или же скорее излишне хитропопый паренек.

— Мои ошейники закончились, — не стал палиться я незнанием предмета, должно быть позволявшего хоть как-то контролировать лишённые душ тела. — Весь грузовик уже забил «уловом». Но, если потесним, с пяток еще поместится.

Так, постепенно забалтывая Тимоху, я потихоньку узнавал реалии мира, в котором мне теперь предстояло жить, и откровенно обалдевал от все более и более сказочных вещей. Ну ладно новые расы, ну ладно появление неприкаянных и возвращение к практически узаконенной работорговле, ну ладно полный крах центральных правительств и перекройка всего мира на манер средневековой феодальной раздробленности с признаками родоплеменного строя. Я даже относительно спокойно отнесся к изменению географии по причине исчезновения одних и появления на их месте совершенно других территорий со своими жителями, флорой и фауной. Но магия! Мой рациональный мозг попросту отказывался принять факт пришествия в мир магии. Причем не просто так, а с теми самыми магами, для которых волшебство являлось чем-то обыденным, как и для населявших их миры разумных. А еще я избавился-таки от опасного для меня свидетеля.

Задумывал Тимоха против меня что или нет, так и осталось тайной за семью печатями, поскольку стоило ему присесть у обезглавленного трупа орка, рядом с которым один попаданец совсем недавно приводил себя в порядок, как приклад моего карабина и его

затылок встретились друг с другом. Как можно было догадаться, победу одержал приклад. Сосуд души или же смертник — так в изменившемся мире начали именовать тех, кем расплачивались за возвращение из небытия своих родных, знакомых или же просто полезных разумных. Ведь если память у вернувшихся стиралась в ноль, как при тяжелой форме диссоциативной амнезии, то навыки-то сохранялись. И тот же шеф-повар очень быстро мог возглавить кухню ресторана, а бухгалтер вернуться к дебетам с кредитами. Себе же мой случайный и словоохотливый попутчик подписал приговор, когда проболтался о цене на эльфов. Не сильно многочисленные долгожители куда более других народов дорожили своими соплеменниками, расплачиваясь даже за неприкаянного хорошей такой кучкой золота, магическим артефактом или же магической услугой. Причем платили они много. Реально много. Раз в десять больше за пустышку, чем виделось возможным получить за возвращенного человека или же орка. Цена же возвращенного эльфа в переводе на понятные мне деньги варьировалась от полутора тысяч рублей за рядового обывателя, до сумм, которые мой невольный экскурсовод попросту не знал, за мага или же персону королевских кровей. Да, у ушастых тоже процветала монархия, пока все монархи не закончились в результате катаклизма, как это случилось с большей частью человеческих властителей. Во всяком случае, о Романовых на бывшей территории Российской империи никто не слышал все последние 10 лет. Нет, объявлялись пара тройка самозванцев в уцелевших городках, но как-то быстро пропадали без вести с концами. Ведь новые властители своих, отвоеванных в непростой борьбе, феодалов, не горели желанием делиться вырванной зубами властью. Весь мир скатился в натуральное средневековье с магией, паровыми машинами, огнестрельным оружием, электричеством, развитой металлургией и толпами опасных существ, что жаждут лишь одного — заполучить твою душу. Причем лишь малая часть последних являлись неприкаянными. Основу же составляли самые что ни на есть живые разумные, желавшие поправить собственное материальное благосостояние за счет продажи чужих душ. Вот уж где следовало начинать задаваться вопросом, а кто из них — ведомое инстинктом существо или же ведомый жаждой личной наживы торговец, являлся большим злом этого мира.

— Паноптикум какой-то, — произнес я просто в пространство для того, чтобы хоть как-то выразить свое отношение ко всему услышанному. Не то, чтобы меня это теперь могло волновать. Просто разум пока не абсорбировал в себя полностью подобную, слишком новую и радикальную для него, концепцию существования вроде как относительно просвещенного общества умудрившегося переплюнуть в своем извращенном мироустройстве даже рабовладельческий строй в худших его проявлениях.

Проверив, надежно ли связан назначенный мною в смертники Тимоха, я тяжело вздохнул от осознания того, сколь много мне сегодня еще предстоит ходить, и двинулся по направлению к месту первого осознания себя любимого. На удивление, все прошло гладко. Эльфийка, где лежала, там и продолжала лежать. Орк, где стоял, там и продолжал стоять, впрочем, как и все остальные замеченные мною ранее солдаты. И это было неплохо. Точно так же неплохим подспорьем являлось их полное игнорирование меня. На всякий случай, стараясь не издавать шума, я подошел со спины к орку и, затаив дыхание, защелкнул на его шею один из двух забранных у смертника ошейников. Орк было дернулся, но тут же как-то осунулся и превратился в квелую амебу, позволив увести себя куда подальше от остальной бездушной братии. С эльфийкой же такой фокус не прошел. Стоило мне только нагнуться к ней, как та сама отреагировала на близкое движение и, возможно даже, мое сопение, вновь взгромоздившись мне на спину в попытке провести удушающий прием. Видать, он был вбит

ей в подкорку мозга, если раз за разом она повторяла его, будучи фактически бессознательным существом.

Вот таким вот недодушенным с весьма тяжелой неприкаянной из эльфийского рода-племени на закорках я предстал взору очнувшегося и силящегося освободиться Тимохи. Надо было видеть промелькнувший в его глазах страх, когда он понял, какую необычную девушку я притащил к нему на самое последнее в его жизни свидание. Вот только скорость действия моей ноши оказалась куда выше скорости реакции его организма. Иными словами говоря, обгадиться от страха он не успел. Мне же впоследствии только и оставалось, что нацепить на новорожденного неприкаянного его же бывший ошейник, да проводить всю троицу обратно к дороге.

Мне так и не вышло выяснить, кто снес башку оставленному гнить в лесу орку и кого я не досчитался на дороге в первый свой выход из леса. Но, да и ладно. То оказались не самые мои крупные проблемы. Куда более важным виделось разобраться в свою пользу с очухавшимися вернувшимися. Тем более что как-то сносно пообщаться со мной смог только солдат по причине незнания остальными великого и могучего.

— У-у-у! Неучи ушастые! — только и смог что выругаться я в ответ на очередное непонятное щебетание уже в три требовательных эльфячьих глотки. Насколько милыми смотрелись их лица, пока они молчали, настолько же отвратными они мне начали казаться на пятой минуте не умолкающего птичьего базара. А ведь все это время я еще пытался разобраться каким таким макаром должно двигаться то самое колесное чудо технической мысли, на которое мне повезло наложить свои загребушие лапы.

К моему немалому удивлению выяснилось, что, ни привычного двигателя внутреннего сгорания, ни даже ожидаемого парового котла, в грузовике не имелось с самого его рождения в какой-то мастерской «Walker Electric Truck» из славного города Детройта. Каким таким волшебным образом явно не сильно давно произведенный в Америке электрический грузовик, работающий на огромном количестве кислотных аккумуляторов, оказался в данной местности на фоне всеобщего разъединения, понимания у меня не возникло. Зато это не помешало мне разобраться в приборах управления, где, помимо руля, не имелось ничего знакомого.

На удивление, все оказалось донельзя просто. Два рычажка подключали подачу питания от батарей левого и правого борта к электродвигателю смонтированному под кузовом, а рычаг, похожий на таковой у автоматической коробки передач, регулировал пять скоростей движения вперед и одну назад. И все! Никаких тебе коробок переключения передач, педалей сцепления и газа, обогрева сидений, дворников, климатических систем, АБС и усилителей руля. Знай себе выставляй скорость и мучайся! А как иначе, если мои дрожащие от нехватки сил и атрофирования мышц руки позволяли вращать стоящую почти горизонтально баранку, только если я при этом упирался ногами в переднюю стенку деревянной кабины. Это еще хорошо, что мне хватило ума сперва попробовать проехать с минимальной скоростью, прежде чем пытаться гнать на умопомрачительных двадцати километрах в час. Во всяком случае, по моим ощущениям скорость была именно такой, поскольку из всех приборов управления в грузовике обнаружили лишь вольтметр с амперметром.

Вот это было испытание! Те десять верст до усадьбы какого-то старого Регина, что были преодолены со скоростью пешехода, но на колесах, несомненно, оставили бы в моей душе неизгладимые впечатления, имейся она у меня. А так они мне просто врезались в память, как продолжение не желавшего заканчиваться кошмара под названием — бытие в новом

мире. Не знаю, как на этом тарантасе ездили его прежние владельцы, которыми, как я подозреваю, являлись те самые орки в цивильном. Но если бы у меня имелась душа, то это самоходное пыточное устройство совершенно точно вытрясло бы ее из меня напрочь. У меня болели все мышцы, у меня ныл совершенно отбитый о деревянную скамейку зад, мой позвоночник, такое ощущение, что ссыпался в подштанники, меня мучило от непрерывного раскачивания с борта на борт. Иными словами, к месту назначения я добрался с острым желанием стрелять во все движущееся, а все не движущееся пинать, и после открывать огонь на поражение. Хорошо еще, что мне хватило ума посадить на соседнее место, не одну из трех длинноухих девиц, что своим не прекращающимся щебетом имели все шансы склонить меня к очередному смертоубийству, а молчаливого бойца, лишь кивнувшего в ответ на предложение смотреть по сторонам в поисках малейшей опасности. Воняло от него, конечно, непередаваемо. Но, да я и сам отнюдь не благоухал, а в лучшем случае смердел.

— Етить колотить! — только и смог выдать я из себя, осознав, что выросший впереди гипертрофированный образчик длинного дома викингов, только выполненный из камня с кирпичом, да к тому же опоясанный пятиметровой высоты каменной стеной, является той самой усадьбой Регина, о которой давеча говорил мой недавний знакомец. — Это что же тут такое творится в округе, если иной средневековый замок будет похлипче такой усадьбы?

Послушав в ответ тишину, поскольку моему потерявшему память соседу попросту нечего было сказать, я сбросил скорость до минимальных двух верст в час и, вновь оперев ноги в стенку кабины, начал готовиться к повороту. «Усадьба» раскинулась отнюдь не вплитык к дороге, так что прежде чем попасть за опоясавшую ее стену, требовалось умудриться не промахнуться мимо отходящего к ней от дороги съезда.

[1] Полуимпериал — золотая монета царской России достоинством в 5 рублей. Здесь имеются в виду 5 рублей времен правления Николая II.

[2] Империал — золотая монета царской России достоинством в 10 рублей. Здесь имеются в виду 10 рублей времен правления Николая II.

Глава 3. Цивилизация, однако!

— Господа желают отдохнуть или вы прибыли по торговому вопросу? — стоило моей колымаге замереть метрах в трех перед закрытыми воротами, как из окна верхнего этажа крохотной привратной башни высунулся, то ли сторож, то ли привратник, то ли охранник. Все же я не имел понятия, как они здесь назывались.

— Отдохнуть и сдать улов неприкаянных, — не с моим хриплым и севшим голосом было кричать в ответ, потому прежде мне пришлось вылезти из кабины и подойти почти вплотную к воротам.

— Улов-то добрый? — не спеша открывать проход, проявил интерес, должно быть заскучавший на посту служака.

— Какой ни есть, весь мой, — прохрипел я в ответ и развернувшись обратно к машине, бросил через плечо, — Открывай давай и зови хозяина. Смотреть будем, кто, чего и сколько стоит. — Пусть усадьба и выглядела, как полноценный жилой средневековый замок, со всеми потребными службами и, соответственно, кучей проживающего в нем народа, обездушенный мною Тимоха сетовал, что торговаться за неприкаянных предстояло именно с самим Регином. То есть с владельцем всего этого хозяйства. Вот я сразу и выложил привратнику главный козырь, так что не пропустить меня внутрь он теперь не мог. Во всяком случае, я на это сильно рассчитывал. И, как оказалось, не зря. К моменту моего возвращения за руль, створки ворот уже сдвинулись с места, и полминуты спустя трофейный грузовик вновь принялся проверять на прочность мышцы моих рук. Уж слишком плотно оказался застроен внутренний двор, так что я припомнил едва ли не весь свой словарный запас «идиоматических выражений», пока выкручивал вслед за ставшим моим проводником еще одним бойцом пока еще неведомого Регина.

— Хуман. Странно, — оказался более чем кратким на слова крепкий краснокожий коротышка, который подошел к фургону минут через десять. Пусть я не успел расспросить павшего жертвой моего бездушия ловца неприкаянных о внешних особенностях представителей гномьего племени, конкретно этот персонаж являлся откровенно каноничным гномом. Не выше полутора метров ростом. С изрядно развитым волосным покровом, как сказал бы какой-нибудь умник. А если выражаться по-простому, то заросший бородой едва ли не до самых бровей. Ну и с изрядным брюшком. Вот только назвать его телосложение мощным или кряжистым, не поворачивался язык. Да, плечи были развиты прилично, но в остальном — обычный середнячок.

— Это проблема? — только и поинтересовался я в ответ.

— Нет. Но странно. Слишком дорого для простого хумана, — ткнул он пальцем в сторону моего транспортного средства. — Вы все больше пешком или на велосипедах передвигаетесь. А те, кто при деньгах, из городов носа своего не кажут.

— Твоя правда. Но, вот, нашел, — похлопал я рукой по борту грузовика. — Вместе с бывшими владельцами. Не повезло им. Души потеряли.

— Значит и вернувшихся тоже привез? — лишь кивнул в ответ на данное мною пояснение гном, мгновенно просчитав ситуацию.

— Тут надо самому видеть, — хитро ухмыльнулся я и поманил собеседника к заднему борту.

— Мать моя гора! — не смог тот сдержать удивления, увидев внутри фургона трех

выряженных в камуфляж эльфиек, что коротали время, наблюдая за упрятанными в клетку неприкаянными. — Теперь точно верю, что бывшим владельцам грузовика не повезло. Я таких только дважды за последние десять лет жизни видел. Они же из рейнджеров! Егеря или пластуны, если говорить по-вашему, — на всякий случай уточнил он, явно предполагая, что такой оборванец, каким выглядел я, мог не знать смысла слова «рейнджер». — От такого неприкаянного не уйдешь, не спрячешься. А тут целых три!

— Именно так, — не стал я ничего добавлять от себя, позволив собеседнику самостоятельно додумать все, что было для него нормой в данной ситуации. — И дамам требуется привести себя в порядок. Да и поесть не будет лишним. А мы тем временем поговорим о делах наших грешных, да подобьем итоги.

— Согласен, — поняв все так, как надо, тут же кивнул гном и, наконец, протянул мне руку, — Регин.

— Александр, — ответил я на очень крепкое рукопожатие, которое никак нельзя было ожидать от столь умеренно крепкого разумного. Видать, не все так просто было с гномами. Или же просто мое новое тело являлось совсем уж удручающе ничтожным. Впрочем, хоть цветом лица я явно сравнялся с краснорожим хозяином усадьбы, выдавить из меня хоть один звук у того не вышло. А еще я почувствовал, что мой организм в любой момент готов был выпить душу этого самого гнома, чтобы заполнить постоянно ощущаемую мною внутреннюю пустоту. И лишь огромным усилием воли мне удалось не совершить подобной глупости, что было сродни отказу от глотка чистой воды блуждавшим не один день по пескам Сахары странником.

— Хм. Сработаемся, — явно оценил он мою выдержку, выпустив из своей камнедробилки мою успешную посинеть кисть.

Было ли тому причиной наличие у меня и прикрывавшего мою спину солдата огнестрельного оружия под рукой или же гномы действительно дорожили своей репутацией, но нагло кинуть меня даже не попытались. Составив и заверив своей печаткой опись всех пассажиров в двух экземплярах, и тут же рассчитавшись за Тимоху с где-то найденной тем женщиной, он лично сопровождал обоих орков в какие-то подземные казематы до выяснения их личностей. Меня же с бойцом определили на постой в гостевую часть «замка», выполнявшую роль полноценной таверны для проезжающих и проходящих мимо. Естественно, не за спасибо и не за здорово живешь! За баню, скромный диетический обед, крохотную двухместную каморку и два полных комплекта германской солдатской формы, которые были добыты явно на каком-то армейском складе, с меня запросили двадцать рублей серебром, причем, легко приняв по весу и немецкие марки с непонятными мне шестиугольниками. Разнообразии денежных средств, как человечества, так и всех прочих рас, вернули времена, как бартерной торговли, так и приемки серебра с золотом на вес. Лишь в мелкой розничной торговле ходили 20 и 50 германских пфенингов, как минимальные серебряные монеты 900 пробы в ближайших землях. Причем, на удивление, он даже предлагал мне честную цену за солдата. Аж десять золотых импералов! Но я не стал спешить с таким решением. И как впоследствии оказалось — был прав. В местном обществе все вернувшиеся из числа неприкаянных, за которых не прибывали похлопотать их сородичи или же чудом обнаружившиеся родственники, оказывались приравненными к самым настоящим холопам времен древней Руси. Естественно, не просто так, а с официального заверения местного лорда, каковым и оказался достопамятный Регин.

С развалом государств, утратили всю силу и былые нормы, отчего на протяжении

первых лет после катастрофы повсеместно властвовал лишь один единственный закон — закон силы. Но с постепенным устаканиванием ситуации начали возвращаться и некоторые прежние положения права, разбавляемые солидным количеством новых, пришедших, как от прочих рас, так и возникших в связи с изменением самого окружающего мира. Вот так, в бывшей Восточной Пруссии и прилежащих землях бывшей Российской империи, учитывая огромнейшую убыль в них сельского населения, вернули право частного владения разумными, чтобы просто-напросто было кого выгонять на работу в поля. Ведь кушать всем хотелось постоянно, а вне крепких стен все еще сохранялся немалый шанс нарваться на неприкаянного.

Не то, что со своим разумным имуществом можно было делать, что угодно. Однако самостоятельно выкупиться таковой мог у хозяина не ранее, чем через три года и минимум за полтора десятка червонцев, если являлся представителем короткоживущей расы. Не самые большие деньги. Но и немалые, учитывая то, что за два сданных бездушных тела мне обломилось всего два целковых серебром, которые отнюдь не равнялись двум рублям золотом. По сути, половину населения усадьбы составляли как раз такие выкупленные хозяйственным гномом бесправные вернувшиеся жившие здесь на всем готовом, но получавшие на руки сущие копейки. И расширить за дешево подобный персонал Регин был отнюдь не против. Вот только в тот момент отдавать того, кто мог бы пригодиться самому, виделось мне делом недальновидным. Потому мой первый помощник, подчиненный и в некотором роде живое имущество, получивший от меня имя Федя, был отмыт, накормлен двумя ложками гречневой каши с кружкой куриного бульона, после чего оставлен в снятой комнатухе мучиться резами в желудке. Сам же я, позволив себе съесть все то же самое, но во вдвое большем объеме, отправился осматривать место временного пребывания. Ближайшие три — пять дней мне совершенно точно предстояло провести тут, как для отдыха, так и в ожидании поступления информации по моим найденышам.

Как оказалось, усадьба была связана с ближайшим крупным поселением голубиной почтой, так что восточку о ценных вернувшихся гном отправил более чем споро. Причем, в отличие от тех же орков и меня, все три прекрасных представительницы эльфийского народа были заселены в практически царские апартаменты. Про выставленный же для них стол вообще хотелось только промолчать, чтобы не выругаться. Тушеные перепелки, какая-то разваренная каша с сухофруктами, опять же куриный бульон, но поданный со всевозможными пирожками, салат из свежих овощей, нарезка нескольких видов сыров, два вида морса и компот. С одной стороны, до звания королевского такой фуршет все же не дотягивал. С другой же стороны, я чуть было не захлебнулся слюной, когда вымытый, выбритый и благоухающий чистотой наведася к ним в гости. Благо Регин в счет будущих прибылей выдал мне первую в двух моих жизнях магическую вещь. Ничем не примечательный наборный браслет, выполненный из какого-то зеленоватого камня по типу малахита, оказался универсальным переводчиком. У гнома был такой же, отчего наш первый диалог и оказался возможен, ведь говорил он на родном языке, но никак не на русском. По этой же причине ему удалось легко объясняться с эльфийками, чей переливистый щебет вообще не являлся для меня чем-то информативным.

— Ого! Богато живете! — едва не присвистнул я от созерцания их трапезы, мгновенно позабыв обо всех приличиях, вроде пожелания здоровья и испрашивания дозволения быть их гостем. — Приятного аппетита, кстати, — все же самую малость исправился я, без разрешения усаживаясь за стол, где пустовало еще одно кресло, как будто специально

поставленное для меня.

— Спасибо, — дожевав и проглотив нежное мясо невинно убиенной перепелки, ответила за всех та самая, что первой попыталась удушить меня в лесу.

— Насколько я смог понять, неприкаянными вы стали относительно недавно. А потому должны быть в курсе общего положения дел. — Все трое, хоть и выглядели при обнаружении изрядно «запыленными», не вызывали ощущения будто перед тобой узники концлагеря, что можно было бы предположить о том же Феде, у которого, кроме костей и кожи, остались разве что волосы, столь тощим он оказался.

— Скорее всего, так и есть, — кивнула бывший древесный сиделец. — Во всяком случае, мы уже понимаем, чем являемся для тебя сейчас. И чем можем стать, если никто не прибудет с выкупом.

— Это радует, — не стал скрывать я довольную улыбку, отчего все трое практически синхронно поджали губы, выражая недовольство. Как ни крути, а бытие холопкой для любой из них автоматически превращалось в не самое привлекательное эротическое приключение длиною в годы. Когда мы с Регином обсуждали условия нашей сделки, тот вскользь упомянул, что некоторые разумные, из числа особо восхотевших совершенного эльфийского тела, чьи идеалы красоты оказались каким-то откровением для мужчин большей части прочих рас, наотрез отказывались возвращать свои «находки» представителям этих долгожителей, отчего, бывало, теряли голову в прямом смысле этого слова. Спустя неделю или две таковых находили с отчекрыженной головушкой, а наследникам поступало предложение не препятствовать возвращению эльфа или же эльфийки к своему народу. С другой же стороны, не всех ушастых выкупали. Какие там у них были критерии отбора, понять никто так и не смог, а сами эльфы не распространялись по данному поводу. Но, порой, в руках какого-то орка могли оставить писанную красавицу, при этом отвалив за какого-нибудь дряхлого старика с десятков тысяч своих эльфийских золотых монет, что ценились даже повыше империала. — И я очень сильно надеюсь, что за вами приедут, поскольку сейчас даже всех моих средств не хватит, чтобы оплатить один такой стол, — мой взгляд прошелся по заполненным тарелкам. — А местный хозяин — не тот разумный, что верит в бескорыстную помощь ближнему своему. Вы для него еще больший товар, нежели для меня. Помните об этом. Не совершайте глупостей. Ну и не выходите за границы усадьбы. Сами понимаете, я всего лишь потеряю очень хорошие деньги, а вы вновь можете лишиться той души, что столь непросто досталась каждой из вас. У вас осталось общее понимание мира, у вас остались наработанные рефлексы, но вы более не приспособлены к выживанию в том ужасе, что ждет любого вне крепких стен. — Я посчитал не лишним припугнуть свой основной актив, дабы вскоре не обнаружить, что неожиданно стал нищим должником гнома, а все мои денежки скрылись в ночи на собственных ногах. — Со своей же стороны готов выступать гарантом вашей безопасности на все ближайшее время. Так что если кто полезет с непристойными предложениями, отсылайте такового умника ко мне. У меня как раз имеется карабин, и я очень люблю стрелять, — на сей раз на моем осунувшемся лице появилась очень нехорошая усмешка. — Впрочем, читать следы я тоже умею на совесть. А пуля в ягодице не сильно отразится на целостности души. Надеюсь, мы друг друга поняли. — На столь мажорной для себя и минорной для моих слушательниц ноте я откланялся и двинулся добывать паклю, хоть какое-нибудь машинное масло, а также керосин с солью. Слишком уж долго мой карабин подвергался воздействию окружающей среды, отчего требовал полной разборки, удаления многочисленных пятен ржавчины и куда лучшей чистки ствола, чем я

смог проделать на скорую руку да еще подручными средствами в лесу. Да и трофейный обрез выглядел не лучше. Как будто его прежнему владельцу даже в голову не приходила идея о необходимости обслуживать свое оружие.

Если с ружейным маслом проблем не возникло — его изготовление наладили, как в Новогеоргиевске, так и в Кенигсберге, считавшихся ближайшими центральными городами человеческих земель, то за керосин с меня попытались содрать совсем уж неприличные деньги. Как оказалось, некогда дешевое топливо, что было доступно почти всем и каждому, уже давно получило статус стратегического сырья и крайне неохотно поставлялось на периферию — то есть за границы центральных поселений. Так за бутылек примерно на четверть литра управляющий таверны, также выполнявший роль портье и лавочника, запросил с меня три рубля. Вполовину больше, чем я получил за пару сданных неприкаянных! Причем продавался керосин не как топливо для лампы или примуса, а в качестве лекарственного препарата! От чего он только не должен был спасать! И от ангины, и от вшей, и от неврозов, и от лишая, и может быть от многих прочих заболеваний, но на прилепленной к бутылке этикетке для полного перечня не нашлось достаточно места. Как мне пояснили, помимо солидной гномьей торговой наценки, немаловажную роль в таком ценообразовании сыграли прекращение поставок нефти из Баку, по причине возникновения на его месте горного кряжа, а также почти полное прерывание морской торговли. Лишь редкие виндjamмеры[1] продолжали курсировать между сохранившимися портовыми городами старого и нового света. Правда, прямая связь сохранилась только с восточным побережьем бывших США, поскольку Суэцкий канал отправился в небытие, а в районе только-только открывшегося Панамского еще за месяц до катастрофы случился крупный оползень, полностью перекрывший возможность его эксплуатации. Бегать же вокруг Африки или же Южной Америки к другому континенту дураков не нашлось. Тут всем едва хватало сил для поддержания торговли с Индией и Китаем. Точнее с теми многочисленными княжествами, на которые они распались подобно всем остальным странам.

Да, приходящие из Америки суда иногда доставляли тысячу — другую тонн этой жидкости. Но почти вся она расходовалась в самих портовых городах, попадая внутрь континента в мизерном количестве. Лишь после ознакомления с данной новостью зоркий сокол в моем лице изволил обратить внимание, что свет в таверне давали не свечи с керосиновыми лампами. И уж тем более не электрические лампочки, как я подумал попервой, даже не придав особого значения наличию пусть несколько тусклой, но повсеместной иллюминации в силу привычки к подобному комфорту. Светильники-то как раз имелись. Причем в достаточных количествах. Но вот питались они маной. Да-да! Той самой доморощенной магической энергией! Ведь мир отнюдь не остался привычной мне Землей, пусть даже обзаведшейся новыми биологическими видами. Огромные области других миров наложились на города, поля и веси, заняв их географическое местоположение. Или же это земные города, поля и веси наложились на леса, горные хребты, пустыни и поселения всех остальных рас. Пока никто не мог дать точного ответа, поскольку все были заняты выживанием, ведь лишь восемь лет назад отгремели последние крупные вооруженные столкновения и установился шаткий мир всех со всеми.

Иным народам, можно сказать, крепко не повезло, что время катаклизма пришлось на сентябрь 1914 года по известному мне летоисчислению. Как раз в разгар первых крупных сражений мировой войны, отчего человечество на первых порах смогло выставить миллионы вооруженных и даже сохранивших какое-то единоначалие солдат. Да и артиллерия для тех

же долгоживущих рас, слишком сильно повернутых на старине и древних традициях, оказалась пренеприятнейшим сюрпризом. После уничтожения десятков, а то и сотен миллионов неприкаянных, появившихся по всему миру в огромных количествах, человеческим войскам еще хватило духа и ресурсов, чтобы изрядно проредить армии закованных в доспехи и вооруженных холодным оружием гномов, цвергов, эльфов, как светлых, так и темных. Досталось на орехи даже оркам, кобольтам и троллям, что вылезали из своих закрытых общин посмотреть, а что это такое творится во всем мире. В общем, все было как всегда. Сперва не разобрались, что к чему, и поубивали друг друга. Потом просто мстили за своих и воевали за территории. И лишь на третий год, когда припасов не осталось вовсе, пришли к идее переговоров. Кстати, именно поэтому вся охрана таверны была вооружена старыми винтовками Маузера 1871/84 под патрон с дымным порохом. Ведь последний, худо-бедно, но производили тут и там, тогда как все бездымные пороха стоили каких-то непомерных денег, поскольку нынче завозились только из той же Америки в совершенно мизерных количествах. Потому возникла двойственная ситуация, когда те же магазинные винтовки Мосина в качестве боевых ценились на порядок меньше старых однозарядных Берданок, но при этом владельца подобной винтовки почитали богачом. Слишком уж затратным выходило поддержание навыков стрельбы при цене переснаряжения одного трехлинейного винтовочного патрона в целых 5 рублей. Я даже сильно удивился, чего это попавшиеся мне на жизненном пути Егорка с Тимохой, не удосужились переделать свой обрез под охотничьи патроны того же 32-го или 28-го калибров, как это повсеместно практиковалось в целях перехода на черный порох и экономии огромных средств. Видать, обнаружили где-то несколько винтовочных патронов и решили, что им того будет достаточно, чтобы не тратиться на переделку своего оружия, которая тоже влетала в копеечку.

Получив такую информацию, вместе со всеми потребными для ухода за оружием материалами, я осознал, по какой такой причине гном не решился кидать меня на деньги, когда я только появился в его усадьбе. Ведь я, считай, был один. Ослабленный и донельзя уставший чужак. Определить такого в смертники велел сам бог. Тем более за те деньги, что виделось возможным получить за всех вернувшихся. Однако подобранный мною карабин сыграл роль негласного отличительного знака члена эдакого элитарного клуба разумных могущих себе позволить буквально стрелять деньгами. Ведь этот бородатый прощельга не мог не подметить, насколько профессионально я постоянно удерживал оружие, будучи готовым пустить его в ход менее чем за секунду. Будь все иначе, вместо бани, обеда и постели я получил бы ускоряющий пинок под зад по направлению к объятиям ближайшего неприкаянного. Вот все бы удивились, поняв, что мне подобные объятия не страшны! На этой мысли я посмеялся про себя, да двинул по направлению к кухне. Из-за нехватки керосина решил воспользоваться старым дедовским способом с горячей кипяченой водой и щелоком, который применяли здесь повсеместно вместо привычного мне мыла. Благо у Феди в бане сработали рефлексy, и тот весьма споро воспользовался им, заодно позволив одному прищельцу из будущего припасть к знаниям предков в деле поддержания чистоты тела.

[1] Виндjamмер — последнее поколение крупных коммерческих парусников. Производились из стали и обладали солидной долей механизации для установки парусов. Обладали скоростью в 14 — 18 узлов и грузоподъемностью в несколько тысяч тонн.

Глава 4. Пять старушек — уже рубль!

Три дня моей жизни оказались отданы на откуп приведению оружия в удобоваримый вид. Какой-то умник некогда полностью разобрал затвор обреза и смазал все его части растительным маслом, отчего его детали со временем попросту склеились друг с другом. Я вообще был удивлен, каким таким образом из него был произведен тот ставший роковым для почившего Егорки выстрел. Про чистку же стволов вообще можно было складывать сказание. Очень грустное и нудное сказание о том, как один обессиленный и шатаемый малейшим ветром попаданец пытался выскрести из каждого уголка каждого нарезавшего закаменевшие остатки меди, продуктов сгорания пороха, ржавчины и черт знает чего еще. Если бы не керосин, который сутки пришлось отстаивать с солью, чтобы вывести из него примеси воды, я бы может даже плюнул на весь этот металлолом, оставив ему роль исключительно макета, либо же продал на переделку в гладкоствольное ружье, что зачастую и делали местные с большей частью магазинных винтовок. Но очередное чудо произошло — у меня хватило, и силы воли, и физической силы, и прикупленных материалов, чтобы привести оба ствола в удобоваримое состояние. Правда, мои мучения несколько скорректировали прежде лелеемые планы, как можно скорее отправиться на поиски своей души. Если прежде я предполагал по-быстрому наловить себе смертников для возвращения к полноценной жизни всех тех бойцов, что остались на месте моего появления в этом мире, дабы пополнить личный отряд охраны. Ведь одиночке в современных реалиях ловить было попросту нечего. То нынче приходилось задумываться о необходимости задержаться в усадьбе минимум на месяц. За более короткий срок привести в божеский вид два десятка винтовок я попросту не смог бы. А на местных бойцов, судя по реакции Феди, который на предложение вычистить выданное ему оружие лишь почесал затылок и развел руками, рассчитывать не приходилось. Да и восстановление физических кондиций этих потенциальных вернувшихся обещало занять ничуть не меньшее время с одновременным вливанием солидных денежных средств. Местный хозяин предпочитал делать деньги на всем, так что проживание внутри стен его усадьбы влетало в копеечку. Не менее пары рублей на человека в день при полном пансионе! Потому, прежде чем заниматься наращиванием собственных средств достижения цели, мне пришлось смириться с ожиданием прибытия «покупателей» на орков и эльфиек. Благо, как оказалось, до Кенигсберга было всего чуть более четырех десятков километров, которые даже пешим ходом виделось возможным преодолеть за два дневных перехода. А представители всех прочих рас не первый год проживали во всех крупных городах человечества, как и наоборот.

На удивление, первыми примчались четыре орка. Я только-только закончил со сборкой своего карабина и планировал потратить с десяток патронов на его пристрелку в ближайшем поле, как редко открываемые главные ворота распахнулись, и в них вкатился легковой электрокар, внешне очень сильно напоминающий обычную карету, нежели автомобиль. Узрев же грубые черты лиц пассажиров, я тут же сложил два и два, так что повременил со своим выходом. Более того, развернувшись на месте, не торопясь направил свои стопы к стоянке, где четыре дня назад мною был оставлен грузовик.

— Да, мы узнаем их, — сокрушенно покачав головой, признал своих в доставленной мною паре неприкаянных главный среди явившихся орков. — Они пропали с неделю назад вместе с еще тремя родичами и виденным нами на улице фургоном. И то, что их обнаружили

столь далеко от Кенигсберга на какой-то лесной дороге, выглядит очень странно. Ведь заряд аккумуляторов фургона не рассчитан на столь длительные поездки. Я уверен, что они разряжены уже более чем наполовину.

— Ну, с этой тайной разбирайтесь сами, — не слишком дипломатично отмахнулся от чужой проблемы Регин, в чем я его поддерживал обеими руками. Каждому из нас хватало с головой своих собственных забот. — Или можете вон, попытаться нанять хумана, — махнул он рукой в мою сторону. — Ему хотя бы известно место, с которого возможно начать поиск. А мы здесь собрались, чтобы провести сделку. Выкупать-то этих неприкаянных планируете?

— Естественно! — орк тут же выудил из внутреннего кармана плотный кошель. — Серебряными марками возьмете?

— Всем возьму. Главное, чтоб оплата соответствовала названной цене, — не стал изменять своей страсти к наживе гном. — И во сколько же вы сами оцениваете обездушенные тела своих родичей? — задал он очень провокационный вопрос, поскольку, как я смог узнать за время нахождения в его усадьбе, гномы, в силу многих тысяч лет проживания в закрытых коллективах, очень трепетно относились к семейным ценностям. С иным подходом построения своего общества им просто напросто грозило бы вымирание, поскольку поселившаяся внутри рода обида могла привести к началу противостояния, уйти от которого в какие-либо иные земли жителям подгорных городов не представлялось возможным в принципе. Вот, видать, осознав в какой-то момент своей истории, что самоуничтожение — это не их путь, они и стали прививать своим детям мысли о главенствовании блага рода, на всем прочим. Общее у них ставилось выше частного. Потому они действительно могли оскорбиться, если выкупающие именно родственников предлагали принять при торге общие расценки за неприкаянных. — Кстати, здесь золото к серебру идет как 1 к 30, - напомнил он еще об одной головной боли, которую я заработал в попытке разобраться в местных денежных отношениях. Ведь 10 рублей золотом, являвшиеся тем самым империалом, о котором столь сильно мечтал Тимоха, вовсе не были тождественны 10 рублям серебром. О нет! Тут все было на порядок сложнее! Конкретно в этой усадьбе соотношение драгметаллов 900 пробы соответствовало озвученному Региным. А в том же Кенигсберге, откуда прибыли покупатели, оно уже могло быть несколько другим. К тому же тут вступало в силу правило ведения торгов монетами из разных драгметаллов за разные категории товаров. Если старые неприкаянные, сравнимые с попорченным товаром, оценивались только в серебре. То свежие — исключительно в золоте. Конечно, оплату могли принять и серебряной монетой, но по весу и тому самому курсу золота к серебру. Учитывая же иную пробу монет всех прочих рас, возможностей для торга и не прекращающейся при этом ругани имелось вдосталь. Кстати, именно по этой причине в последние годы многие предпочли перейти на расчеты в человеческих или орочьих деньгах, чеканка которых оказалась развита до высот недоступных прочим расам. Хотя и бартерных сделок проводилось огромное количество, когда у договаривающихся сторон имелась нужда во взаимопредоставляемых товарах.

— Полагаю, что сорок золотых марок за каждого будет справедливой ценой, — в свою очередь принялся хитрить орк. По опять же успешным сложиться правилам выкуп своих по двойной цене считался нормой. Вот только 40 золотых марок уступали двум империалам в весе чистого золота. И оба прекрасно об этом знали. Но также оба знали, что разница была не столь велика, чтобы гном затаил обиду. А в бывших германских землях, вполне логично, куда большее хождение имели именно марки, нежели российские монеты. К упоминанию

последних вообще зачастую прибегали исключительно в целях повисить хоть на капельку свой личный доход, поскольку на руках у местного населения их было не так уж и много. Ну и браслет-переводчик чудил, скорее выдавая мне то, что я мог понять и принять своим разумом в силу имеющейся в нем информации, нежели осуществляя дословный перевод слов собеседника. Потому порой в беседах вместо империи мне слышалось червонец, а то и вовсе — соверен[1], когда собеседник иной расы говорил в принципе о золотых монетах.

— Справедливо, — мгновенно кивнул Регин, соглашаясь с названной ценой, и тут же слегка наказал хитреца, — а за простой фургона во дворе моей усадьбы возьму с вас еще двенадцать марок серебром. По три за каждый день. — Насколько я смог понять, подсчитав все в уме, он только что удвоил ту разницу, на которую его пытался объегорить орк. И подкопаться к его логике «клиент» уже не мог. Пусть даже он все понял, предъявить владельцу усадьбы было нечего. — Кстати, если пожелаете остаться на ночь, за простой обеих мобилей придется заплатить еще шесть марок, — расплылся тот в радушной улыбке, что, впрочем, было незаметно за густой бородой. Поэтому многие и считали гномов угрюмыми, что не имели возможности разглядеть мимику лица за богатой растительностью. А определять настроение гнома по одним глазам получалось отнюдь не у всех. Эту науку мне тоже преподавал словоохотливый управляющий таверны, нашедший в моем лице благодарного слушателя, готового впитывать любую информацию, коротая вечера за кружечкой-другой отличного пива. Человек явно страдал хронической формой словесного поноса, а вот свободных ушей ему попадалось донельзя мало. Из постоянных же вообще имелись только я со своими найденышами. Вот мы на пару с Федей и мотали на ус реалии сегодняшних дней, тогда как остроухие красотки предпочитали лишний раз не казать носа из своего номера.

В общем, стоило договорившимся сторонам ударить по рукам, как ко мне тут же подошли с предложением помочь убитым от горя родственникам отыскать всех остальных потеряшек за очень скромное вознаграждение. И, что вполне естественно, тут же узнали адрес, по которому им стоит идти с подобными малоинтересными и даже убыточными лично для меня предложениями. Во-первых, я все еще представлял собой ходячий скелет, которому требовалось очень хорошо и правильно питаться, за что, естественно, просили звонкую монету. Отчего непыльная, но и не прибыльная, работа виделась мне лишней тратой имеющихся невеликих сил. Во-вторых, те трупы орков, которые я мог бы им предъявить, находились слишком близко к месту, что я не первый день считал именно своей «коровой», позволять «доить» кою кому другому виделось верхом идиотизма. Потому самостоятельно приводить туда потенциальных конкурентов было бы крайне неразумным решением. В-третьих, я еще не смог придумать, как все так обставить, чтобы за счет этих четырех орков получить душу себе и обзавестись дополнительной парой вернувшихся из числа видимых мною ранее солдат. Одного орка требовалось-таки «спасти от целой стаи неприкаянных с риском для собственной души», дабы отвести от своей скромной персоны всякие подозрения в нечистоплотности деяний. Но не более того! Все же, помимо решения собственной проблемы отсутствия души и потенциального расширения своего будущего отряда за счет не местных, а пришлых, я сохранял ровные отношения с населением усадьбы, где мне предстояло провести еще немало дней, а также получал солидный дополнительный заработок. Ведь согласно логике Родиона Раскольникова из старого анекдота — «Пять старушек — уже рубль!». Так чем же эти совершенно безразличные мне орки были хуже тех самых старушек, если за них, даже в неприкаянном виде, можно было получить куда

большие деньги? Как говорится — «Ничего личного. Просто бизнес.».

В конечном итоге мы ударили по рукам, когда сумма однодневного найма дошла до сорока золотых марок. Вдобавок орки обязались предоставить пригнанный мною фургон в качестве транспорта и дать мне пару дней для подготовки к выходу. За это время они как раз успевали съездить обратно в Кенигсберг, чтобы сдать там на руки своей общине уже выкупленных неприкаянных и зарядить аккумуляторы машин. Как я успел узнать, орки, в отличие от всех прочих рас, в силу своей ментальности сохранили родоплеменной строй, который, впрочем, не исключал объединения подобных родов в крупные группы по интересам. Но такая клановость у них оказалась развита куда более серьезно, нежели даже у японцев. Так что за своих они действительно стояли до последнего, чтобы сохранить честь, тогда как на проблемы соседа могли вообще не обращать внимания. Потому даже в случае моего разоблачения я мог бы получить неприятности лишь со стороны одного единственного орочьего клана, что было очень даже неплохо. Однако, лучше, конечно, было не попадаться на горячем вовсе.

Кто бы знал, насколько приятным для меня сюрпризом стало их возвращение в назначенный день уже в двукратном размере. Все же три дополнительных души было для меня хорошо, а семь — еще лучше! Тут даже отпадала всякая нужда хитрить и изворачиваться, чтобы подставить под удар всех, кроме одного. Один из них гарантированно должен был остаться с транспортом и еще пара убыть к дороге с телом обезглавленного сородича, тогда как вывести всех остальных прямоком на неприкаянных, виделось сравни отбиранию конфетки у ребенка. И да, сейчас бы я отобрал, возникни у меня потребность в конфете. А что еще можно было ожидать от бездушного человека живущего одним лишь рационализмом? Единственное, на все время моего отсутствия, в апартаменты эльфиек был определен вооруженный карабином Федя, с которым пришлось заключить официальный договор на предоставление ему вольной, если по возвращению я не обнаружу пропажу моего основного актива.

Договоренности договоренностями, но местный главный гном уж слишком любил деньги. Я ни секунды не сомневался, что он уже успел спланировать несколько вариантов «побега» всем трем ушастым, чтобы после выставить мне счет на оплату их проживания, дабы объегорить вовсе дважды — и обворовать, и повесить чужой долг. Будучи же оскорбленным до глубины души из-за неспособности проведения мною этой самой оплаты, легко мог выгнать одного облапошенного хумана вон из своей усадьбы с совершенно пустыми карманами. А то и вовсе захолопить в свою пользу вплоть до погашения задолженности. Ну и возможность организации моего невозвращения из похода с орками тоже нельзя было скидывать со счетов. Как и участие самих орков в моем устранении. Мало ли о чем они могли договориться за моей спиной. Все же я в его глазах являлся не только каким-то левым чужаком, который умудрился сорвать джек-пот, но и вместилищем ценной души, что можно было предложить забрать для собственных нужд тем же оркам. Потому в рукавах моей отстиранной и заштопанной формы были упрятаны пара совсем небольших шкуроросъемных ножей, изготовленных по моему заказу в местной кузне, а на пояс показательно был подвешен охотничий нож, чтобы потенциальному противнику было на что обращать свое внимание. Плюс кое-чего удалось вшить в пару швов гимнастерки на самый крайний случай. Ну и, естественно, приготовленный к открытию немедленного огня обрез, куда более удобный в замкнутом пространстве кузова фургона. Пусть он мог успеть подарить мне всего один выстрел, прежде чем дело дошло бы до поножовщины, карабин оказался бы

для меня вовсе обузой. Однако, на всякий пожарный случай, я, как проводник, планировал выбить себе право ехать в кабине, что давало мне хоть какие-то дополнительные гарантии безопасности в пути к месту поиска.

Наученный прошлым горьким опытом, на сей раз я ехал хоть с каким-то комфортом, подложив на жесткое деревянное сиденье мешок набитый сеном. В нем же были спрятаны полдюжина ошейников для контроля неприкаянных, доставшихся мне в качестве трофеев в первый день пребывания в этом мире. Прихватят ли орки с собой подобные магические артефакты, мне было неизвестно, отчего и приходилось рассчитывать исключительно на себя. К тому же, никому не следовало знать, что именно я прихватил с собой в этот выход, во избежание неприятных вопросов.

Не отставали от меня и орки. Если ставшие неприкаянными и те, кто прежде приезжал в усадьбу торговаться, были выряжены в обычную городскую одежду жителей начала XX века, то нынче все имели, либо форму военного образца, либо что-то типа походных костюмов. От такого вида мне даже вспомнился образ доктора Ватсона в антураже швейцарских гор с его почти берцами и гетрами натянутыми едва ли не до колен. В общем, внутренне мне было весело, от вида столь «серьезных» разумных, но наружу ни одна эмоция не просочилась, отчего мое лицо не выражало ровным счетом ничего. Я не верил своим нанимателям, они, скорее всего, ни капельки не доверяли мне. Так что мы находились в одинаковом положении. Теоретически.

Практика же показала, что «домашние» орки лишь грамотно раздували щеки. Стоило им увидеть начавшее разлагаться тело их родича, что так и продолжало лежать с разбитой головой у самой дороги, как двое тут же принялись метать наружу завтрак. Остальные хоть и сдержались, но выглядели бледновато. Не знаю, кем они являлись в повседневной жизни, однако лезть в леса наполненные неприкаянными им явно было не с руки. Ведь гражданским, решившим поиграть в зарницу со смертельным исходом, куда чаще не сопутствовала удача. Вот и от этих индивидуумов она явно отвернулась, сведя их со мной. Как говорил один из моих гражданских начальников, разрывая надвое список должных быть премированными сотрудников и, не глядя, выкидывая одну из половинок в мусорную корзину — «Не люблю неудачников». И сейчас я понимал его, как никогда. Действительно, с чего же их любить? Они же неудачники!

Погрузив в фургон тело погибшего, они, на удивление, всей толпой отправились вслед за мной в лес. Никто даже не подумал остаться у машины в целях прикрытия места отхода всей группы, на случай возникновения непредвиденной ситуации, а также, чтобы охранять реально ценное имущество, стоившее, по словам гнома, не менее пяти тысяч империалов. Чистые дети! Те самые, у которых мне не совестно было бы забрать конфету. Что я в принципе и сделал.

Как только мы добрались до второго трупа с отдельно лежавшей головой, и пара носильщиков, завернув тот в отрез брезента, отправились в обратный путь, я, в лучших традициях нашего национального героя — Ивана Сусанина, завел свои жертвы туда, откуда им уже не было обратного хода. Сделав солидный крюк вокруг места сосредоточения неприкаянных, я резко замер и, подняв руку в знаке «внимание», очень тихо пояснил своим заказчикам, что разглядел какое-то движение между деревьев.

— Схожу, проверю, что там такое промелькнуло. А вы сидите тихо здесь и ждите меня. Если через четверть часа не вернусь, возвращайтесь к фургону. Надеюсь, все запомнили, что Солнце светило нам в спину, когда мы заходили в лес и потому двигаться надо в ту

сторону? — совершенно честно указал я рукой в направлении оставленного грузовика, лишь забыв упомянуть, что на пути, метрах в пятидесяти, их ждут не дождутся желающие вернуть себе души неприкаянные.

— Хорошо. Будь осторожен, — лишь кивнул мне Зонаг — тот самый главный в группе орков, с которым я общался еще пару дней назад. — Да и мы сами побережемся, — показательно взвел он курок старого германского армейского револьвера, имевшегося на вооружении всех его сопровождающих.

Кивнув в ответ с самым серьезным лицом, я ушел в сторону метров на тридцать-сорок, обошел их со спины, немного передохнул перед предстоящим забегом и, выстрелив в небо, что было сил ломанулся прямо на своих подопечных.

— Волна! Волна неприкаянных! — надрывая глотку и размахивая в воздухе руками, принялся я нагонять жути и разводить панику. Волна неприкаянных была одним из самых страшных бедствий первых лет после слияния миров. Они могли быть маленькими, средними, крупными, гигантскими. Но, независимо от размера, всякий раз приводили к появлению, как новых вернувшихся, так и новых неприкаянных. Ведь полностью остановить живую волну, состоящую из десятков, а то и сотен тысяч ничего не боящихся тел, оказывалось не под силу даже сосредоточенным ружейным и пулеметным огнем целого полка. В первые дни после катастрофы так прекратили свое существование многие полки и даже дивизии всех армий мира, будучи просто заваленными «мясом». В большинстве своем, лишь те, кто успел забаррикадироваться в крепостях, фортах и казармах, смогли отбиться от подобного нашествия практически без потерь, поскольку неприкаянные не смогли пробиться внутрь укреплений. Так являвшиеся, по сути, крепостями Кенигсберг с Новогеоргиевском очень скоро превратились в столичные города новообразованных княжеств, как и многие другие крепости. Берлин же с Петроградом, подобно всем прочим крупным городам, превратились в натуральные ловушки для своих жителей. Лишь считанные тысячи счастливых смогли спастись из них, тогда как все прочие до сих пор продолжают охранять богатства постепенно разрушающихся городов, мгновенно набрасываясь на любое живое существо в инстинктивном желании заполучить себе душу. Причем всё то же самое успели пережить и остальные расы. Так что мой расчет строился на засевшей у орков в подкорке мозга боязни этого действительно жуткого явления. — Бегите! Бегите! — на ходу развернувшись, я выстрелил еще раз себе за спину для большего театрального эффекта и, сделав морду лица как можно более обреченной, продолжил свой панический забег.

Стадный инстинкт сработал как надо. Сперва один, потом второй, а следом и все остальные орки, сверкая пятками, помчались прямо навстречу своей гибели. А я, догнав водителя фургона, успел схватить его за шкуру и увести в сторону от разыгравшейся впереди трагедии, где пятерка пока еще полноценных живых разумных влетела в зону видимости находившихся там неприкаянных. Не прошло и десяти секунд, как звуки выстрелов сменились полными отчаяния криками, а следом за ними наступила простая молчаливая борьба. Почти три десятка тел сошлись в драке за пяток душ, постоянно накидываясь друг на друга, стоило кому-то отобрать душу у прежнего обладателя оной.

— Все, стоп, отдыхаем, — вновь схватив за шкуру бежавшего рядом орка, я дернул его за собой в попавшийся на пути овражек, где мы оба и свалились обессиленными с ходящими натуральными кузнечными мехами легкими. — Вот черт! Еще немного и попались бы! Зря я позарился на ваше предложение! Никакие деньги такого не стоят! — мгновенно принялся я

пробуждать чувство вины у спасенного орка, перекладывая ответственность за все произошедшее именно на их веселую компанию. — А ведь я предупреждал, что видел здесь неприкаянных!

— Так ты говорил, что их полдесятка было, — явно выбившийся из сил поболее моего, орк сам того не заметил, как совершил грубейшую ошибку, сразу начав оправдываться в ответ на выдвинутую мною претензию.

— Я говорил, что лично видел полдесятка! И дополнительно предупреждал, что их там могло быть больше! Было такое? — для пущего психологического эффекта я даже ткнул собеседника пальцем в грудь. — Было! — не дав тому времени подумать, сам же и констатировал удобный мне ответ. — А теперь смотри к чему, все это привело! Ой, не надо было с вами ехать!

— Так делать-то чего сейчас будем? — спустя пару минут общего молчания, поинтересовался-таки несколько отошедший от забега орк, не нашедший что ответить на мою эмоциональную речь.

— К фургону пойдем. Что еще-то остается? — пожевывая засунутую в рот травинку, отозвался я. — Все равно вдвоем мы ничего поделывать не сможем. А там еще два твоих родича должны быть. Вместе всяко будет веселее. Глядишь, соберетесь с духом, да пойдете отлавливать неприкаянных. Я же помню, что у вас в кузове с десятков ошейников в прошлый раз лежало. На всех их, конечно, не хватит. Но кого-то прихватить сможете. Да своих заодно заберете. Не прежними, конечно, а неприкаянными или же вернувшимися. Вот только, как я полагаю, это много лучше, чем оставить их гнить здесь.

— А ты? — с хорошо читаемым чувством ужаса на лице от описанной мною перспективы, воззрился на меня орк.

— А что я? Разве я подписывался таскать для вас неприкаянных? Моя часть сделки выполнена. Тела двоих сородичей, вы уже нашли. Третий же, несомненно, ходит где-то по округе в поисках новой души. Я вас по их следам провел, дальше разбирайтесь своими силами. — Для пущей наглядности того, что мне более нет никакого дела до их проблем, я отвернулся от него, открыл затвор обреза, убрал в патронную сумку вылетевшую на землю гильзу и принялся дозаряжать свое оружие. — Кто мне, кстати, теперь заплатит обещанные 40 золотых марок? — добавив два патрона, я клацнул затвором и вопросительно воззрился на еще больше побледневшего лицом соседа. — М-м-м?

— Ваши деньги были у господина Зонага, — опасливо покосился он на удерживаемый мною обрез, который невзначай оказался повернут дулом в его сторону. — Мы же, все остальные, обычные работники клана. Боюсь, у нас на всех не наберется столько денег. Никто ведь не предполагал подобных трат.

— Это звучит очень скверно, — мое оружие перестало чуть подрагивать в руках и, замерев, уставилось темным зевом дула прямо в лоб собеседника. — Звучит, как обман.

— Никакого обмана, господин следопыт! Честное слово! Ваши деньги находятся у нашего начальника! Вы сами сможете в том убедиться, если сможете вернуть его вернувшимся! — несколько скаламбурил орк или же артефакт-переводчик.

— Если я и соглашусь помочь вам с его захватом, то исключительно за дополнительные сорок золотых марок. И в эту цену возвращение души никак не входит! Я человек честный и не собираюсь превращать в бесправных смертников тех счастливиц, которым повезет выиграть бой за души твоих родичей. Во всяком случае, там, откуда я пришел, за такое самого могли определить решением суда в смертники, — принялся я притворять в жизнь

вторую часть плана по обзаведению собственным отрядом. — И за всех прочих орков, кого мне удастся повязать, я запрошу точно такую же цену. Сколько Зонаг ранее заплатил за каждого неприкаянного из вашего клана. Столько же я запрошу вновь.

— Да как же так? — откровенно растеряно произнес мой собеседник и нервно сглотнул.

— Да как-то так, — не стал я помогать ему с поиском решения проблемы, в которую они сами залезли с головой. Пусть даже при моем активном подталкивании. — Хотите моей помощи, платите. Не хотите платить, не просите о помощи и делайте все сами. Руки-ноги у вас есть. Ошейники тоже. Так что вперед, дерзайте!

— Мы заплатим, — удрученно свесил голову орк, у которого на самом деле не оставалось иного выбора. Пусть этот вид разумных и выглядел помассивнее среднестатистического человека, наличие более широкой кости и большего количества мышечной массы вовсе не означало их поголовной готовности рисковать своей жизнью. Кто знает, может этот конкретный персонаж являлся в повседневной жизни всего-навсего приказчиком или же водителем такого же грузовика, на котором мы прибыли сюда. Да, у него сохранялась преданность своему роду или клану, но навыков по захвату неприкаянных появиться от этого никак не могло. Потому предложение мне денег являлось для оставшихся орков действительно единственным выходом. Ведь в ином случае они все не вернулись бы в усадьбу при своей старой памяти, поскольку уходить отсюда без достойного навару я уж точно не собирался. — Но не сразу, — меж тем продолжил он и поспешил уточнить, увидев мой еще более хмурый взгляд, — Я же говорил, у нас с собой нет такого количества средств.

— В таком случае, вы доставите в усадьбу всех, кого я смогу отловить, и они останутся там до тех пор, пока не привезете мне всю сумму. И не забудьте, что господин Регин тоже потребует какую-то оплату за свои услуги по временному содержанию неприкаянных, — решил я слегка подловил собеседника на словах, поскольку планировал воспользоваться их более чем вместительным фургоном, чтобы, помимо орков, вывезти отсюда с десятков неприкаянных, а также все их имущество. Не бегать же мне сюда на своих двоих, чтобы прибрать все это добро к рукам, когда я с немалым трудом прошел чуть более трех километров и уже готов был помереть прямо тут.

— Да, да, конечно, — тут же принялся кивать головой явно обрадованный таким решением возникшего вопроса орк. Или же ему пришлось по душе то, что я, наконец, перестал держать его на мушке.

— Вот и договорились! — Может он и мало что решал в своем клане, но ничего другого сейчас мне в голову попросту не пришло. Конечно, предпочтительнее было бы увести с собой в сторону самого Зонага, но тот, как самый настоящий командир, бежал впереди личного состава и первым угодил в дружеские объятия неприкаянного. Мне попросту не хватило сил и скорости, чтобы нагнать этого спринтера, отчего пришлось переключаться на водителя, как второго по ценности во всей их компании. Теперь же приходилось верить на слово какому-то левому орку и параллельно планировать устранение двух его братьев по разуму, которые могли бы подарить мне еще неплохую надбавку за риск, ну и, конечно, душу в личное пользование.

Не форсируя ход, и постоянно прислушиваясь к каждому шороху, я вывел орка к дороге метрах в пятистах от фургона. Интуиция нашептывала мне, что все творящееся вокруг этой группы неприкаянных выходило за рамки рядового события, даже учитывая нормы этого сошедшего с ума мира. Потому лично мне требовалось шифроваться вдвое более усердно,

подставляя под возможный «огонь» тех бедолаг, что влезли во все это по желанию своего начальства. Ну не могли такие же доходяги, каким при «пробуждении» являлся я сам, расправиться с тремя эльфийскими рейнджерами, о возможностях которых гном отзывался исключительно в положительном ключе. Да и сам я успел не единожды прочувствовать на своей собственной шее вбитые в них рефлексы. Имейся у кого из них в руке кинжал, история моей новой жизни могла закончиться, толком не начавшись. Плюс эти непонятные, гражданские до мозга костей, орки, которых изначально привели сюда исключительно на заклятие в качестве приманки, явно посулив отличный улов при отсутствии какого-либо риска. То, что они промышляли торговлей неприкаянными и вернувшимися, мне было ясно по устройству их фургона. А, стало быть, они неплохо разбирались в теме. Потому соваться в наполненный неприкаянными лес в городской одежде и щегольских туфлях, виделось мне крайней степенью идиотизма с их стороны. А, не смотря на выражения их лиц, подходящие скорее больным каким-то умственным расстройством индивидуумам, сами орки являлись теми еще умниками. Недаром именно они, наравне с людьми, являлись наиболее технологически развитой расой, правда, с упором на изготовление превосходных штучных изделий под заказ в противовес массовому производству, к которому пришло человечество. В общем, я очень сильно опасался засады на всю нашу веселую компанию и потому отправил по дороге «сапера», сам же начав продвигаться параллельно ему по лесу.

Вот только дураком оказался именно я. Едва преодолев пару сотен метров, я попросту оказался сбит с ног сильнейшим ударом в спину и плечи, словно вляпавшийся в засаду засевавшей на дереве рыси неосмотрительный таежный охотник. Благо разум взял верх над посредственными рефлексамися доставшегося мне тела и, совершив кувырок через голову, я мгновенно откатился за ближайшее дерево. Не глядя выпалив из-за укрытия в сторону предполагаемой атаки, чтобы сбить натиск напавшего, я едва успел передернуть затвор, как тут же был вынужден уходить кувырком через плечо вперед и в сторону, чтобы не оказаться нанизанным на нечто вроде бевута. Слегка изогнутое и не сильно длинное лезвие клинка чиркнуло по стволу как раз на высоте моей шеи, после чего его ушастая владелица, явно раздраженно рыкнув, словно та самая рысь, кинулась прямо на меня, раззявив в оскале свою лишенную клыков пасть. Собиралась ли она впиться своими зубами в мое горло, я, естественно, проверять не стал, приняв «непрощенную гостью» на обе ноги, благо как раз успел откинуться на спину. Перекинув же эльфийку через себя, я вновь, не глядя, выстрелил в сторону ее предполагаемого места падения, одновременно скручиваясь телом с тем, чтобы оказаться лицом к противнику, да еще в позиции полуприсяда с опорой на одно колено. Лучше бы, конечно, было вовсе сместиться подальше за какое-нибудь укрытие, но пришлось в очередной раз совершать детскую ошибку, внутренне сетуя на слабость тела. Правда, пока разум брал на себя управление эквилибристикой, не совсем пропащие рефлекссы организма сработали на перезарядку обреза и потому я тут же смог выпалить в уже летящее на меня тело.

— Что вашу мамашу? — выругался я в стиле одного любителя мечей и красных костюмов, едва успев подставить ствол обреза под удар клинка. Летевшая точно в цель пуля, прекратила свое существование, едва ударившись о скрытые камуфляжем доспехи моего врага. Точно такое я когда-то наблюдал при попадании в бронежилет со стальной пластиной, у которого отсутствовал противоосколочный слой кевлара. Брызнувшие во все стороны горячие осколки свинца и мельхиоровой рубашки слегка задели мою правую щеку, да попятнали ближайшие деревья, оставив совершенно нетронутым личико «дикой»

эльфийки. Правда, энергии винтовочной пули оказалось достаточно, чтобы изрядно пошатнуть ту и потому нацеленный на усекование моей головы удар сильно смазался, угодив в только-только поднимаемый для защиты в жесте отчаяния обрез. Оставшись с голыми руками, поскольку от полученного удара мое оружие улетело куда-то в сторону, я только и успел, что со всей пролетарской ненавистью нанести обеими руками оглушающий удар по ушам провалившейся в мою сторону противницы.

Пусть криво-косо, но удар пришелся куда надо, отчего любительницу сносить чужие головы покачнуло, повело и с отчетливым хрустом костей приложило о дерево. Последнее — это уже вновь постарался я, совершив самый обычный бросок через спину захваченного за руку рейнджера. А после наступило время старого доброго удушающего приема. Подергавшееся с полминуты тело, наконец, полностью ослабло, позволив мне завести расслабленные руки за спину и повязать их сорванным с себя поясным ремнем наскоро избавленного от подсумков. Спустя же пару секунд процедуре связывания подверглись также ее ноги, благо бывшие владельцы спасшего меня обреза озаботились прикреплением к нему ремня для ношения на плече. Вот им-то я и переплел ходули эльфийки, заодно притянув всю эту конструкцию к рукам и связав все в единый узел. Для полноценной «ласточки» не хватало прихватить еще и шею, но и так вышло неплохо. Японцы со своим извращенным шибари рядом не стояли!

Однако, стоило мне расслабленно выдохнуть, как едва вновь не стал жертвой собственной беспечности. Ох, не успел я включиться в полной мере в требуемый режим, даже не смотря на все уже произошедшее. За что чуть не схлопотал грамм двадцать свинца себе в лоб. Ну и то, что руки стрелка тряслись, как лист на ветру, тоже сыграло свою роль в сохранении физических кондиций моей тушки. Выпущенная из револьвера пуля лишь просвистела рядом с ухом, да с чавком воткнулась в попавшееся по пути дерево.

— Ой, это вы! — едва не выронив оружие, всплеснул руками легко обнаруженный мною по солидному пороховому облаку орк. При этом он лупал на меня столь паническим взглядом, что мне его даже убивать тут же расхотелось. Наоборот, возникло непреодолимое желание взять его живым и поговорить по душам. Точнее, поговорить за его душу, которую ему явно требовалось спасти от того, что я мысленно уже приготовил для него.

— Я! — улыбнувшись ему в ответ, я преодолел разделявшие меня с недавним знакомцем десять метров, и, что было сил, влупил тому хлесткий апперкот в самый край подбородка, даже не став утруждать себя последующей ловлей рухнувшего, как подрубленного, тела.

Повязав незадачливого стрелка его же ремнем и шнурами, благо на ногах он носил какое-то подобие беготки, я также озаботился приматыванием добытых языков к деревьям, пустив на веревки часть верхней одежды орка. Правда, прежде в моих руках оказался револьвер, а на поясе был затянут ремень с кобурой и патронташем. Все же прожив в этом мире почти неделю, я ощущал себя откровенно голым, не имея под рукой оружия. С оружием же, я все еще продолжал ощущать себя голым, но уже вооруженным голым. А чтобы надсмехаться над вооруженным человеком, надо было не иметь мозгов вовсе. Ведь раз в десять лет и самому зеленому новичку могло повезти подстрелить признанного пса войны.

Удостоверившись, что ни у того, ни у другой, ничего такого не имеется в рукавах, швах одежды и обуви, я засунул обоим кляпы во рты и продолжил прерванный путь к фургону. Не услышать хлесткие выстрелы из канувшего в небытие обреза два должных находиться у него орка не могли, а, стало быть, мне следовало усилить бдительность и, обойдя их по большой дуге, подойти с тыла, да еще с противоположной стороны дороги. Недаром Бармалей со

товарищи пели, что нормальные герои всегда идут в обход. Да, это действительно не очень приятно и очень далеко, но позволяет уберечься от не предусмотренных природой отверстий в теле.

Правда, как впоследствии выяснилось, таился я напрасно. Оба орка лежали в живописных позах у машины уже остывающими с перерезанными глотками, по всей видимости, став первыми жертвами этого дня для той поехавшей крышей эльфийки. Я даже на всякий случай попробовал забрать их души, но таковых в телах не обнаружилось. А это было очень плохо, ведь вместо двухсот сорока золотых марок, мне теперь светило положить себе в карман лишь сто шестьдесят, поскольку добыча души для себя все еще значилась в приоритете всего этого мероприятия. Но прежде мне, как бездушному существу, следовало озаботиться сбором на продажу неприкаянных, которые теперь были для меня не опаснее котят. Ведь подавляющие ошейники гарантировали приведение жаждущего заполучить душу тела в состояние амебы.

Семь часов! Долбанных семь часов ушло у меня на сбор всевозможных ценностей, как разбежавшихся во все стороны живых, так и разбросанных по немалой территории материальных! Это пока неприкаянные находились на своих местах, все их имущество продолжало висеть на их телах. Но как только началась куча мала за обладание всего пятью доступными душами, все винтовки, подсумки, вещмешки и прочее имущество полетело во все стороны, будучи попросту сорванными голыми руками обладающими невероятной силой. Но эта самая мертвая хватка исчезала ровно в тот момент, как только на шею неприкаянного закреплялся волшебный артефакт. По сути, я ловил их на себя, как на живца. Подходя к очередному телу, дожидался от него ответной реакции и специально подставлял оголенную левую руку. С пару секунд «добыча» дергалась, словно попавшаяся на крючок рыба, но, не получая в ответ душу, успокаивалась. Уведя же такого подальше от его «товарищей по несчастью», я одевал на тело ошейник и шел «удить» следующего. А сколько нервов мне стоило отыскать пятерых вернувшихся, что в панике разбежались на километры! Благо наследить они умудрялись так, что потерять их след не представлялось возможным. По крайней мере, для меня. Под конец я уже настолько вымотался и озлобился, что едва не пристрелил очередного кинувшегося мне на перехват неприкаянного. И лишь понимание того, что убийство подобного существа принесет только убытки в виде недополученных средств и потраченного патрона, удержало мой палец на спусковом крючке от того, чтобы выбрать его ход полностью. Однако это все-таки случилось, под завязку забив фургон «уловом», я смог найти и последнего вернувшегося тоже. На мое счастье и на его беду.

О боже! Насколько же это было гадостное ощущение — поглощение чужой души. В течение всего процесса она смердела какой-то тухлятиной перемешанной с навозом. Да и ожидаемого облегчения отнюдь не принесла. Нет, так-то было конечно лучше, чем вовсе без души. Но вот чувство внутренней пустоты лишь несколько притупилось, тогда как тяга отправиться на поиски именно моей души, наоборот, усилилась. Наверное, именно подобные ощущения испытывали запойные алкаши по утрам, после чего начинали искать любой способ опохмелиться. В общем, внезапно для самого себя я осознал, что получил зависимость, навряде алкогольной, и настоящая ломка еще только ждала меня впереди. Вот только отдавать какому-нибудь неприкаянному даже такую, неподходящую мне, душу, я уж точно не собирался. А потому, поспешив нацепить на лишенное души тело очередной ошейник, я, непрестанно чертыхаясь, повел его помогать мне в последнем на сегодня деле. Ему-то было хорошо, примерно через час оно уже могло оказаться в уютной клетке под

завязку забитой такими же формами жизни, а меня впереди еще ожидал допрос с пристрастием аж двух разумных, для чего еще требовалось подготовить подходящую обстановку.

[1] Соверен — золотая монета Великобритании, к которой был приравнен фунт стерлингов. Советский червонец и империял Николая 2 были примерно равны по весу английскому соверену.

Глава 5. Все страньше и страньше!

— М-м-м-м-м! — встретил меня явно радостным мычанием ранее привязанный к дереву орк. Успевший обмочиться бедолага, по всей видимости, решил, что я оставил его здесь на гарантированную смерть. Потому он был несказанно рад видеть даже мою угрюмую и осунувшуюся физиономию.

— Да, да, да. Сейчас непременно поговорим, — не стал я разрушать его надежды и высвободил ноги пленника, который по моей воле был вынужден провести в не самой удобной позе аж целый день. Я, конечно, пару раз заглядывал к ним, чтобы проверить целостность пут. Но последний мой визит случился три часа назад, а Солнце уже принялось клониться к закату. Встречать же ночь в лесу полнящемся таких ужасов, не согласился бы даже я. Так что в некоторой степени мне была понятна радость «языка» от лицезрения своего пленителя. — Тебя хоть как зовут? — следуя четвертому правилу общения с людьми от незабвенного Глеба Жеглова, проявил я толику участия, начав помогать ему с восстановлением кровоснабжения затекших ног путем их растирания руками и в некотором роде массажа. — А то ведь так и не удосужились познакомиться.

— Сарлуг, господин следопыт. Меня зовут Сарлуг, — мгновенно выпалил тот, едва я успел договорить.

— А меня Александр. Вот и познакомились! — прихлопнул я его по ляжке и, подхватив за шкурку, вздернул на ноги. — Сейчас походи туда-сюда немного, чтобы к ногам вернулась чувствительность и после поможешь мне тащить эту эльфийку. Кстати, до того как напасть на меня, она успела перерезать глотки обоим твоим товарищам, что оставались при фургоне. Так что ты остался последний в здравом уме и твердой памяти из всей вашей дружной компании. При том, что у меня возникло множество вопросов. И главным среди них стоит покушение на мою жизнь. Ты вообще зачем в меня стрелял? Я же согласился поспособствовать с отловом неприкаянных, которыми стали твои родичи!

— Я испугался! Очень испугался! Я уже хорошо видел стоящий впереди грузовик, когда услышал выстрелы с вашей стороны, но не смог разглядеть какой-либо реакции со стороны своих друзей. А ведь у нас намного лучше развито зрение и слух, чем у вас, людей. Теперь-то я знаю, почему они никак не отреагировали, хотя не могли не услышать такой грохот. Тогда же мне стало страшно остаться тут совсем одному, если бы с вами произошло что-нибудь нехорошее. Потому я ринулся вам на помощь! А выстрелил случайно, — шмыгнув своим здоровенным носом, понурил голову орк. — Слишком быстро бежал и ударился рукой о дерево, когда выскочил к месту вашей схватки. Вот находившийся на спуске палец и дернулся. Вы ведь мне верите, что это произошло случайно? — возрился он на меня настолько щенячьим взглядом, что мне, кошатнику, захотелось тут же выстрелить ему прямо в лицо. И даже заполученная душа не шевельнулась внутри от такой кровожадной мысли.

— Я тебе, конечно, верю! Разве могут быть сомненья? Я и сам все это видел. Это наш с тобой секрет! Наш с тобою секрет! — безбожно фальшивя, пропел я пришедшие на ум строчки слышанной сто лет назад песни. — Вот только развязывать тебя по времену. Уж не обижайся. — Одобряюще похлопав его по плечу, я тут же подтолкнул орка по направлению к сверлившей меня очень нехорошим взглядом эльфийке. Эта, можно сказать, коллега по ремеслу, естественно, пыталась высвободиться, о чем свидетельствовали хорошо заметные потертости на веревках и коре дерева, не говоря уже о ее коже. Вот только ее я связал куда

капитальнее орка, фактически лишив возможности двигаться, хотя даже после такого она как-то умудрилась шевелиться. Видать обладала действительно отличной гибкостью и пластичностью.

— А вот с тобой, мой «дикий ангел», настолько же любезным я быть никак не смогу, — усадив рядом Сарлуга, присел сам и начал распутывать накрученные узлы. — Я со своей головой нахожусь в прекрасных отношениях, а ты пыталась нас разъединить. Такое, знаешь ли, не прощается, хулиганка ты ушастая, — по ее носику от меня прилетел игривый щелчок, направленный на то, чтобы вызвать еще хоть какую-нибудь реакцию помимо ненависти. Правда, калач попался тертый и потихоньку раскачать ее выученными некогда психологическими приемами, виделось куда сложнее, чем того же орка. Потому именно ей первой предстояло пройти через устроенное мною на скорую руку испытание.

Пусть руки Сарлуга все еще оставались связанными за спиной, прихватить эльфийку за шкуру и тянуть ее в указанном мною направлении это ему не помешало. Орки были действительно мощными ребятами, хоть и выдыхались очень быстро, как я смог подметить. Впрочем, запасов его сил вполне хватило на преодоление километра пути до места, где их обоих уже ждал с распростертыми объятиями последний из отловленных мною неприкаянных. Имея на шее ошейник, он никак не отреагировал на появление вблизи аж трех источников душ, тогда как оба моих пленника, похоже, начали догадываться о своей возможной участи.

— Господин Александр, — первым робко проблеял орк, поскольку рот его ноши все еще был заткнут кляпом, — а зачем вы нас сюда привели? — нервно косясь на привязанного за ногу веревкой к дереву неприкаянного, совершенно севшим голосом поинтересовался один из моих несостоявшихся убийц.

— На допрос, конечно! — улыбнулся я ему, словно лучшему другу, памятуя о первом правиле все того же товарища Жеглова. — Каждому из вас я буду по очереди задавать вопросы, а вы будете на них отвечать. Тот из вас, кто совет мне больше, уйдет отсюда неприкайным. Тогда как второй имеет все шансы сохранить свою душу и память. Вот видишь, как все просто!

— А как вы определите, кто врет, а кто говорит правду? — нервно сглотнув, уточнил немаловажный для себя вопрос будущий допрашиваемый.

— О! Это уже мой маленький секрет! А секреты на то и секреты, чтобы никто посторонний о них не знал! — со все той же милой улыбкой на лице пояснил я в ответ. — Ну да не будем затягивать. День и так уже близится к концу, а нам еще до усадьбы надо успеть доехать засветло. Итак! — прихлопнул я ладошами, выказывая свое нетерпение. — Кто желает отвечать первым?

Психологическая ломка разумного для большинства нормальных людей никак не являет приятным занятием. Не сильно любил это дело и я. Все эти игры на нервах, психологическое и физическое давление, резкое перескакивание с одной темы на другую, откровенное запутывание допрашиваемого. Ну не мое это было, не мое. Да и мой внешний вид только-только начавшего отъедаться ходячего скелета, на котором латанная-перелатанная солдатская форма висела, как мешок, не добавлял столь нужного эффекта превосходства. Тем более ситуация складывалась не в мою пользу, поскольку на самом деле мне требовалось сохранить обоих пленников, о чем они, правда, не подозревали. Но все же! Все же!. Потому, чтобы облегчить себе жизнь, я воткнул в землю с десяток колышек, последний из которых отмечал расстояние, на котором уже освобожденный мною от ошейника

неприкаянный совершенно точно мог дотянуться до столь желаемого источника души. После же банально начал перетаскивать, то одну, то другого, вперед каждый раз, когда мне не нравился их ответ на озвученный вопрос. Причем, на удивление, в лидеры мгновенно вырвалась эльфийка, которая лишь рычала в ответ, да угрожала порвать меня на мелкие клочки или вообще сожрать мою печень.

— Да что с ней не так-то? — не удержавшись, задал я вопрос орку, который лежал пока лишь на месте второй палочки из десяти, тогда как остроухая уже добралась до седьмой отметки.

— Это душа зверя, — совершенно неожиданно для меня ответил орк. — Неприкаянные же не разбирают, человек перед ними или зверь. Как чуют душу, так и хватают. В том же Кенигсберге, где обосновался наш клан, почти все рикши являются вернувшимися, что поглотили души лошадей. У таких сохраняется человеческий разум, но появляются инстинкты животного. Если животное было покладистым, то и разумный приобретет подобные черты и будет выглядеть несколько флегматичным. — Я не был уверен, что артефакт-переводчик донес до меня именно те слова, что произносил Сарлуг, но общая мысль стала понятна. — А вот те, кто поглощал души сильных хищников, превращались в подобных ей — в разумных хищников, для которых все остальные являются конкурентами за территорию, а также пищей. Страшные существа! Их, конечно, тоже отлавливают и со временем избавляют от хищнических душ передачей в объятия неприкаянным получившимся из приговоренных к смерти преступников или находившихся при смерти стариков. Но такое происходит редко. В основном их убивают при охоте, поскольку захватить такое существо безумно сложно. Я теперь даже более чем уверен, что если мы и найдем останки моего пропавшего несколько дней назад родича, то это будут только обглоданные кости, да гниющая требуха.

— Хочешь сказать, что она могла сожрать бедолагу? — даже несколько опешил я. Хотя что-то такое хищническое действительно проступало в чертах лица пленницы, не говоря уже о ее взгляде, прошедшимся по нам обоим с неким оттенком гастрономического интереса. Вот точно так ряд знакомых девушек из моей прошлой жизни порой глядели на пирожные либо же на шашлыки.

— Легко. Такое случалось не единожды, — как о чем-то само собой разумеющемся начал пояснять он мне. — Ее, кстати, свои теперь могут и не выкупить. Посмотрят, скажут, что порченная и уйдут. У эльфов к таким относятся с большим подозрением. Что-то там связано с их религией и магией. А могут, наоборот, сразу выкупить и тут же на месте казнить.

— А ты-то откуда это все знаешь? — не мог не задать я очевидный вопрос. Все же не о том, как варить кашу, рассказывал этот разумный.

— Так наш клан среди прочего официально занимается торговлей неприкаянными, смертниками и вернувшимися. Слишком многие погибли в первые годы после катастрофы. Рабочих рук катастрофически не хватает абсолютно всем. Поэтому данный рынок стал абсолютно легальным во всех известных нашему клану землях. В том же Кенигсберге аукционы по продаже душ проводятся каждый день. Кто-то доживающих последние дни стариков продает, кто-то умирающих от ран и болезней, некоторые сами не желают более жить в таком мире, животных вроде лошадей и собак продают опять же. Из душ последних, кстати, получают отличные охранники. Очень преданные! — начал он вываливать на меня совершенно спокойным, я бы даже сказал — деловым, голосом такие откровения, о которых

я прежде не слышал, и от которых у меня начинали шевелиться волосы по всему организму. Видать, начинала давать о себе знать поглощенная душа, получение которой меня явно несколько очеловечило. — Но сами мы ловлей никогда не занимались. Всегда выступали лишь посредниками и перекупщиками. Потому у нас и вызвало такое большое удивление нахождение наших сородичей в этих местах. Даже если учесть, что они планировали захватить те несколько десятков неприкаянных, которых мы видели ранее, затраченные на подобное усилия не окупились бы совершенно. Они же все старые и откровенно дешевые.

— Нет. Эти неприкаянные их точно не интересовали, — покачал я головой. — Слишком малое количество ошейников твои родичи с собой имели. А вот за ней приехать могли, — указал я рукой на порывивающую в мою сторону эльфийку. — Если каким-то образом прознали, что здесь имеется столь дорогостоящий «улов». Ну и смертника с собой обязаны были привезти тоже. Но им не повезло. Какой-то дикий зверь попался в объятия нашей новой знакомой раньше.

— Хм. Да. За эльфийкой приехать могли. Они товар очень редкий и очень ценный. Мы за месяц всем кланом столько не зарабатываем, сколько бы эльфы могли заплатить за вернувшуюся из своего народа.

— *Это ты еще не знаешь, что здесь их было аж четыре ушастых штуки,* — подумал я про себя и мысленно скривился, ведь за такие, действительно огромные, деньги какого-то жалкого хумана в моем скромном лице легко могли прикопать в ближайшем лесочке. Но отступить было уже поздно. Все равно, кроме как в усадьбу Регина, мне некуда было держать путь. Ведь без печатки гнома я не мог получить официальное право владеть всеми отловленными неприкаянными и вернувшимися, а, стало быть, оставался нищим, как церковная мышь. И те же орки, сунься я сейчас с ними в Кенигсберг, скорее прикончили бы меня, как ненужного свидетеля их неудавшихся темных делишек.

— Ну что же, благодарю за информацию. Более ты мне не нужен, — прихватив за шкуру потерявшего от такого развития событий дар речи Саргула, я потихоньку принялся подтягивать его к беснующемуся неприкаянному. Лишать его души, было бы, конечно, в корне неверным с моей стороны. Но у меня имелось непреодолимое желание услышать с его стороны что-нибудь еще. Причем не мольбы о пощаде, а что-то ценное. — Ведь ничего нового ты мне не поведал, — сказал я абсолютную чушь, но находящийся на грани смерти разумный вряд ли мог уличить меня в этом. Ведь ему было не до того, чтобы анализировать мои слова.

Впрочем, я ошибся. От страха бедолага нагадил в штаны и впал в истерику, но ничего дополнительного поведать мне не смог. Надежд же разговорить эльфийку не было вовсе, в силу ее звериного поведения. Засунуть бы сейчас сюда всех этих повернутых на аниме любителей зверо-тянок и неко-девочек, заполонивших в моем прежнем мире просторы интернета всевозможной графоманией разной степени пошлости! Полюбовались бы они, какими на самом деле являются их фетишные персонажи в реальной среде обитания. Говорите, милые хвостики и ушки? Да как же! Звериная ярость и желание сожрать ближнего своего! Вот чем отличались подобные существа от прочих разумных! И никаких кошачьих ушек!

Натянув на руки кожаные перчатки, без которых приближаться к неприкаянным не рекомендовалось совершенно, дабы не прикоснуться к оголенным участкам их тела и тем самым не отдать свою душу, я смог накинуть артефактный ошейник на все еще рвущегося к столь лакомым жертвам обездушенного орка. И лишь после этого повел столь пеструю

компанию к фургону. Смердящий фекалиями орк, жаждущая моей крови эльфийка, зомби или же вампир мечтающий поглотить мою душу и я, почти обычный человек, которому было откровенно наплевать на всех вокруг, являли собой самую настоящую антигероическую пати любой фэнтезийной игрушки — мысленно угорал я над своей новой жизнью, чтобы хоть как-то разбавить не самое радужное настроение. Все же прав был командир. Без чувства юмора, пусть даже, как у покойника, нашему брату заниматься своим ремеслом не следовало вовсе, ибо очень быстро можно было спиться. А так, слегка поржал над самим собой, и на душе стало легче. Хотя конкретно та душа, что нынче теплилась в моем теле, особого облегчения не испытала. Да и мне она переставала нравиться с каждым прожитым часом, так как вызывала чувство дискомфорта, будто внутри моего тела начал шевелиться какой-то чужой, готовящийся вот-вот вырваться наружу.

А еще, стоило всей нашей вонючей и донельзя обессиленной компании вернуться в усадьбу, как на меня обрушилась очередная неприятная новость. Прибывший в мое отсутствие представитель эльфийского народа отказался выкупать всех трех своих соплеменниц, так что теперь я находился по уши в долгах у гнома. Ведь эти остроухие красотки успели за прошедшие дни нажрать всевозможной еды на две сотни серебряных рублей. Плюс еще полтинник с меня потребовали за их проживание в лучшем номере таверны. В общем, куда ни кинь, всюду был клин, отчего мне очень сильно захотелось начать стрелять. Но мудрый, проживший четыре сотни лет, Регин пришел поведать мне столь неприятную весть изрядно вооруженным, да еще с солидным прикрытием, отчего мне пришлось задавить в себе первый порыв. Все равно кое-какие деньги у меня имелись, особенно после тихого присваивания кошелька Зонага, в котором обнаружилось аж пять золотых монет номиналом в 20 марок каждая, не считая серебра на текущие расходы.

Глава 6. Дикие кошечки

— И что теперь будешь делать? — не сильно довольный сорвавшейся сделкой, в которой он имел свою ну очень хорошую долю, но вполне удовлетворенный тем, что мне оказалось, чем расплатиться за большую часть уже понесенных расходов, Регин не стал меня никуда гнать и даже наоборот, предложил задержаться подольше. А что ему? Деньга за проживание и пропитание уже целых восьми разумных, находящихся на моем иждивении, капала стабильно. На неудачливых орках он, опять же, планировал поднять свой процент посредника, как оказалось, через которых только и возможно было продавать живой товар, поскольку выданные таковым разумным перстни тоже являлись магическими артефактами и оставляли «клеймо» не только на бумажном договоре, но и на телах самих неприкаянных и вернувшихся. Ну и окучивание моего мозга на тему продажи ему вернувшихся, никуда не делось. В последнем желании понять его было можно — земли у гнома имелось огромное количество, а вот рабочих рук, как и всем вокруг, катастрофически не хватало. Тот же управляющий таверны далеко не всегда был доступен, поскольку отвечал за часть складов, пивоварню, организацию работ по всевозможному строительству и добыче строительного материала в окружающих усадьбу развалинах замка и брошенного жителями города.

— Да вот, пришла в голову умная мысль и я ее думаю, — сделав глоток весьма неплохого пива, которое варили тут же, в усадьбе, я бросил задумчивый взгляд на эльфиек, что также сидели в обеденном зале таверны за одним из соседних столов. Имея донельзя кислые моськи, они вяло жевали поданную им на ужин пресную овсяную кашу. Да, время праздника живота для них закончилось сразу, как только был получен отказ на выкуп соотечественниками. Это мне еще повезло, что мы вернулись до начала ужина, и на них вышло сэкономить хоть что-то.

— Даже не думай продавать их в бордель! — заметив направление моего взгляда, тут же принялся шептать мне гном. — Мигом голову снесут!

— Так я же сам не собираюсь притрагиваться к ним, ни пальцем, ни чем другим, — изрядно удивился я такому возможному исходу вполне допускаемой мною торговой операции. Ведь прежде гном уберегал меня только от насильственного требования любви и ласки от этих остроухих красоток, находящихся ближе всех прочих виденных мною в этом мире дам к идеалам женской красоты распространенным в XXI веке. — К тому же родня сама отказалась их выкупать!

— Вот сразу видно, что не имел ты дел с эльфами, — расстроено покачал головой Регин. — Отказаться-то отказались, но голову за такое все равно отчекрыжат. Покушение на честь рода, как-никак! На защиту даже таких вот изгоев всегда встанет какой-нибудь двухсотлетний сопляк, что воспылает праведным гневом за порушение этой самой чести и начнет на тебя охоту. Ты такого, конечно, можешь пристрелить. Но за него придет мстить еще кто-нибудь, а следом подтянутся другие десятки остроухих любителей резать глотки. Потому лучше уж сам их теперь пользуй, — кивнул он головой в сторону отчего-то переставших жевать и побледневших лицом бывших рейнджеров. — На это право имеешь, коли все будет по обоюдному согласию. Ну, там сговоришься с кем из них полубовно за отличную кормежку, добротную одежду и золотую побрякушку. За такое охоту на тебя устроить не должны. Или продай какому богатею в горничные, пусть у того неразумного разумного пылает в штанах и ноет в шее. Но на продажную любовь толкать их не смей. Это

мой тебе первый и последний бесплатный совет, хуман. Дальше думай своей головой.

— Блин, как же с вами, не людьми, все сложно! — тяжело выдохнул я.

— Это с нами-то сложно? Да мы, гномы, вообще до сих пор пребываем в шоке от того, сколь громадные отличия имеются у ваших совершенно разных хуманских народов! Даже у тех, кто прежде жил в одной стране! Как вы друг друга не поубивали за все это время? — аж пристукнул он своей кружкой о стол от избытка чувств.

— О! Можешь не сомневаться! В этом деле мы всегда проявляли особое усердие! Но человек — тварь очень живучая. И приспособливающаяся. И мстительная, — недобро усмехнулся я, очень тонко намекая на то, что не следует планировать что-либо во вред моей тушки за моей спиной. А то, что гном, что-то задумал, мне было ясно, как божий день. Уж слишком участливым и обходительным он был по отношению ко мне — простому незнакомцу, которых в его владениях появлялось по паре человек в день, минимум. Не смотря на прошедшие годы, во многих брошенных городках, деревнях и селах до сих пор было чем поживиться, начиная от какого-либо стального инструмента, заканчивая банковскими сейфами, до сих пор хранящими серебро и золото канувших в небытие людей. Вот народ и разбрелся по окрестностям, чтобы заработать золотой-другой. А после их потерявшие души тела доставлялись ловцами неприкаянных на торг в какой-либо ближайший крупный город.

— Все мы стали приспособливающимися и отрастили себе клыки побольше, — отзеркалил мне такую же нехорошую ухмылку гном. — Иные не выжили, либо же начали свою жизнь с чистого листа.

— Тогда предлагаю тост, — приподнял я свою кружку, чтобы свернуть тему, на которую мы неожиданно вышли. — За понимание!

— За понимание! — тут же поддержал меня Регин.

— В таком случае, как мужик, ты меня должен понять, — отставив пиво в сторону, начал я серьезный разговор. — Мне этих ушастых девок таскать повсюду за собой исключительно с целью получения эстетического удовольствия от наблюдения за их мучениями — не с руки. Ладно бы от них была какая польза. Так ведь только жрут, что подороже, да лелеют планы усекновения моей головы. При этом ничего не знают и ничего не помнят. Как теперь выяснилось, даже походный дом терпимости из них не составишь. Но не приставить их к делу — значит продолжать терять деньги. Чего быть не должно в принципе!

— Это да! Терять деньги — последнее дело! — не стал изменять своим наклонностям гном.

— Вот и я о том же! На всём надо уметь зарабатывать! Даже на откровенно никчемных существах! — вновь покосился я в сторону эльфиек, от стола которых до меня начало доноситься обиженное сопение. — Поэтому, есть мнение, о необходимости срочного открытия в Кенигсберге стриптиз-бара! Город там, по нынешним временам, относительно большой и густонаселенный. Корабли, опять же, заходят в его порт время от времени. А в портовом торговом городе деньги по умолчанию крутятся солидные. При этом там все еще хватает никому не нужных капитальных каменных домов. — Я, естественно, не собирался оставлять поиск своей души. Но прежде виделось необходимым обеспечить себе более-менее крепкий тыл. Это в прошлой жизни за мной, так или иначе, всегда стояло сильное государство, обеспечивающее защиту, порядок и комфорт существования, коли на последнее у тебя имелись деньги. Здесь же мне невероятно повезло осознать себя живым посреди лета

и весьма споро выйти к месту, где могли предоставить кров над головой и пропитание. Вот только постоянно жить в таверне у гнома или в каком другом схожем заведении, виделось делом крайне разорительным, учитывая выставляемые Регином счета. Да и по старой доброй русской традиции сильно хотелось иметь солидный такой погребок, где можно было схоронить тонну-другую гречки, картошки, солений, варений, соли, спичек, патронов, пулеметов и много чего, дабы пережить зиму или же какой новый черный день. Учитывая же местное целое черное десятилетие, запасов хотелось набрать и того поболее. Вот только располагать в качестве крепкого тыла прибыльным заведением виделось куда лучшим вариантом, нежели каким-то простым домом, на обеспечение которого всем потребным еще требовалось бы изрядно разоряться.

— А что такое стриптиз-бар? — видать, у артефакта-переводчика не нашлось должного обозначения в гномьем языке, отчего мне даже стало по-мужски жаль всю сильную часть их народа.

— О! Это очень нужное и полезное место! Представь себе, не добротную пивную, к которым столь привычны местные бюргеры, а заведение с вчетверо большим залом и сценой, на которой установлены натертые до блеска бронзовые шесты. — Все же в эти времена достать шесты из бронзы мне виделось куда более простым делом, нежели искать поставщика легированной стали. — И на этой сцене, по всякому по разному извиваясь вокруг шестов, танцуют под зажигательную музыку остроухие, длинноногие, гибкие, прекрасные ликами, принадлежащие мне эльфийки. Но танцуют не просто так, а будучи одетыми лишь в кружевные чулочки и нижнее белье примерно вот такого фасона. — Нельзя было сказать, что из меня получился отличный художник или модельер, но наскоро набросанное огрызком простого карандаша на небольшом листке бумаги женское тело хотя бы угадывалось, как и обозначенные на нем мини-бикини в большинстве своем состоявшие из одних только веревочек, с редким вкраплением треугольничков ткани. — А коли разгоряченная алкоголем, музыкой и зрелищем публика начнет кидать на сцену звонкую монету, то танцовщицы в благодарность начнут избавляться от своего невеликого одеяния, пока не останутся полностью нагими! Посмотри на них, Регин, и после этого скажи, глядя мне в глаза, что ты отказался бы от возможности лицезреть подобное представление. — Судя по тому, как, жадно сплотивший гном, принялся поглаживать притороченный к его поясу кошель, он представил себе не только обнаженных длинноногих подтянутых эльфиек, со стороны которых как раз раздался очень возмущенный писк, но и те деньги, что реально было заработать владельцам первого подобного рода заведения в столь крупном городе, как Кенигсберг.

— Орки на таких, пожалуй, не клюнут. Уж больно страшны все эльфы на их взгляд, впрочем, как и вы, хуманы. Хоть вас это касается в меньшей мере. — Принялся рассуждать он вслух, судя по устремленному в неведомые дали взгляду, продолжая параллельно подсчитывать в уме будущие барыши. — Да нашим многим не придется подобное по душе — слишком уж они у тебя рослые. Не любим мы таких дылд. А вот все прочие должны пойти толпой на лицезрение такого-то зрелища. Так что мыслишь ты в верную сторону. Продолжай!

— Назову заведение «Дом диких кошечек». Выряжу всех ушастеньких в нижнее белье, выделанное из шкур тигра, льва, пантеры, пумы и так далее. На трусики нашьем хвостики, на головах закрепим обручи с мохнатыми кошачьими ушками, — продолжил я расписывать свое видение основных участвующих лиц, заманивая столь потребного мне партнера в этом

рисковом деле. Все же это для меня подобный внешний вид девах не стал бы чем-то невиданным прежде. Я никогда не был ханжой и, случалось, зааживал в соответствующие увеселительные заведения для мужчин, где каких только видов не представало моему жаждущему эротических красоток взору. Потому говорил о том, что знал не понаслышке. — Сцену же поставлю как раз напротив окон или даже витрин, но последние занавешу тяжелыми шторами и направлю свет так, чтобы силуэты танцовщиц просматривались снаружи. Но не более того! Потенциальный клиент должен возжелать непременно посетить мое заведение, но никак не наслаждаться волнующими видами на халяву. И, естественно, сделаю вход в заведение платным. Минимум одна марка с разумного. А также надо сразу запланировать отдельные кабинки на втором этаже для частных танцев. Мало ли кто захочет поизучать точеные тела столь экзотических красоток своим внимательным взглядом, не афишируя личного присутствия. Ну и, конечно, пиво будет чуть дороже, чем в прочих барах. Главное, место подобрать такое, чтобы располагалось не на отшибе, и денежная публика могла себе позволить спокойно посещать его, не опасаясь, ни шальных неприкаянных, ни грабителей.

— Хм. Идея стоит как минимум того, чтобы ее обдумать. Тем более, что у тебя имеюсь знакомый я, у которого в свою очередь имеется собственная пивоварня, — показательно качнув кружкой, сделал он солидный глоток пенного. — Теперь я даже не возьмусь сказать, отрубят ли тебе эльфы голову за такое. С одной стороны, в продажные девки ты их не сдашь. С другой же стороны, какая-никакая тень на их род все же будет падать от описанных тобой забав.

— А если они сами согласятся на такое, без понуждения с моей стороны? — решил я уточнить немаловажный момент, ведь тащить их в свою постель с их собственного согласия мне более не возбранялось по словам того же гнома. Чем же в плане бесчестия отличались от такого действия танцы с раздеванием? Может он тоже не являлся великим специалистом в понимании взаимоотношений внутри эльфийского народа, но всяко знал побольше моего. Ну и устранять меня, ему, отчего-то, сейчас не требовалось, иначе я имел все шансы не вернуться из крайней поездки в лес. Потому хоть какая-то доля правды в его словах должна была наличествовать.

— И как ты это видишь возможным? — тот мигом сосредоточил свой взгляд на моей скромной персоне. Видать заданный мною вопрос являлся очень верным в его понимании складывающейся ситуации.

— Все очень просто. Те деньги, что полетят на подиум, будут отходить им в полном объеме. Хотя, нет! Треть должна будет отходить заведению за предоставление места и создание безопасных условий работы. А вот две трети — им. Пусть копят на свой выкуп хоть десять лет, хоть полвека — срок отработки будет зависеть только и исключительно от них. Потому, чем больше они сами будут распалять публику своими прекрасными, как на мой взгляд, телами, тем быстрее смогут выкупиться. Их же собственные соплеменники спокойно смогут приходить в мое заведение и буквально забрасывать сцену золотыми монетами, если захотят. Я вовсе не против такого развития событий. Мне ведь главное получить себе те деньги, которых они должны были стоить. А дальше пусть идут на все четыре стороны. Держать не буду. Да и кормить их за свой счет я точно более не собираюсь. На хлеб, воду и пустую кашу они, конечно, могут рассчитывать. Но не более того, — все же чуть сжалился я в самом конце, из-за едва проклюнувшегося душевного порыва.

— Хм. Были бы обычные, гражданские, девки, такое еще виделось бы возможным, — в

задумчивости почесывая свою бороду, произнес гном. — Но вот боюсь, что эти предпочтут сдохнуть от истощения на обозначенной тобой диете, нежели согласятся вертеть налево и направо своими выставляемыми на всеобщий показ женскими прелестями. Пусть они лишились памяти, но ведь еще недавно были егерями. Воительницами! Что-то же от воинской чести у них должно сохраниться внутри.

— Тогда пушу их на приманки, когда пойду за неприкаянными в следующий раз, — чуть-чуть более громким голосом, нежели вел беседу прежде, озвучил я иное допускаемое мною применение повисших на моей шее мертвым грузом разумных. — Былая прыть у них явно сохранилась. Глядишь, продержатся подольше прочих. И даже если вновь лишатся души, мне-то какая разница. Вновь поймаю и сдам, как неприкаянных. Хоть какие-то деньги в карман упадут. А то пока от них вообще никакой пользы нет, сплошные убытки. А убытки — это зло! — привел я самый железный для гнома аргумент, с чем он молча согласился, чокнувшись со мной своей кружкой.

— А что планируешь делать с той «дикой кошкой», которая сейчас сидит в казематах моей усадьбы? Она ведь, ни на то, ни на другое, не согдится, — напомнил мне Регин о четвертой пойманной эльфийке. — Дело, конечно, твое. Но посланник эльфов успел осмотреть твой последний остроухий улов и готов дать три сотни империалов за ее умерщвление. Немалые деньги!

— Давал бы он три тысячи этих самых империалов, я бы даже сам ему топор протянул, чтоб голову рубить сподручней было. Но за три сотни расстаться с таким трофеем? Не-е-е! Пусть ищет другого дурака! — с поглотившей звериную душу эльфийкой вышла вообще интересная история. Когда я грузил ее повязанную по рукам и ногам в фургон, то дотронулся до оголенного участка кожи и понял, что могу выдавить в нее уже имевшуюся внутри меня душу. Или же, наоборот, абсорбировать в себя ее душу зверя, ведь моя внутренняя пустота не исчезла полностью. Видать у душ разных разумных и просто живых существ имелся, что ли, свой вес или объем. Ни ей, ни мне, не хватило всего одной поглощенной души недостаточного «веса», чтобы стать полноценными вернувшимися. А это было очень интересно! Впрочем, как и очень боязно! Ведь экспериментировать с возможностью передачи душ предстояло с самим собой! Становиться же обычным неприкаянным из-за собственной глупости или же любопытства, не хотелось совершенно. С другой стороны, когда еще, если не сейчас, можно было относительно безопасно провести подобный эксперимент? Привязать ее и еще кого из вернувшихся к столбам, да попробовать передать душу. Естественно, предварительно оставив себе что-то вроде дневника о том, что уже успел сделать и на что надеялся, проводя такой опыт. Все же принятие в себя души сыграло и одну резко отрицательную роль — я потерял возможность спокойно разгуливать по крупнейшим городам мира, что все еще продолжали оставаться во власти, если не миллионов, то сотен тысяч неприкаянных, некогда бывших их жителями. Это здесь, на бывшей линии сосредоточения войск Германской и Российской империй, смогла сохраниться разумная жизнь. В глубине же территорий, там, где некому оказалось дать какой-либо отпор появившимся в одночасье десяткам миллионов неприкаянных, нынче царило мертвое запустение. И настоящее богатство! А деньги мне были ой как нужны, ведь мой путь лежал именно на восток, вглубь России, откуда доносился зов моей души. Идти же туда в одиночку, либо же малым отрядом, виделось невозможным. Собрать же крупное войско, численностью хотя бы в стрелковый батальон со всеми потребными службами и обозом, по нынешним меркам стоило немислимых средств. Мало было выкупить себе достаточное количество

вернувшихся для формирования основной ударной силы, всех их следовало еще вдобавок одеть, обусть, накормить, вооружить, обучить потребным навыкам и снабдить всем необходимым для длительного автономного похода. К тому же, требовалось нанять под сотню свободных стрелков для формирования этакого заградительного отряда, ведь бытие холопом многие терпели лишь по двум причинам: кроме как в обжитых местах, достать пропитание было попросту негде, и за их хозяином всегда имелась реальная сила. У того же Регина вся охрана состояла из вольных, а вот выкупленные вернувшиеся привлекались только к хозяйственным работам. К примеру, Федю он сперва желал выкупить, чтобы определить в строители, но после получения тем вольной, тут же нанял к себе в усадьбу еще одним стражем. Причем, как я подозреваю, за сущие копейки, поскольку получившему свободу парню попросту некуда было податься. Эльфик, к сожалению, выкупать за полную цену или даже со скидкой, тот отказался наотрез, понимая, каким чемоданом без ручки стали все три мои холопки. Что уж было говорить про четвертую! — А я постараюсь найти ей применение получше. В крайнем случае, освобожу ее от души зверя, слив ту в умирающее бездушное тело и после куплю смертника, чтобы увеличить количество танцовщиц в моем будущем стрип-баре. — Говорить о том, что такими, полностью сохранившими свои боевые навыки, профи не разбрасываются, я не стал. Нечего жадному гному было знать или хотя бы догадываться, сколь сильно приглянулась мне эта «дикая» эльфийка в качестве будущего вольного или же невольного соратника по оружию. Уничтожать имеющийся в ней потенциал своими собственными руками я уж точно не собирался, прекрасно понимая, сколь сильно может пригодиться он мне в скором будущем. А потому в ближайшее же время ту ожидал доступный мне «полевой» курс психологической ломки наряду с вербовкой, чему в немалой степени обещала поспособствовать новость о желании видеть ее мертвой высказанном прибывшим ушастым соплеменником.

— И так тоже можно, — тем временем, пока я прокручивал в голове черновой план привязки к себе такого бойца, согласно кивнул головой, не нашедший к чему придраться, мой собеседник. — Долгосрочные вложения они тоже нужны и важны. Если сможешь полюбовно договориться со своими эльфийками, я войду в твое дело своим пивом, — не преминул аж дважды надуть меня хитрый представитель подгорного народа. — А затраты на поиск и ремонт здания бара можем уже поделить поровну.

— Ты говори, да не заговаривайся, борода многогрешная, — приступил я к торгу, не забыв погромче стукнуть кружкой по столу, тем самым выражая уровень своего негодования. — Девки мои! Плюс, именно они будут обеспечивать привлечение клиентов, которые будут хлебать твое пиво! Ты ведь и хотел бы поставлять его в Кенигсберг, да немцы тебя, несомненно, не пускают. А чисто свое, гномье, заведение держать не выгодно, ведь местные бюргеры к тебе просто-напросто не пойдут из солидарности с местными же пивоварами, которых они знают многие десятки лет. Будь все иначе, такой рачительный хозяин, как ты, уже непременно утвердился бы на столь доходном рынке, — сделал я очень вероятное предположение, основанное на знании реалий человеческой сущности. — Потому ты мне еще должен останешься, если выйдет продавать твое пиво через этот бар! Так что, ежели хочешь иметь равную долю в будущем заведении, с тебя поиск и ремонт здания. Покупку, коли у него найдется хозяин, так уж и быть, готов провести в равных долях.

— Да как у тебя только язык повернулся такое сказать! — начался нормальный рабочий процесс торговли со стороны моего собеседника...

Глава 7. Эльфы полезные и не очень!

— Чего тебе? — с хорошо различимыми нотками рыка, не сильно приветливо поинтересовалась сидящая в натуральной стальной клетке «дикая» эльфийка. И даже переданная мною часом ранее целая жаренная курочка не сильно поспособствовала ее расположению ко мне. Хотя, положительный эффект от столь вкусной и сытной еды мог быть полностью нивелирован тем фактом, что прежде мне пришлось раздеть ее донага, дабы убедиться в отсутствии новых неприятных сюрпризов. Все же ее я полагал неким аналогом меня прежнего, просто в антураже иных реалий. Вот и пришлось экстраполировать на нее свой личный опыт, полученный еще на службе родине. Припрятывать, где только можно и нельзя всевозможные ножи, лески, пилки и много чего еще, нас тогда учили на совесть. А штопанный-перештопанный балахон из самой дешевой дерюги, да к тому же буквально разъезжающийся по швам, прикупленный мною у местных за две серебряные марки, сокрыть бы ей не позволил ничего в принципе. Впрочем, не смог он и возместить былое одеяние. За что, признаю, на меня тоже можно было затаить обиду.

— Эльф, который приходил тебя осматривать недавно, готов заплатить только за твою смерть, — не стал ничего скрывать я, так как сейчас данная правда была мне только на руку. Коли объект вербовки стал для, вроде как, своих, мало того что не нужен, так вдобавок еще и по какой-то причине опасен самим фактом своего существования, грех этим было не воспользоваться в свою пользу. Обида, особенно женская, она, знаете ли, позволяла профессиональным мозгокрутам лепить из любого разумного потребного им исполнителя, словно фигурку из пластилина. И хотя мне до высот подобных специалистов по работе с психикой было, как до Луны, для заронения зерна сомнения годились и имевшиеся весьма скромные познания. — Чем-то ты ему не приглянулась. Видать, сожрала что-то не то, пока пропадала в лесах. Или кого-то не того.

— И чего не возьмешь деньги? — рыкнув от досады, все же поинтересовалась совладавшая со своей звериной натурой ушастая. — Судя по твоему внешнему виду, даже ломанный грош для тебя лишним не будет, — окинула она мою тушку брезгливым взглядом. И ее можно было понять. Не успев толком отдохнуть, или даже как следует помыться после приключений в лесу, я действительно выглядел со стороны непрезентабельно, особенно учитывая общее состояние моего истощенного организма.

— Он жадный. Предлагает какие-то три сотни золотых. Сущие копейки! — аж показательно сплюнул я на пол, давая понять собеседнице все, что я думаю о такой сумме. Ведь говорить напрямую о моей заинтересованности в ее дальнейшей службе уже на пользу мне, означало бы загубить абсолютно все, что только можно. Нет! Человек, или в данном случае эльфийка, сама должна была прийти к правильным с моей точки зрения мыслям. Мне же только и оставалось, что потихоньку подстегивать ее мыслительный процесс, да подталкивать к удобным лично для меня выводам. — Ты стоишь, минимум, в десять раз больше. А деньги, как ты сама подметила, — показательно провел я руками по измятой и изгвазданной в грязи гимнастерке, — мне нужны. Не в том я положении, чтобы кидаться столь великими средствами из-за скупердяйства твоего соплеменника.

— Если ты полагаешь, что я могу выкупить себя сама, то у меня с собой таких средств нет, — голосом, буквально сочащимся ехидством, поведала она хорошо известный мне факт. — Или ты желаешь получить оплату натурой?

— Судя по расценкам на проституток в ближайшем обжитом городе, тебе всей жизни не хватит, чтобы расплатиться со мной таким образом, — ответил я на столь занимательное предложение снисходительным взглядом. Предложение, конечно, было более чем заманчивым, учитывая мои мужские потребности и внешний вид тех деревенских баб, что проживали в крепости. На их фоне моя собеседница смотрелась, как прекрасный лебедь среди болотных жаб. Именно среди жаб! Даже не уток! Видать сказались, как дореволюционные деревенские идеалы красоты, царившие в Восточной Пруссии, так и гибель при постигшей мир катастрофе большей части генофонда всех наций. Хотя, возможно, то был всего лишь результат многолетнего тяжелого труда на земле и по хозяйству всех этих женщин, тогда как в юности они являлись очень даже миленькими девушками. Да и доступа к магической медицине у них явно быть никак не могло, в отличие от данной эльфийки. Однако ж, пусть располагающаяся передо мной особа притягивала к себе мой взгляд, то был неоспоримый факт, но заводить с ней даже мимолетную интрижку не следовало вовсе. Ни к чему иному, кроме как к гибели, подобное в будущем привести никак не могло. На службе имелось место лишь служебным отношениям — это гласил один из тех непреложных законов войны, что был написан кровью. И в данном плане я всегда являлся очень законопослушным гражданином. Но ныне знать об этом никому не стоило, а потому только и оставалось, что продолжать отыгрывать рядового местного жителя — то есть жадного и бездушного мерзавца, что мыслит исключительно о собственном благе. Ведь именно таковыми всех сделал новый мир. Иные просто не выжили. — Хотя, может тебе как раз и хватит. Ты же из народа долгожителей будешь.

— Тогда повторяю свой вопрос. Чего тебе надо? — поняв, что этот раунд словесной перебранки остался за мной, вернулась она к началу нашего диалога.

— Хочу сохранить свои сбережения. Хочу, чтобы твоя аппетитная попка еще послужила мне, — специально чтобы слегка раззадорить ее, сменил я свой взгляд на откровенно похотливый. — Много чего хочу! И для этого она должна остаться столь же аппетитной, да вдобавок в комплекте со всеми остальными частями твоего тела. Но чуется мое сердце, что тот эльф не уедет отсюда без твоего. Причем аккуратно так вырезанного, завернутого в окровавленный платочек и упрятанного в какую-нибудь коробочку. А потому, ты сейчас будешь молчать и внимательно слушать все, что я тебе скажу. Ну и ответишь на все мои вопросы. Иначе следующая наша встреча все же станет последним моментом твоей жизни.

Гадский эльф, оставивший меня практически у разбитого корыта, тем не менее, в конечном итоге оказался полезен. Впрочем, как и его «дикая» соплеменница. С последней, помимо всей одежды, я смог снять самую настоящую магическую броню и даже пару магических же побрякушек. Но более всего меня заинтересовал кулон, от одного вида которого у приезжего эльфа затрепетали ноздри, как и у подсевшего к нам за стол Регина, стоило тому разглядеть заключенный в оправу из платины чистейший бриллиант карат так в 8–9.

То, что с вещами последней пойманной эльфийки что-то не так, я осознал еще в лесу. А как могло быть иначе после обследования ее кожаной брони, находившейся под маскхалатом, на которой попросту не осталось ни намека на попадание винтовочной пули? Я знал, что этот мир изменился. Я знал, что в него даже пришла магия. Плюс в своей прошлой жизни я родился и вырос не в лесу, отчего пару тройку РПГ-шек в жанре фэнтези успел-таки заценить. Так что, после обнаружения на теле моей несостоявшейся убийцы такой солидной ювелирки, в голове сами собой возникли мысли о всевозможных магических

амулетах. В нашем случае — защитных. И реакция заезжего эльфа сказала мне о многом. Гном-то понятно, как та ворона, попервой сделал стойку именно на блестящую и явно дорогую цацку. А вот остроухий явно разглядел нечто много большее. Потому я и принялся разводить его на информацию. Не напрямую, естественно, а исподволь.

— Я вижу, вы распознали амулет, — пока тот не ляпнул чего-то типа — «дорогая побрякушка», пришлось мне сразу обозначить свое понимание истинной сути вещи. — Подзарядить сможете?

— Кхм, о чем вы? — мгновенно взяв под полный контроль свои эмоции, он лениво скользнул по мне взглядом.

— Вот только давайте не будем играть в игру известную нам обоим и сэкономим время, — показательно скривил я свою физию. — Я знаю, что это отличный защитный амулет. Вы тоже знаете это прекрасно. Но, в отличие от меня, также видите, насколько сильно он разряжен. Продавать его кому-либо я точно не намерен. Однако, готов заплатить хорошие деньги за полное восстановление его заряда. Не просто же так сюда направили для проверки приведенных мною вернувшихся именно вас. Вы тот, кто может видеть недоступное взору других. Иначе говоря, вы маг. А, стало быть, способны зарядить подобные артефакты, если, конечно, обладаете познаниями нужной школы.

— У тебя никаких денег не хватит, чтобы расплатиться со мной за подобную услугу, — через губу процедил в мою сторону эльф и показательно вернулся к поглощению своего позднего ужина, ведь я поймал его как раз за приемом пищи. — Поэтому, как ты сам ранее правильно сказал, сэкономь нам обоим время и больше не беспокой меня.

— А если я соглашусь продать вам для последующей казни ту, последнюю, эльфийку? Зарядка этого амулета, плюс пять сотен империалов и она ваша, — решил я выложить свой основной козырь. — Как мне кажется, уважаемый Регин не откажется прямо здесь и сейчас оформить все, как надо. И все мы получим то, что желаем.

— Легко! — тут же вставил свои пять копеек в наш разговор почувывший наклонувшуюся прибыль гном. — Заполнить стандартный бланк договора купли-продажи не займет и пары минут.

— Я предлагал триста золотых, — отложив-таки вилку с ножом, впервые с некой долей внимания посмотрел на меня высокомерный эльф.

— Мне это прекрасно известно, — только и сделал, что кивнул я в ответ. — Но цена в пять сотен империалов, видится мне куда более честной. Мы ведь оба понимаем, что никто из остальных трех представительниц вашего народа, кои сейчас являются моей собственностью, не годятся ей даже в подметки.

— Да, триста золотых все же было маловато, — мгновенно встал на мою сторону гном, старающийся за свою львиную долю награды, что вообще-то должна была стать только моей. — За те же деньги ее можно было очистить от звериной души и сдать, как неприкайнную перекупщикам в Кенигсберге. Пусть это заняло бы пару дней, но дополнительные две сотни золотых того стоят.

— Плюс я готов за эти деньги сам пустить ей пулю в затылок, если у вас нет желания пачкаться самому. Хотя сейчас выведем ее за стены усадьбы, да и упокоим навсегда, — поспешил я предложить свои услуги палача.

— Это было бы неплохо. И еще лучше было бы, оставайся она в этот момент вашей собственностью. Я даже готов вам заплатить за такое представление те самые три сотни золотых, — в наглую лишил он гнома его прибыли, отчего хозяин усадьбы аж задохнулся от

негодования.

— Идет! — протянул я эльфу свою руку, удостоившись в ответ лишь очередного брезгливого взгляда. — Но прежде, чем пойдем вытаскивать ее из клетки, вы здесь и сейчас зарядите сей амулет, — потряс я перед его носом сжимаемым в руке кулоном. — Деньги же можете передать мне на месте непосредственно перед выстрелом. — С учетом того, что в тех трех сотнях больше не было гномьей доли, составлявшей 50 % от сделки, я получил бы на руки на 50 монет больше, чем если бы мы сторговались на полутысяче, но при посредничестве местного владыки. Потому мое резкое согласие никак не могло насторожить этого самоуверенного франта. А мне же торговаться было не с руки, поскольку получить я собирался куда больше, нежели этот конкретный собеседник мог мне предложить в принципе.

— Да будет так, — поджав губы, он принял из моих рук артефакт и зажал тот в своих ладонях. — Ну вот. Готово, — минут через пять изрядно побледневший и даже обзаведшийся капельками пота на лбу эльф кинул на стол кулон. — Теперь твоя очередь, короткоживущий, исполнять свою часть сделки.

— Идите за деньгами, господин маг, — расплылся я в полной довольствия улыбке. — Буду ждать вас у главных ворот.

Обернулся эльф на удивление быстро. Это не мне, это ему пришлось ждать у калитки, которую ночная стража готовилась открыть для нас. Начальник смены даже было попытался высказать мне претензию по поводу ночных походов отвлекающих его людей от несения службы, в надежде сбить с меня хоть какую монету за беспокойство, но быстро замолчал, стоило мне покрепче дернуть удерживаемую за шиворот эльфийку. Те обноски, что были куплены мною для нее, не выдержали столь грубого обращения и с легким треском разошлись по швам, практически полностью выставив на всеобщее обозрение великолепную полную грудь пленницы. Весьма удачно получилась этакая слегка прикрытая женская нагота, оставляющая очень большой простор для мужского воображения. Расстроено цыкнув, я перехватил кисти ее рук, что были связаны за спиной, и задрал их максимально вверх, отчего передвигаться далее та могла исключительно согнувшись буквой «Г», отпячив свою привлекательную попку. О да! Зачет по отвлечению внимания противника, я получил бы легко и непринужденно. С такой-то «курсовой работой»! Недаром наиболее высокооплачиваемые телохранители-женщины всегда играют роль безмозглых содержанок, мажорных подружек или, в крайнем случае, сексапильных секретарей-референтов. Учат их, как правильно становиться отвлекающим фактором и при этом оставаться совершенно беспомощными существами в глазах возможного противника. Учат на славу! Здесь же мне пришлось все делать самому.

— А вы ее точно расстреливать ведете? — проявил здравый скептицизм тот самый начальник смены, увидев подобную картину, за что я сам себе поставил твердую пятерку с плюсом. Естественно, мысленно. Впрочем, находишь я на его месте, и не знай того, что знаю, так же подумал бы о совершенно другом. Психология! Тут понимать надо!

— Можешь сходить с нами, если хочешь. Постреляем в три ствола, — похабно улыбнулся я в ответ, весьма показательно подвигав своими костлявыми бедрами, отчего у стража начался прилив крови, причем, отнюдь не к лицу, а кое-где пониже. С женским полом в местном замке все было очень напряженно, отчего я не сомневался в том, что «рыба» клюнет на такую-то аппетитную приманку. Пусть именно такой ход событий мною не планировался изначально, не воспользоваться моментом было просто выше моих сил. Вот

и импровизировал прямо на ходу, раз уж ситуация складывалась подобным образом. — Я предпочту отстреляться в голову, а ты, куда фантазия подскажет. А? Как тебе такое предложение?

— Ну, как бы, это. Можно, конечно, сходить, проконтролировать. Звериная душа все же. Такая может и отчебучить чего, — нервно переступив с ноги на ногу, пробормотал обычный мужик, которому даже краткое обладание подобной красоткой, что шипела и дергалась в моем захвате, не светило в принципе. Вот у него и начал закипать котелок, в котором принялись сражаться личные низменные желания и служебные инструкции. Все же тут только мы с эльфом были вольными птицами. Этот же товарищ, по сути, находился в карауле, все правила несения которого, какой устав ни возьми, были написаны исключительно кровью.

— Ага, как раз двое будут держать, чтобы не дергалась, а третий стрелять. Давай, стрелок, присоединяйся. Вот увидишь, будет весело, — продолжил я его подначивать, поскольку мой план предполагал обязательное присутствие кого-нибудь из числа работников или же служащих усадьбы. И раз этот персонаж буквально сам свалился мне в руки, грех было отказываться от такого бесплатного подарка судьбы. — А то когда тебе еще выпадет шанс отстреляться в такую красотку! Они же все недотроги! Здесь же пристраивайся сзади поудобнее и делай свое дело. Красота же!

— Ну, да, наверное, надо все же сопроводить вас, — жадно сглотнув, с трудом оторвал он свой взгляд от практически не скрываемой обрывками ткани покачивающейся крепкой женской груди размера так четвертого, которая у столь рослой и крепкой девушки, стоило отметить, смотрелась весьма органично и пропорционально всему остальному телу. — Снаружи не безопасно. А вы наши гости, как-никак. Потому дополнительный ствол будет не лишним.

— Тогда чего стоим, кого ждем? Открывай ворота, — по-дружески хлопнул я его свободной рукой по плечу. — Отойдем метров на двести, к одному из уцелевших домов, да приступим, пожалуй, чтобы под стенами усадьбы громкими звуками никому сон не портить, — подмигнув ему, да состроив для верности максимально хитрую моську, мне только и оставалось, что с умом воспользоваться конечными результатами своего актерского мастерства.

Да, да! Вот так! На удивление, мне даже не пришлось заманивать звонкой монетой кого из стражей на поход с нашей веселой кампанией. Столь потребный мне человек вызвался буквально сам, стоило лишь слегка сместить акцент в ответах на его вопрос. Но, да его слабая моральная стойкость была мне только на руку. Потому под светом Луны я с удовольствием повел всю нашу компанию к запомнившемуся мне уже разобранному наполовину домику с вынесенными оконными рамами.

Специально наступив на волокущиеся по земле обрывки хламиды, тем самым лишив пленницу последней одежды и позволив обоим моим сопровождающим вовсю любоваться волнующим видом «кормы» нагнутой в недвусмысленной позе «жертвы», я подвел их к нужному месту уже в изрядно возбужденном состоянии. Тот же строящий из себя неведомо кого эльф, нет-нет, да задерживал свой взгляд на покачивающихся перед его взглядом крепких полушариях, чего я в принципе и добивался. Ведь, попадая в нестандартную ситуацию, тот, кто хоть на время переставал думать головой, не имел шанса вовремя и правильно отреагировать на изменение внешних условий. А здесь и сейчас мне это ой как требовалось для претворения в жизнь задуманного плана.

Весьма неожиданно нанеся удары под колени моей пленнице, я задрал ее руки еще выше, чтобы получить возможность справиться со все еще брыкающейся девицей, которая по физической силе на порядок превосходила мое нынешнее тощее тело. Тут же рухнув коленями и лицом на землю, она практически полностью потеряла возможность рыпаться и лишь продолжала рычать, видимо, понимая, что сейчас произойдет, и оттого изрядно бесилась. Все же я, не только присмотрел подходящее место, но и соответствующим образом накрутил эльфийку, пообещав ей незабываемую ночь любви перед неизбежной кончиной. Прежде с эльфами я дел, считай, что не имел, но те по умолчанию являлись долгожителями и благодаря накопленному за сотни лет жизни опыту могли разглядеть в моих и ее действиях фальшь. Потому я постарался на славу, чтобы даже тысячелетний «комар» не мог бы подточить своего носа.

— Господин маг, вставайте здесь, чтобы проконтролировать мои действия, — обратился я к «заказчику преступления», указав тому место как раз у стены напротив ближайшего оконного проема. — Ты же, служивый, пока посторожи нас, — кивнул я охраннику себе за спину. — Мало ли кто здесь может по ночам бродить. Я сейчас побыстрому отстреляюсь, и после уступлю очередь тебе. Сможешь сделать свой контрольный выстрел, коли имеется такое желание, — расплывшись в похабной ухмылке, подмигнул я ему. — А господин маг посмотрит, коли заплатил именно за это. Кстати об оплате, — вновь повернулся я к эльфу. — Хотелось бы увидеть обещанные деньги.

— Делай свое дело быстрее, короткоживущий, — почти что прошипел в ответ от внутреннего негодования эльф, но полез-таки рукой в висевшую на плече сумку и вытащил оттуда шесть пузатых кошель по типу средневековых. — Вот твоя плата. По пятьдесят монет в каждой, — вытянул он в мою сторону занятые кошельками руки. — Приступай, наконец!

Показательно жадно облизнувшись для вида, я оглянулся через плечо, дабы удостовериться в том, что стражник не смотрит в нашу сторону и принялся снимать с плеча свой карабин, который, очень неудачно уронил подальше от себя на землю, не удержав одной рукой. Очередной отвлекающий маневр сработал на отлично и опустивший взгляд на упавшее оружие эльф на несколько мгновений утратил бдительность. И, главное, совершенно потерял меня из вида.

Удерживая одной рукой эльфийку, а второй схватив за руку эльфа, я тут же принялся перекачивать между нами всеми имеющиеся в нас души. О! Надо было видеть лицо этого позёра, когда он осознал, что же на самом деле произошло. Да-да-да! Этот заносчивый остроухий даже успел испугаться, прежде чем в эльфийку перетекла его прежняя душа, превратив его самого в неприкаянного. Что я и поспешил озвучить как можно громче, правда, предварительно пройдя в ноги эльфа и, прихватив их под коленями, закинул того внутрь дома, затратив на все это дело от силы пару секунд. Благо более соприкосновений оголенных участков кожи между нами не случилось и тот не смог «зацепить» используемую мною временно душу.

— Неприкаянный! — одним рывком подняв эльфийку на ноги, я толкнул ее в сторону повернувшегося на мой выкрик стражника. — Там! — только и успел я ткнуть пальцем в сторону зияющих черными провалами оконных проемов, как в том месте появился силуэт лишившегося души эльфа. Именно в этот момент я дернул кончик повязанной на руках эльфийки веревки, и хитрый узел мгновенно распустился, вернув той достаточную свободу действия.

— Тревога! Неприкаянные! — мгновенно заорал что было мочи стражник и даже пальнул в воздух, видимо, чтобы предупредить своих. Но это оказалось последним, что он успел сделать, поскольку был тут же зафиксирован мною взятием руки на излом и брошен в сторону рванувшего прямиком на нас эльфа. А пока они боролись в объятиях друг друга за право обладания душой, я подскочил к ним и приголубил человека прикладом по затылку. Даже если бы он был одним из принадлежащих мне вернувшихся, я, непременно, пожертвовал бы его душой в пользу долгожителя, за которого его соплеменники торчали теперь мне не менее трех тысяч империалов. Здесь же вовсе удалось заработать за чужой счет! Дело оставалось за малым — крепко-накрепко связать освободившейся веревкой бесчувственное тело бывшего стражника, подобрать оброненные эльфом кошель и со всех ног драпать к усадьбе для наведения дальнейшей паники.

Тем временем, пока я был занят пеленанием неприкаянного, между оставленными без присмотра эльфами происходили свои эльфячьи разборки. Пока заполучивший себе человеческую душу и совершенно не понимающий, что происходит, эльф хлопал глазами, да крутил головой по сторонам, вобравшая в себя его душу вдобавок к уже имеющейся звериной эльфийка с оттягом зарядила тому по яйцам. А после попыталась проделать то же самое со мной! Лишь вовремя чуть скрученная внутрь правая нога позволила отделаться ударом по касательной, но даже так пришлось обиженно поскулить за такую несправедливость.

— Даже не надейся, что я что-либо забыла! — ткнула в меня пальцем скалящая зубы обнаженная эльфийка обладавшая поистине умопомрачительной фигурой. — И перестань пялиться! — отвесила она мне пощечину. Точнее попыталась, поскольку в ответ я уже бил апперкот, так что успеха не достигли мы оба, по причине одновременного нанесения друг другу этих ударов. Как крепко накрепко вбивали мне когда-то в голову, нет женщин, детей, мужчин, стариков. Есть только враг, коли тот взял в руки оружие. Потому и бил я деваху в ответ без всяких сопливых сомнений, что непременно возникли бы в голове какого-нибудь интеллигента и стали бы причиной конца его жизни.

— Цыц, дура, если хочешь жить! — кивнул я в сторону потихоньку приходящего в себя эльфа, почесывая слегка пострадавшую щеку и параллельно засовывая за пазуху нащупанные на земле кошель. Ведь если своей прежней памятью жертва моего коварства более не располагал, то запоминать все новое никто ему запретить не мог. — Он же очухивается! Лучше вот, одень, — стянув с себя китель от германской формы, я протянул его эльфийке и реально сглотнул тут же набежавшую слюну от того, сколь натужно тот натянулся на ее верхних ста десяти как минимум и сколь неуверенно прикрывал зону бикини. Вид столь шикарной обнаженной женщины конечно возбуждал. Но вид почти рвущегося от натяжения на двух великолепных полушариях военного кителя возбуждал куда больше. Ведь появлялось чувство некоторой тайны, которую вот прямо сейчас виделось возможным раскрыть, стоило лишь протянуть руку вперед, да расстегнуть пару пуговиц. Видать, отнюдь не один только адреналин был впрыснут в кровь потихоньку оживающим организмом, раз уж подобные мысли мне стали забивать мозги в условиях боевой обстановки.

— Все равно хватит пялиться! — опять рыкнула она в мою сторону и, как я ясно видел, с трудом сдержалась, чтобы вновь не пнуть почти пришедшего в себя эльфа, еще считанные минуты назад жаждавшего ее смерти. — Лучше помоги ему и пойдем обратно. Я голодна, как дикий зверь, и уж поверь мне, не потеряла интереса к кое-чьей печени. — Ткнув меня рукой в бок, она столь хищно облизнулась, что я решил последовать ее совету без всякого спора. Это если бы она была пьяной и связанной, мне можно было попытаться счастья

справиться с ней. Нынче же, после обретения бывшей пленницей души полноценного разумного, повязать ее голыми руками, нечего было и мечтать. Ведь помимо прежнего звериного чутья в ней отныне теплился полноценный расчетливый разум долгожителя.

Подхватив теперь уже пятого принадлежащего мне вернувшегося из числа эльфийского народа, я потянул ничего не понимающего разумного в сторону разразившейся светом фонарей усадьбы, отвечая тому, что обо всем мы поговорим потом, когда достигнем безопасного места, поскольку здесь за нами могут охотиться новые неприкаянные. Естественно, кто такие «неприкаянные», тот пока еще не понимал. Но быть объектом охоты совершенно не желал, так что отправился с нами без какого-либо сопротивления.

Глава 8. Разговор по душам, коли они есть

Встретив самым первым Регина, которого, судя по его всклокоченному виду, подняли из постели, я кратко описал тому случившееся нападение неприкаянного. Все же пострадал его человек, и потому он имел полное право знать о случившемся. Впрочем, как и хозяин местных земель, тоже.

Сказать, что гном не был обрадован новости о потере одного из своих бойцов, значило сильно преуменьшить. Он ругался, на чем свет стоит, поминая излишне любопытного начальника смены стражников последними словами. Ведь я поведал ему чистую правду — что вел эльфийку на оплаченную ее соплеменником казнь, а его подчиненный самостоятельно решил полюбопытствовать, что и как там будет происходить. Остальное же стало делом случая. Все же даже в хорошо почищенных от неприкаянных местах, время от времени, случались их нападения. Ведь лишенная души живая оболочка вполне могла погнаться за каким-нибудь зверем, вроде той же лисицы, и таким образом выйти из леса к заселенным людьми территориям. А дальше все решал случай. Я же честно поведал гному, что первой жертвой стал именно заезжий эльф, а вот служащий усадьбы уже попал в объятия самого эльфа. И сразу, чтобы избежать возможного скандала, напомнил ему, что сей вернувшийся ушастик отныне мог быть оценен в стандартные три тысячи импералов, как минимум.

Лишь мысль о своих 50 % этой суммы выкупа, по всей видимости, позволила рачительному хозяину усадьбы смириться с потерей стражника, тем более что тот являлся наемным служащим. Я же, мысленно потирая руки от на отлично разыгранной комбинации, столь же мысленно выстраивал свой будущий разговор с обзаведшейся аж двумя душами эльфийкой. Дурой она не была, да к тому же помнила все. Потому мне с ней требовалось прийти к какому-то соглашению. И лишь будущие переговоры могли показать, к какому именно.

Сажать ее отныне в клетку было не с руки. А вот обиду на меня та затаила знатную. Ведь я слегка не договорил ей, выкладывая изначально лишь малую часть задуманного плана, дабы в ее ненависти ко мне никто не смог бы разглядеть даже оттенка фальши. Да и дефиле в обнаженном виде, осуществленном по моей вине, ей явно не пришлось по душе. Разве что смягчающим обстоятельством могла стать потеря памяти теми, кто сумел разглядеть ее тело во всех подробностях. За исключением меня самого разумеется. Но в прощение я не верил сам и не безосновательно подозревал в подобном подходе к такого рода вопросам «дикую» эльфийку, помимо всего прочего являющуюся представителем мстительного женского рода.

— И что теперь? — проводив метаящим молнии взглядом своего соотечественника, которого вернувший себе хорошее настроение гном уже успел закабалить в мою пользу и теперь вел в самый роскошный номер своей таверны, дабы заработать еще больше, она перевела свой взор на меня.

— Теперь обождем приезда очередного эльфа, и если он тоже откажется выкупать тебя, пойдешь с тремя остальными своими товарками в танцовщицы. Будешь по вечерам развлекать толпы пьяных мужиков, крутя своими выдающимися прелестями налево и направо, пока не сможешь выкупить сама себя, — безразлично пожал я плечами. Все же, как учили нас правила торговли, изначально предлагай противной стороне наилучшие для тебя

условия. Что я, собственно, и сделал.

— Кстати о моих прелестях, — поморщила она свой носик, явно припомнив, перед кем вынужденно вертела ими. — Мне, знаешь ли, задувает, — для большей наглядности подергала она за полы отданного ей кителя, нагибаться или приседать в котором ей уж точно не следовало, дабы не светить перед собравшимися вокруг мужиками самыми интимными местами.

— Знаю, — в очередной раз столь же безразлично пожал я плечами. — И что? Тратиться тебе на новую одежду я уж точно не собираюсь. И так уже влетел на деньги с твоими оказавшимися никому не нужными соотечественницами. Еще и на тебе терять серебро, я точно не намерен. Поэтому, радуйся хотя бы этому кителю. Ну и штаны к нему смогу тебе добавить, как только доберемся до моего номера. На большее даже не рассчитывай. Я и так в долгах, как в шелках, из-за вашей остроухой братии или сестрии — уж извини, не знаю, какие слова имеются в вашем языке. А богатым человеком меня назвать никак нельзя. Поэтому довольствуйся тем, что имеешь, и молись, чтобы дело не дошло до того, чтобы кто-то другой получил возможность довольствоваться тем, что имеет тебя.

— А как же моя прежняя одежда? — раздраженно скрипнув зубами от слов своего нынешнего хозяина, уточнила та немаловажный для себя момент. — Или уже успел кому-то продать?

— И рад был бы, да никто не позарился. Пришлось для начала отдать в стирку. А то от нее такая вонь шла, что аж глаза слезились. Твоя былая звериная душа не понимала что ли потребности, сперва спускать штаны и только после делать свои маленькие и большие дела? Может тебе и сейчас штаны выдавать не стоит? А то мало ли недавние привычки еще правят балом в этой головушке, — постучал я пальцем по лбу угрожающе нависшей надо мной эльфийки. Как же в этот момент я понимал гномов, ведь мне тоже не пришлось по душе, что надо мной кто-то вот так имеет возможность нависать. Особенно учитывая тот факт, что мое родное тело, как минимум, не уступало ей в росте, и разум это прекрасно помнил. Видать именно на этой почве совершенно испортился характер представителей подгорного народа. Ведь жили себе тысячи лет в окружении исключительно своих. Никто не смел именовать их коротышками, поскольку все были равны, плюс-минус какая-то статистическая погрешность. И на тебе! Теперь весь ваш народ навсегда оказывается ущемленным по островому признаку. Естественно с такого «счастья» начнется портиться характер! Прямо как у меня сейчас, отчего и не следил особо за языком, тем более что процесс психологической ломки одной конкретной остроухой девицы лишь только принялся входить в свой начальный этап.

— Ну, давай, скажи еще что-нибудь в этом духе, короткоживущий. Подпиши себе смертный приговор, — буквально прошипела та в ответ на мое нахальное поведение, будучи окончательно доведенной до ручки.

— То, что у тебя появилась душа разумного, вовсе не означает, что она может у тебя сохраниться, — схватив ее за воротник и притянув вниз, чтобы наши лица оказались на одном уровне, выполнил я ее пожелание на радость стоявшего позади нее молодого стражника. Тут же задравшийся китель явно открыл тому волнующий вид, раз уж у него даже винтовка выпала из рук. — Твои соплеменники уже отказались от тебя. О том у меня имеется отметка в официальных бумагах на владение тобой, как вернувшейся. Да и на твоей шее тоже не просто так проступила налитанная магией закорючка! — дабы не портить тела выжиганием клейм, просвещенные разумные лет семь назад обратились к магам с заказом

на разработку волшебного аналога тавро. С каковой работой те превосходно справились, отчего мгновенное опознание лично свободного и лично зависимого разумного стало делом одного взгляда. — Так что теперь ты и твоя бедовая задница принадлежат только и исключительно мне. Что, не подумала об этом? Решила, что сможешь мне как-либо отомстить, получив свободу действий? Даже не надейся! Ты теперь моя вещь, которой я буду пользоваться так, как посчитаю нужным. Поэтому помалкивай и следуй за мной, пока я сам тебя о чем-нибудь не спрошу. — Церемониться с этой ушастой, которая, как и вообще все прочие, была мне нужна лишь с целью заработка денег, я уж точно не собирался. Да, в отличие от трех ее товарок, роль этой «тигры» в моих планах была куда как более долгоиграющей. Ей предстояло стать одним из ценнейших рабочих инструментов в моих руках, нежели просто товаром для торга. Но, в конечном итоге, все, так или иначе, сводилось именно к повышению моего благосостояния, вести без которого потребные мне поиски виделось совершенно невозможным делом. Тем более, что демонстрируемая дерзость полностью перекрывала ей путь в те же стриптизерши, который я, как вариант, рассматривал для трех оставшихся на моей шее остроухих «отказников».

Приведя ее в каморку, которую прежде делил с Федей, я швырнул ей штаны и кивнул головой на вторую койку, предложив устраиваться поудобнее. После жизни в лесу и стальной клетки, даже деревянная кровать с набитым сеном матрасом и колючим шерстяным одеялом должны были показаться ей райскими условиями. Для приличия я даже отвернулся к ней спиной, когда она обожгла меня негодующим взглядом, ведь надеть одолженные штаны, не засветив передо мной в очередной раз все, чем природа одарила ее ниже пояса, виделось нереальным. Причем, на удивление, мне даже не пригодился потихому зажатый в руке небольшой и потому со стороны почти незаметный шкуроръемный нож. Ни огреть меня табуреткой по голове, ни придушить, ночная гостья не попыталась.

Посопев с полминуты, она справилась с прикрытием ранее обнаженного «тыла» от всевозможных алчущих взглядов и требовательно уставилась на меня, что я отлично почувствовал своим затылком. Такое, знаете ли, развивается со временем у всех, кто не единожды ходил «за речку». Иные попросту не выживали. Вот и мне когда-то повезло попасть в список первых, а после не менее повезло перенести этот полезный навык в новую жизнь, которую и жизнью-то пока можно было назвать с натяжкой. Скорее выживанием.

— Ты знаешь, что делают с вернувшимися, которые убивают своих владельцев? — нарушил я образовавшуюся тишину. Спать в одной комнате с ненавидящей тебя женщиной, да еще некогда определенно обученной тихо убивать, виделось последним делом. Но и снимать для нее отдельную каморку я тоже не собирался. И так донельзя жадный гном изрядно зарабатывал на мне, чтобы позволять ему повышать свое благосостояние за мой счет еще больше. Потому, прежде чем завалиться спать, требовалось расставить все точки над «і».

— Нет, — все еще продолжая сверлить меня тяжелым взглядом, соблаговолила-таки ответить мне остроухая соседка по комнате.

— Владелец земли, на которой произошло подобного рода преступление, обязан выследить убийцу по магическому тавру, — указал я рукой на ее шею, где появился небольшой знак, вроде татуировки из двух скрещенных молотов на щите, — и превратить убийцу в смертника. Потому им выгодно искать таких преступников, чтобы впоследствии передать их душу одному из имеющихся в их подвалах неприкаянных. В тело же убийцы впоследствии сливают ту же душу зверя и казнят. Либо же просто казнят, коли нет нужды подчистить какое другое тело от подобной заразы. Иначе говоря, последующая жизнь ему

или же ей никак не светит от слова «вообще». — Именно поэтому хозяйева земель, являясь также посредниками при продаже тел и душ, почти везде драли такой высокий процент с каждой сделки. Ведь они, по сути, также выступали гарантами исполнения живым имуществом своего долга перед хозяином. — Они же следят за соблюдением того ряда правил, что были определены владельцам вернувшихся. Это одна из тех причин, по которой, ни ты, ни три твои бывшие товарки, до сих пор не познали для себя вновь, что значит интимная близость с женщиной. Даже в этом безумном мире есть правила, которые потребно соблюдать, коли имеется желание жить. Я со своей стороны их пока соблюдаю. Ты же можешь попытаться нарушить уже этой ночью. Но тогда никогда не сможешь узнать, по какой такой причине твои же соплеменники списали тебя в утиль. Не сомневаюсь, что ты не забыла, однако все же напомним — такой же эльф, как ты, готов был заплатить мне только за твою смерть. Живой ты ему не была нужна. А там, где был один, может объявиться и второй, и третий, и десятый. Потому, если хочешь разобраться в этом деле, если хочешь сохранить свою голову на плечах, если хочешь не шарахаться от каждой тени и не пугаться каждого звука, советую дружить со мной. Ведь ныне я единственный вооруженный разумный, кто стоит между тобой и твоим неизвестным прошлым, — не преминул я возможностью посеять дополнительные зерна сомнения в ее разуме. Ведь именно так, потихоньку капая на мозги, виделось возможным выковать себе послушное живое оружие.

— А тебе с того какой прок? — не найдя в моих словах противоречий, она была вынуждена признать их правоту. Вместе с тем, верить в мой альтруизм после всего произошедшего, ей тоже было не с руки.

— Те, кто придут за твоей жизнью, будут эльфами. А каждый вернувшийся или даже неприкаянный эльф стоит очень хороших денег. Поэтому не ищи каких-либо скрытых мотивов. Все лежит на поверхности. Я просто-напросто собираюсь заработать на тебе как можно больше золота, пока ты не сдохнешь, либо же пока не накопишь на выкуп для самой себя, — пожал я плечами в ответ на ее вопрос, скрывая за очень правдивой ложью не сильно внушающую доверие правду. — И чтобы тебе было к чему стремиться, один процент с каждой моей сделки по продаже твоих несостоявшихся убийц будет уходить тебе. Сможешь тратить эти деньги, хоть на шмотки, хоть на отличную еду, хоть на приглянувшееся оружие. Но я бы посоветовал отдавать большую часть обратно мне, в качестве очередного взноса за твою свободу.

— И какую же цену ты мне назначишь? — было видно, что мои слова не пришлись ей по душе, но мой подход к временному решению ее вопроса был не единственной проблемой остроухой красотки. Ведь это для меня на кону стояли неплохие деньги. С ее же стороны ставкой была жизнь. Что она прекрасно понимала сама. Потому вопрос скорейшего выкупа из моей собственности стоял едва ли не на первом месте ее повестки дня.

— Была бы ты обычная гражданская, просил бы пару тысяч империалов. За каждую из тех трех кошечек, что ночуют в соседнем номере, запросил бы по четыре тысячи золотых. Но ты не кошечка. Я видел тебя в деле. Ты у нас матерая тигра и потому никак не можешь стоять дешевле шести тысяч. Вот выплатишь мне всю эту сумму, и гуляй на все четыре стороны. Подумай хорошенько и учти, что тем же кошечкам, — я показал большим пальцем на стену, якобы за которой находился их номер, — придется за свою свободу лет пятьдесят крутить своими буферами на потеху грязным, потным, пьяным, пошлым мужикам.

— И это все? Тебя интересуют только деньги? — проявила моя собеседница здравый скепсис.

— Не только, — покачал я головой. — Ты здесь изгой. Это факт, подтвержденный отказом твоего народа выкупать тебя обратно на свободу. Но и я также почти пустое место для всех местных. Соответственно, для тех, кто успел взять здесь власть в руки, мы оба никто. А с никем, в случае возникновения недопонимания, обычно не договариваются. Таких зачастую тихо устраняют, тем более, что в действующих реалиях исчезновение слишком многих можно списать на очередное нападение неприкаянных. Вот был разумный, и не стало его. Осталась лишь бездушная оболочка, — оценив, что меня внимательно слушают и не отмахиваются от моих размышлений, я продолжил. — Я бы не желал закончить свое существование подобным образом. Да и ты, как я полагаю, тоже. Потому у нас, помимо вопроса получения как можно большего количества денег в минимально сжатые сроки, имеется еще один общий интерес — просто остаться разумными. Ради этого я готов начать прикрывать спину тебе, коли ты согласишься начать прикрывать спину мне. Мы вряд ли пробудем вместе много лет. Ведь я не собираюсь запрещать тебе зарабатывать еще каким-либо образом, если это не будет мешать осуществлению моих планов. Хочешь, шей платья на заказ. Хочешь, нанимайся в наемные убийцы. Хочешь, срезай у ротозеев кошельки. Хочешь, работай прачкой. Хочешь, торгуй своим телом. Мне без разницы, пока это не касается меня напрямую. Но в любом случае на первых порах нам обоим крайне необходимо на кого-нибудь рассчитывать. И лучше пусть это будет такой же ноль без палочки, нежели разумный имеющий за спиной чью-то поддержку и потому априори находящийся на куда более высокой социальной ступени местного общества. Ведь тот, кто располагается наверху, никогда не будет честно сотрудничать с тем, кто внизу. Он всего лишь будет диктовать последнему свои условия, как совсем недавно это делал я по отношению к тебе. Нынче же я предлагаю тебе пусть и сильно неравномерное, но партнерство. Подумай об этом!

— Понятно, — покивала та в задумчивости головой. — Вот только хотелось бы прояснить для себя один интересный факт. Пусть я и забыла многое, но то, что ты провернул с нашими душами, совершенно точно недоступно обычному разумному. Это, скорее, было способностью неприкаянного. Какого-то неправильного неприкаянного, — уставилась она на меня вопросительным взглядом, ожидая пояснения.

— Возможно, — не стал я говорить, ни нет, ни да, на не озвученный вслух, но повисший в воздухе вопрос. — Кто знает, кого смогла породить произошедшая со всем миром катастрофа. Я, к примеру, понятия не имею! Вот только одно я знаю точно, — отойдя подальше от двери и буквально прильнув к ее остроконечному ушку, я принялся шептать. — Справиться с тем эльфом, что столь сильно жаждал увидеть твое бездыханное тело, обычными способами было бы в принципе невозможно. Мало того, что он являлся магом и, судя по специфике движений, не последним бойцом, так еще негласно находился под протекцией местного властителя, как и любой другой разумный приезжающий сюда за покупкой вернувшихся. И те, кто придут следом за ним, вряд ли будут менее опасными непосредственно для тебя. Так что решай, нужен ли тебе в хозяева кто-то непонятный, но способный неприятно удивить твоих истинных врагов. Или же ты предпочтешь вызваться на очередную проверку твоим очередным соотечественником и впоследствии покорно склонишь свою голову перед топором палача. Ведь если ты не сможешь удержать свой язык за зубами, о протекции с моей стороны можешь даже не мечтать. Все же я отнюдь не самоуверенный дурак и прекрасно понимаю, что не с моей подготовкой и физическими кондициями конкурировать на равных с твоими соотечественниками, которые столетиями

могли отрабатывать свои навыки следопытов, разведчиков, стрелков, скрытых убийц или же магов.

— Ты же понимаешь, что твой секрет останется секретом лишь в одном случае — если следующий мой соотечественник, что прибудет в усадьбу, также пожелает раскошелиться за мою смерть. Но если он выкупит меня на свободу, — недосказав, та расплылась в весьма нахальной улыбке, давая понять, что все выплывет наружу.

— Если он тебя выкупит, то я сразу стану весьма состоятельными человеком. Это раз. При этом ты, конечно, можешь выболтать, что именно произошло сегодняшним вечером. Вот только в ответ я сообщу, что легко могу вернуть пострадавшему магу его душу, предварительно выдернув ту из твоего тела. Это два. Как ты полагаешь, кого предпочтут вернуть твои соплеменники? Позабывшего свою жизнь, но способного восстановить свои навыки полноценного мага или тебя — пусть не самого простого, но солдата? Что-то мне подсказывает, что выбор будет сделан не в твою пользу. Это три. А теперь давай, поскаль свои зубки еще раз! Позволь мне полюбоваться твоей бессильной злобой и тем самым потешить свое эго. Доставь мне такое удовольствие! — Не дождавшись подобной ответной реакции, я лишь снисходительно фыркнул, да отпрянул от нее. Время было уже совсем позднее, плюс я успел столь сильно набегаться за сегодня, отчего в сон клонило неимоверно. Даже желание ополоснуться от вонючего липкого пота и часами собираемой по лесу грязи довлело надо мной не столь рьяно, как позыв измученного тела рухнуть на кровать и захрапеть. Потому следовало заканчивать наш диалог. И для более спокойного сна заканчивать его следовало на позитивной ноте. — Завтра заберешь свои вещи, как только они высохнут. И поскольку ты уже принесла мне целых три сотни империалов, три золотых монеты будут твои. Выдам их тебе немецкими марками. Сможешь прикупить на них все, что пожелаешь. Хотя выбор здесь не сильно велик. Но, да лиха беда начало. Единственное, помалкивай про золото того эльфа. Ни ты, ни я, его в глаза не видели. Договорились? Все же именно с этих денег ты в будущем будешь сытно питаться, впрочем, как и я.

— А звериную часть души ты из меня можешь вытащить? — я уже успел скинуть сапоги, вывесить за окно смердящие портянки и залезть под одеяло прямо в верхней одежде, когда со стороны эльфийки до меня донесся заданный едва слышимым голосом вопрос.

— Легко. С тебя бездушное тело бывшего смертника для перелива и пять сотен империалов, — зевнув так, что едва не вывихнул челюсть, сонным голосом отозвался я и проверил насколько удобно мои небольшие ножички выходят из закрепленных на запястьях ножен. — Если получишь свободу, сможешь найти меня в этой усадьбе в течение ближайших двух недель.

— А если меня не выкупят? — продолжила мешать осуществлению моей маленькой мечты о здоровом сне временная соседка по комнате.

— Значит, сперва сама заработаешь на свой выкуп, а после будешь искать деньги и тело на операцию по удалению души. Чего тут неясного? — вновь протяжно зевнув, пояснил я, после чего прямо дал понять, что на сегодня разговоров хватит. — А теперь спи сама и дай поспать другим.

Сколь бы ни было уставшим мое тело, чуткий сон позволил мне проснуться как раз в тот момент, когда соседняя кровать отозвалась скрипом древесины. Еще на Феде было проверено, что так она скрипит, когда кто-то садится на ее середину, прежде чем подняться на ноги. Потому в моих скрытых под одеялом руках тут же появились короткоклинковые ножи, готовые вонзиться прямо через это самое одеяло в тело любого незваного гостя.

Нависшая надо мной эльфийка сопела с пару минут, так и не решившись сделать то, что пришло в ее болеющую амнезией головку. Я прямо чувствовал всем своим нутром, как ее взгляд сверлит мое осунувшееся и безмятежное во сне лицо. Но все закончилось, даже не начавшись. Едва слышно выдохнув, она отпрянула от меня. Точнее попыталась, так как наткнулась на два коротких, но острых клинка, что упирались с обеих сторон чуть выше поясицы, как раз в районе почек.

Мгновенно замерев, она уставилась в мои уже раскрытые глаза и, слегка поджав губы, начала сопеть погромче, тем самым выражая свое недовольство. Хотя скорее это мне следовало выражать свое недовольство ее более чем подозрительным поведением. Но на первый раз я решил ограничиться всего лишь небольшим штрафом. Отняв один из клинков от ее спины, я медленно подвел руку так, чтобы она оказалась между нашими лицами, продемонстрировал ей блеснувшую в свете луны точеную сталь и, медленно подведя нож к ее шее, чиркнул два раза, но несколько ниже. И так рвущаяся наружу из слишком узкого кителя грудь в то же мгновение практически полностью высвободилась, как только две верхних, с явным трудом застегнутых, пуговицы оказались подрезаны моим клинком.

— И тебе приятных сновидений, — улыбнулся я участившей интенсивность сопения эльфийке, по достоинству оценив вывалившееся мне едва ли не в самое лицо сокровище.

— Свинья! — мгновенно отринув от меня, она запахнула китель и, как я смог разглядеть даже во тьме, едва сдержалась от того, чтобы лягнуть меня ногой.

— Ты это, запомни на будущее. Если посреди ночи опять захочется большой и чистой любви, не обязательно подкрадываться к объекту своего вожделения. Достаточно громко и четко сказать мне о своем желании. Что я, не человек, что ли? Помогу, чем смогу! Благо природа одарила «палочкой выручалочкой»! — хохотнул я, в ответ на какое-то шипение, долетевшее с ее стороны. Вот с таким вот изрядно поднятым настроением, и не только настроением, я и вернулся в царство Морфея, благо действительно дико устал, так что даже выплеснувшиеся в кровь гормоны не продлили надолго время моего бдения.

Глава 9. Без добрых слов, но с пистолетом

Хорошо, что клан орков не заставил себя долго ждать, и сделка по выкупу очередных неприкаянных получившихся из их родных прошла уже на третий день после нашего не самого триумфального возвращения. К тому моменту у меня закончилось почти все серебро и перед носом начинала маячить проблема легализации того золота, что было прикарманено с моих жертв. А эти деньги я вообще не желал кому бы то ни было показывать. Особенно Регину! Но ежедневные траты за жилье и пропитание никуда не делись. Наоборот, даже приумножились. Потому легальная оплата за легальный товар пришлась как нельзя кстати.

Две сотни золотых марок покинули карман очередного представителя орков, с которого я также выбил оплату за свой наем, ведь свидетелей присваивания мною кошелька Зонага не имелось. Но всего лишь сто двадцать упали непосредственно в мой кошелек из-за грабительской 50 %-ой гномьей доли за посредничество. Именно тогда я выяснил, по какой причине мои первые знакомцы в этом мире сетовали на невозможность добраться до Новогеоргиевска. Просто там процент посредников составлял всего лишь пятую часть конечной суммы, что, естественно, было куда выгоднее для покупателя и непосредственного продавца, ведь первый платил меньше, а второй мог получить больше. Говорить мне об этом специально никто не стал, но имеющий уши, да услышит. А сопровождавшие своего главу орки очень сильно негодовали по поводу жадности местного мелкого властителя. Тогда я едва сдержался, чтобы не осуществить в ближайшее же время не первый день зреющий в моей голове план по обзаведению куда большим количеством вернувшихся как раз за счет откровенно грабящего меня Регина. Но смог одернуть себя и дожждаться-таки объяснения с его стороны, по какой такой причине он продолжал столь обходительно обхаживать меня даже после срыва сделки с эльфийками. Уж явно не за сотню золотых марок и возможность войти в мой гипотетический проект стриптиз-бара. Это, конечно, тоже были деньги. Вот только не для хозяина всех окрестных земель и немалого имущества.

И мое терпение было вознаграждено. Не успел еще замолкнуть звон упавших в мой карман золотых монет, как гном поманил меня пальцем следовать за собой. Поначалу я было подумал, что он вновь заведет разговор о выкупе моих неприкаянных или же обрадует меня новостями по скорому выкупу эльфов, чьи остроконечные уши я был бы только рад монетизировать, однако дело оказалось куда как более щекотливым.

— Хочу подкинуть тебе денег, хуман, — оставив прелюдия для кого другого, тут же подступил к главному Регин. — Судя по тому, что я смог увидеть, ты достаточно удачлив и умел в плане отлова неприкаянных. А у меня как раз имеется связанная с ними проблема.

— Своих неприкаянных не продам. Мы же уже не единожды это обсуждали, — покачал я головой, предположив, что он опять примется пихать мне в руки сущие копейки за десяток бывших пограничников.

— Не о них сейчас речь, — тут же отмахнулся гном. — Тут дело в другом. Со дня на день ожидается прибытие нанятого мною отряда ловчих. Будут зачищать один небольшой городок на моей земле. Но люди они в этих краях новые. Непонятно, что от них ожидать. Могут, как честно выполнить свою работу, так и полностью обнести этот городок параллельно с отловом. Вот и хочу, чтобы ты прикрыл моего соглядатаго при этом отряде. Стража у меня, конечно, и своя имеется. Только они именно что стражники. А вот ходить по землям полнящимся неприкаянными не привычны. Все же одно дело — пройти по дороге,

отбив случайное нападение какой-нибудь забредшей бездушной твари, и совсем другое — добровольно лезть в самую гущу. Мало кто отваживается на последнее. Ты же, судя по тому, что я видел за последние дни, явно не из робкого десятка и способен уцелеть там, где большинству остальных делать вообще нечего. Твои живые трофеи — прямое тому доказательство.

— Хватит петь мне дифирамбы, Регин. Тебе это не идет. Ты плутоватый и жадный до денег гном. Таким ты вырос, таким ты и помрешь, когда придет твой срок. Поэтому давай говорить привычным тебе языком. Сколько? — пропустив всю патоку мимо ушей, сразу перешел я к главному вопросу. Во всяком случае, главному для гнома.

— Плачу полуимпериал за каждый день охраны. И еще два империала по возвращению, если с подопечным тебе гномом ничего не случится, — на удивление отнюдь не пожадничал с оплатой хозяин усадьбы, что меня, естественно, не могло не насторожить. Да чтобы он сам, добровольно, начал торговлю даже не с минимальной золотой монеты, имеющей хождение в этих краях, должно было произойти нечто действительно экстраординарное. Либо же что-то громадное обязано было сдохнуть в лесу. В общем, я откровенно напрягся с такого начала. А потому, принялся заниматься откровенным вымогательством, чтобы определить степень его потребность в моей тушке.

— Это даже не смешно! — фыркнул я в ответ. — Ты хочешь, чтобы я, владелец пяти вернувшихся из народа эльфов, отправился рисковать своей шеей и душой незнамо куда в компании каких-то совершенно незнакомых, но вооруженных до зубов, людей, в то время когда у меня в кармане без пяти минут находятся тысячи империалов? Я ведь, вроде, не произвожу впечатление идиота.

— Да из твоих пяти эльфов, четыре уже точно ни на что не годятся! Только и делают, что деньги твои проедают. Причем выходит даже поболее полуимпериала в день! Я же предлагаю тебе отличный шанс хоть как-то компенсировать твои расходы! — тут же взял быка за рога привыкший к битве за деньги Регин.

— Ты чего такое говоришь! Там из бесполезных лишь одна, да и та все еще под вопросом! Остальные же, так или иначе, принесут мне огромные барыши! И рисковать всем этим за какие-то жалкие пять рублей в день! Ищи другого дурака! — аж показательно отмахнулся я от него, вызвав в ответ мрачное сопение и явный прилив дурной крови к лицу собеседника.

— Не за пять рублей, а за полуимпериал! Может, прежде они у вас и были равны, но ныне золото в большей цене! Вот что тебе легче будет таскать в кармане? Сто грамм серебра или пять грамм золота? — напомнил собеседник мне о той проблеме, которую я пока не понял, как решить. Ведь даже моя доля даже за одного эльфа даже выплаченная в золоте весила бы свыше 13 килограмм. Да привычная мне броня 6-го класса защиты весила меньше, тогда как таскать ее становилось все тяжелее и тяжелее с каждым прожитым годом! И это моему прежнему телу, что на три порядка, если не больше, превосходило нынешнюю телесную оболочку! Потому, когда гном делал упор на оплату именно золотом, он прекрасно понимал, чем можно подцепить такого бродягу, как я. — А то я как-то не наблюдаю в твоём владении какого-либо транспортного средства!

— Как это не наблюдаешь? Да у меня их нынче целых девять штук! Четыре с нормальными ушами и пятеро остроухих! — тут же выдвинул я свой контраргумент, учитывая, как эльфов, так и принадлежащих мне вернувшихся из числа бывших солдат, пусть даже последние едва могли держаться на ногах. — Если дня через три никто за эльфами не

приедет, нагрузу их всех своим добром, да поведу в Кенигсберг. На первое время денег хватит, а там, глядишь, найдутся среди денежных карманов любители такой ушастой экзотики.

— Ты это брось! В Кенигсберге тебя мигом оболгут, арестуют и обворуют! — мгновенно сделал стойку Регин, почувствовавший, что из его рук могут уплыть ну очень солидные коммиссионные. — Соваться туда для продажи вернувшихся можно разве что, имея за спиной добрую сотню клинков или же стволов. А у тебя сейчас под рукой лишь четверо ни на что не годных доходяг, которых только и можно, что откармливать, дабы душа в теле удержалась.

— Вот-вот! У меня сейчас за спиной более чем ценное имущество и никакого прикрытия! И ты еще подталкиваешь меня оставить все это на произвол судьбы ради каких-то грошей! Сам-то понимаешь, насколько рискованно это звучит? — начал я потихоньку подводить гнома к необходимому мне решению. Все же маяться со всеми этими эльфами мне было некогда, так что продать их по честной цене тому же Регину виделось лично для меня наилучшим выходом из сложившейся ситуации. Ему почему-то все еще было не с руки прикончить меня во сне, но при этом мы оба прекрасно понимали, что покинуть его усадьбу с таким потенциальным богатством за плечами, без добротной перестрелки где-нибудь в пути, у меня никак не вышло бы. Не то сейчас время, не тот вокруг мир. — Ладно бы имелось у меня лишь пара копеечной ценности вернувшихся или неприкаянных. Их еще можно рискнуть оставить без личного присмотра. Но не ушастеньких! Ты ведь должен понимать меня, как никто другой! Сам же над каждой серебрушкой трясешься!

— Не доверяешь мне, значит!? — аж надулся от негодования мой собеседник.

— Регин, акстись! Мы с тобой знакомы от силы неделю! О каком доверии может идти речь? Мы взаимовыгодны друг другу, мы можем уважать друг друга за схожий подход к делу и к жизни. Но на этом все! Более того, все наше взаимное уважение зиждется на страхе смерти. Всевозможные штрафы, суды и просто обиды остались в прошлой жизни. Ныне это все — ничто. А вот понимание того, что за подставу тебе гарантированно прилетит пуля в затылок, она, знаешь ли, дисциплинирует. Я ни секунды не сомневаюсь, что ты можешь убить меня в любую секунду, и ничего тебе за это не будет. Разве что придется слугам пол от крови отмыть. Но и ты не обманывайся на мой счет. Даже у таких бродяг, как я, имеются свои секреты выживания. И где тебя искать в случае чего, — я обвел руками кругом, — я знаю прекрасно.

— Это... деловой подход, — пожевав нижнюю губу, согласно кивнул головой гном. — Но я все равно желал бы тебя нанять.

— Я не говорю «нет», Регин. Но на какое-либо новое дело я отправлюсь не ранее, чем решу вопрос с эльфами. Потому, помоги мне с их реализацией и тогда сможешь рассчитывать на мой карабин. Вот тебе мое слово.

— Слово бродяги? — только и сделал, что хмыкнул в ответ хозяин кабинета, на что имел полное право.

— А ничего другого у меня нет, — развел я руками, не забыв нагло ухмыльнуться.

Договориться о чем-либо мы так и не смогли, а потому каждый вернулся к своим делам, которых имелось предостаточно. В то время как четыре новых вернувшихся из числа пограничников начали потихоньку выползать на улицу для прогулок на свежем воздухе, так как мой язык не поворачивался назвать пробежкой их вялое передвижение ног, я занимался нелегким трудом по приведению в порядок всего набранного в лесу вооружения. К моему

сожалению, орки уперлись ногами, руками и даже метафизическими рогами, но не позволили мне присвоить оружие их неудачливых родичей. Даже то, которое я совершенно честно подобрал с земли после его утери лишившимися душ бывшими владельцами. А ведь мне столь сильно недоставало именно короткоствола! Эти далекие потомки неандертальцев явно из вредности даже отказались продать мне за двойную цену хоть один револьвер с запасом патронов. Потому приходилось таскаться повсюду с закинутым за спину карабином, поскольку сослуживший мне отличную службу обрез требовал замены прорубленного почти наполовину ствола и треснувшего ложе. Ходить же вовсе безоружным даже внутри крепких стен усадьбы я чего-то стал остерегаться. Уж слишком настораживающие взгляды принялись кидать на меня ее жители, как на хозяина аж целых пяти дорогостоящих эльфов разом.

Да многие из них вообще прежде не видели одновременно такого количества остроухих за всю свою жизнь! И уж конечно не могли мечтать об обладании такой громадной суммой, за которую им виделось возможным продать всех пятерых представителей эльфийского народа. Это только мы с Регином знали, что четверо из них могли быть проданы лишь с немалой уценкой, остальные же полагали меня без пяти минут богатеем. А от больших денег, особенно находящихся в чужом кармане, у людей нередко срывало планку. Вот и приходилось потихоньку готовиться к покиданию приютившей меня усадьбы, как к полноценной боевой задаче. При этом следовало отметить, что имеющийся в моем распоряжении арсенал, что я как раз постепенно приводил в порядок, значительно превышал количество свободных рук.

Дюжина драгунских винтовок Мосина, с более чем сотней патронов к каждой, полтора десятка драгунских пашек, сослуживший мне когда-то службу бебут и весьма необычное оружие, которое, по всей видимости, когда-то принадлежало занятому моим разумом телу. О таком редком звере, как револьвер-карабин Нагана, я прежде только слышал, но вживую видеть его не доводилось. По сути, тот же самый обычный револьвер Нагана образца 1895 года принятый на вооружение российской императорской армии, но с солидно удлиненным стволом, неотъемным деревянным прикладом и теоретической дальностью прицельной стрельбы до 100 метров. Этот откровенно провальный для армии образец неожиданно для меня самого оказался едва ли не самым лучшим, что можно было пожелать иметь в условиях нынешних реалий. Ведь в обозримом будущем моим основным противником должны были стать именно неприкаянные, которые имели очень нехорошую привычку реагировать на звуки.

Что там у них творилось в голове, никто не мог поведать. Но этим бездушным оболочкам достаточно было услышать человеческие или же звериные шаги, чтобы броситься по направлению к их источнику. Точно так же они реагировали на шум разбитого окна, открывшейся двери, уроненной посуды и, конечно же, выстрела. Потому-то в крупных городах все до сих пор опасались промышлять, так как совершенно недостаточно было оставаться вне поля зрения их бывших жителей. Следовало еще умудряться не наступать на осколки разбитых стекол, хрустящую под ногами прошлогоднюю листву с ветками, на скрипучие деревянные ступени и полы. В общем, требовалось соблюдать полнейшую тишину. И вот в этом особенность конструкции, как самого револьвера Нагана, так сказать, русского образца и его патрона, великолепно накладывались на мой опыт применения оружия с насадками для бесшумной стрельбы. К тому же я точно помнил, что в первые годы патроны этого револьвера снаряжались дымным порохом. Это позволяло мне надеяться на вполне адекватные будущие затраты по переснаряжению отстрелянных гильз. Ну и то, что

при выстреле они оставались в барабанах, а не улетали, бог знает куда, тоже играло мне на руку. В общем, все то, что не пришлось по нраву военным, оказалось донельзя полезно в условиях изменившегося мира персонально для меня. Потому этот револьвер-карабин я обслуживал с особым тщанием, хотя и со всеми прочими стволами отнюдь не халтурил. Над ним, естественно, в будущем еще требовалось немало поработать, да и пополнить запасы патронов виделось не лишним делом, но, как легкое, хваткое, мобильное, в перспективе почти бесшумное, довольно точное на ближних дистанциях боя оружие виделось мне идеальным вариантом для себя любимого. А вот чтобы обиходить все колюще-режущее, пришлось идти на поклон к местным гномам. Выходцы с других миров, конечно, успели перейти на земное огнестрельное оружие, но также не забывали про добрую острую сталь. Ведь для большинства из них расправиться с подобранным на ближнюю дистанцию неприкаянным было куда легче именно мечом, но никак не штыком примкнутым к винтовке. Во всяком случае, я каждый день своего пребывания в усадьбе имел возможность наблюдать за тренировками проживавших здесь гномов. На удивление, я даже умудрился получить опосредованное подтверждение распространенного в моем прошлом мире мнения, что гномы являются любителями секир и топоров. Правда, очень опосредованное, поскольку само древковое рубящее оружие для этих любителей ровного строя и боев в замкнутом пространстве галерей их подземных городов было абсолютно бесполезно. Короткие копья и нечто вроде гладиусов с ростовыми щитами — вот чем им привычно было пользоваться еще каких-то десять лет назад. И лишь для боя в одиночку, либо же малой группой, применяли обладающий схожим с топором импульсом рубящего удара хитро изогнутый меч. Наверное, ближе всего это их оружие стояло к фалькате[1], который опять же всякие доморожденные фантасты из моей прошлой жизни весьма настойчиво совали в руки эльфам. Причем совали не обычный, а зачастую с удлинённой рукоятью под двуручный хват. Вот спрашивается, где были их мозги в это время? Они вообще пытались себе представить, каким таким волшебным образом бедным эльфам вести сражение внутри лесной чащи столь массивным и длинным клинком? Ведь с таким дрынком в добротном дикорастущем лесу не развернешься, не ударишь, и даже не пройдешь нормально через окружающие тебя заросли! А ведь ушастенькие как раз таки являлись каноническими жителями лесов, отчего их и видели очень редко! В общем, фантасты были такие фантасты, что ныне я с трудом удерживался от фейспалма всякий раз, как в голову приходили выверты их сознания про жизнь знакомых мне ныне рас. Правда, те, кто перебрался в человеческие города и на такие вот открытые пространства все чаще стали переходить от привычных клинков к холодному оружию людей. Во всяком случае, в местных краях. Особенно пришлось всем по душе именно русские драгунские шашки 1883 года и артиллерийские 1868 года. Они имелись в большом количестве, были недороги и отлично подходили для прорубания шеи или же ноги несущегося на тебя неприкаянного. Тогда как столь же повсеместно распространенные германские кавалерийские шпаги и палаши позволяли нанести один единственный колющий удар, после которого умирающий неприкаянный все же налетал на владельца подобного клинка, буквально нанизываясь на заточенную сталь и идя по ней, как по рельсам, прямо до удерживающих рукоять рук.

Конечно, для не сильно высоких гномов, в среднем уступающих человеку сантиметров 20 роста, они не подходили. Но да у них имелись привычные им мечи. А вот для эльфов, в среднем превосходящих людей на те же 20 сантиметров роста, пришлось весьма кстати, как и для более физически сильных орков. И те, и другие, обладая большей силой и

великолепнейшим глазомером, с легкостью снимали голову с плеч даже не думавших защищаться неприкаянных, попадая по шее верхней четвертью клинка. Ну и про тишину использования именно холодного оружия можно было даже не говорить, как и про его финансовую экономичность. Если на винтовочный выстрел, стоящий от 1 до 5 рублей, могли сбежаться все неприкаянные имеющиеся в радиусе километра, то на чавканье прорубающей живую плоть стали не отреагировали бы и находящиеся метрах в тридцати. Потому многие гражданские проживающие вне крупных городов, выучив из имеющегося множества всего четыре несложных приема, предпочитали владеть именно подобным холодным оружием, нежели огнестрелом. А что? Дешево, сердито и надежно. Правда, персонально для меня длинноклинковое оружие было избыточным. Но продавать шашки я пока не стал, поскольку уже сообразил, что, имея одних стрелков, вряд ли смогу пробиться к месту нахождения своей души, учитывая всеобщее засилье неприкаянных в тех, когда-то густозаселенных, местах. Тут скорее пригодился бы легион-другой гномов с их копьями и щитами, да тысячи стрелков с арбалетами. Вот только на такое счастье мне не приходилось рассчитывать в принципе. Хотя идею с арбалетом я отложил себе в голове. Мало ли как могли пойти дела в будущем.

Вообще, на удивление, политика владения личным оружием у жителей и гостей новообразованных баронств, герцогств, княжеств, вольных городов и так далее и тому подобное, оказалась донельзя человекоориентированной. Точнее, ориентированной на удобство каждого уцелевшего разумного. Револьверы, пистолеты, ружья, винтовки, пулеметы, пушки — свободный разумный имел право владеть любым типом и количеством оружия. Да задайся я вопросом восстановления полноценного линкора, мне бы никто лишнего слова не сказал! Лишь покрутили бы пальцем у виска, поскольку содержание линейного корабля не могли позволить себе даже власти Кенигсберга. Потому-то на мои потуги по восстановлению боеспособности тех же винтовок вообще никто не обращал особого внимания. Лишь Регин один раз предупредил по поводу недопустимости стрельбы внутри его усадьбы, хоть мною, хоть кем из принадлежащих мне вернувшихся. Убить бы меня за это не убили, но штраф был озвучен более чем солидный — десять империалов с каждого нарушителя. Не говоря уже о возможности получить свинцовую пиллюлю в ногу или же руку от кого-нибудь из стражников. Да, да! Большинство из них наблюдали не столько за окрестностями, сколько за порядком внутри усадьбы. Особенно сейчас, когда на постой вставал очередной отряд ловцов неприкаянных.

Это встреченные мною в первый день Тимоха с Егоркой были откровенно безобидными молодыми дурнями, что решили попытать счастья в данном деле и потерпели неудачу, едва начав карьеру. Профессионалы же своего дела отличались от них, как немецкие овчарки от карликовых пуделей. И именно такой отряд начал заходить в открытые ворота, когда я, довольный завершением работ по приведению в порядок винтовок, шел в таверну перехватить что-нибудь вкусненькое, мурлыкая себе под нос какой-то веселый мотивчик. Я прям с трудом сдержался от того, чтобы сделать охотничью стойку, увидев столь немалое количество практически ничейных душ, которые были мне столь потребны для пополнения собственного отряда, благо неприкаянных из числа пограничников я так и не продал гному, выбрав платить копейку-другую за их простой в подземельях усадьбы. Одним делом было списать в смертники все население усадьбы, за хозяином которой стояла какая-никакая, но сила. И совсем другим делом стало бы исчезновение ловцов, чья профессия по умолчанию подразумевала под собой риск утери собственной души. Дело оставалось за «малым» — узнать, к какому городку они отправятся, да решить, наконец, вопрос с ушастым

имуществом.

[1] Фальката — тип серповидного меча с заточкой располагающейся на вогнутой (внутренней) стороне клинка.

Глава 10. Концепция делового общения

— Радуйся, хуман. Еще один эльф приехал. Глядишь, избавишься-таки от своих пяти гирь на ногах в ближайшее время, — именно такими словами поприветствовал меня Регин спустя еще два дня, проведенные мною за отдыхом перемежаемым пристрелкой своего карабина и восстановлением физических кондиций тела. — Он сейчас осматривает мужика, а после посмотрит и на баб. Так что готовься показывать товар лицом. Ну, и не лицом тоже, хе-хе. Кто этих эльфов знает, на что именно они обращают свое внимание при выкупе соотечественников, — пробурчал под конец гном, не забыв при этом сплюнуть на землю. Он как раз застал меня у ворот усадьбы, когда я возвращался с ближайшего поля, где успел отстрелять еще с полсотни патронов — целое состояние по меркам сегодняшнего дня. Боеприпасы, конечно, являлись для меня едва ли не стратегическим ресурсом, но и оружием требовалось научиться пользоваться как можно лучше в самые сжатые сроки. Потому за все время пребывания в замке я уже успел выпустить по установленным мишеням под три сотни пуль, нащупав-таки точки прицеливания для ближних дистанций боя, когда целиться приходилось сильно ниже намеченной зоны поражения. Заодно это позволило удостовериться в прежнем мнении, что далее 400 шагов с открытого прицела нечего и мечтать поразить человеческую фигуру. Может для кого другого и 600 шагов не являлись пределом, но для меня карабин Мосина являлся совершенно новым оружием, с которого предстояло стрелять и стрелять, дабы сродниться с ним в должной мере.

— Радуюсь, — тут же кивнул я головой. — Куда вести мое ушастое племя?

— Ко мне в кабинет. Причем, можешь вести прямо сейчас. Эти двое эльфов уже полчаса как общаются, так что, полагаю, скоро все решится. И ты это, — кинул взгляд он на мой карабин, — приходи не с пустыми руками. Что-то мне эта история с твоими эльфами с каждым новым днем перестает нравиться все больше и больше.

— Полагаешь, если приду безоружным, этот новый эльф будет давить и всячески сбивать цену? — по-быстрому обдумав, в чем может состоять интерес гнома, демонстрирующего столь немалое беспокойство за мое состояние, высказал я наиболее логичную мысль. Все же если мой собеседник ранее и был в чем замечен — так это исключительно в любви к деньгам, терять которые он уж точно не стремился. Ведь, чем больше получал со сделки я, тем больше получал и он тоже.

— Кто этих остроухих знает, — вновь сплюнул тот на землю. — Непонятные они. То, что у них водятся солидные деньги, известно всем. Все же их амулеты и магические услуги стоят непомерных средств. Ты мне, кстати, еще десять имперIALов должен за амулет-переводчик, — слегка отступил он от темы разговора, дабы напомнить мне о немалом долге. — Так вот. Деньга у них водится. И деньга немалая. Но при этом выкупать абсолютно всех своих не спешат. А ведь их не сказать, что сильно много. Во всяком случае, в тысячи раз меньше, нежели вас, людей. В том же Кенигсберге их даже полусотни не наберется. Причем сплошь мужики. Я бы на их месте мигом стойку сделал на доставшихся тебе краль. Эти же лишь носы воротят, да за казни платят! Говорю же, непонятные они.

— Может педерасты? — предположил я, выслушав эмоциональную речь гнома, в чьей культуре стоять за своих было едва ли не самым важным пунктом наравне со стяжательством. — Потому и живут в городе такой небольшой группой, что их свои же из лесов выперли. А они теперь мелко мстят, уничтожая природных конкуренток в меру своих

сил и возможностей.

— Педерасты или нет — все равно должны были выкупить. Остальные-то эльфы в любом случае рано или поздно прознали бы про твою «добычу». И за подобные фортели вполне могли пустить всех этих деятелей на кебаб, невзирая на их силу и полезность обществу. Вообще они, по-хорошему, должны были прибежать сюда со скоростью ураганного ветра за четыремья-то молодыми и способными родить детей женщинами. Трудно у них все с продолжением рода, — довел он до меня еще один клочок познавательной информации. — Эти же являются, будто одолжение делают. Непонятно! — вновь повторил он то, что его гложило в данный момент более всего.

— Было бы у них все так, как ты предполагаешь, они бы своих ушастых красоток в принципе в солдаты не пускали бы. Моя же «добыча» явно из числа военной косточки будет. Причем не из простых рубак, — отнесся я несколько скептически к услышанному. — Да и ты сам прекрасно видел — они же совсем свеженькими неприкаянными были. Явно не со времен катастрофы так хорошо сохранились.

— И это, кстати, тоже странно. Насколько мне известно, если прежде кому неприкаянные эльфийки и попадались, так только из числа обычных гражданских, потерявших душу еще при катаклизме. Таких и по сей день вполне возможно отыскать в каком-нибудь дремучем лесу. Твои найденыши, кстати, именно этим и могли тут промышлять. Слишком уж сильно катаклизм перемешал все наши миры, так что разумных раскидало по всем уголкам света. Вон, отряды, что занимаются зачисткой городов от неприкаянных, время от времени находят этих, как бы лесных, жителей по домам да подвалам. Как и откуда они там могли появиться — одним богам известно. Однако же факт! Но чтобы в личную зависимость попадали их воительницы — такого прежде не было на моей памяти. Впрочем, вполне допускаю, что таковые в их войске имелись всегда. У них же в обществе царит равноправие. Нет, ты только представь себе! Их бабы могут делать все, что пожелают, и мужику даже слова поперек сказать нельзя! Ужас! — в очередной раз попятнал землю своим плевком гном. — Потому и вырождаются остроухие! По-другому и быть не может, когда хозяйюшки, вместо слежения за очагом, да ухода за детьми, носятся по лесам с клинком наперевес. Хорошо, что у вас, местных людей, в этом плане все нормально, — впервые на моей памяти назвал он людей людьми, а не хуманами. Видать действительно где-то глубоко в душе уважал наш вид за придерживание близким самим гномам семейным ценностям. Зато меня, похоже, не уважал вовсе, поскольку за все время нашего знакомства, я для него был только хуманом, полноценная расшифровка смысла коего слова мне все еще оставалась не понятной. — Мужик сказал — баба согласно кивнула и пошла делать. А вот у тех хуманов, кто прибывает из-за океана, уже просматривается такая же эльфийская зараза всеобщего равенства. О боги, куда катится этот и так сошедший с ума мир!

— Слушай, так может мне не одному к тебе явиться, а с прикрытием? Те мои четыре доходяги пусть и не выглядят сильно грозно, но что такое винтовка и как с ней обращаться, явно знают. А ушастеньким красоткам выдам шашки. И после этого посмотрим, как очередной эльфийский эмиссар будет говорить при них, что отказывается их выкупать, так как они какие-то бракованные.

— О! Вот это уже звучит как план! — обрадовано потер руки гном. — Я тоже полдюжины своих гномов подтяну, на всякий пожарный случай. И будем надеяться, что под тяжестью таких аргументов этот новый эльф не сможет не принять наше донельзя выгодное предложение. Все же ради увеличения численности его народа стараемся! — алчно блеснул

глазами гном.

На этой мажорной ноте мы согласно кивнули друг другу и отправились каждый по своим делам. Точнее дела у нас были одинаковые, а вот потребные для этого разумные — разные. Не откладывая ничего в долгий ящик, я, по наводке местных охранников, отыскал своих в перспективе будущих солдат и, позвав их, направился в комнатку, где хранилось все мое имущество. После первой ночи проведенной по соседству с Рысью, как я для себя временно нарек последнюю из «добытых» эльфиек, мне пришло озарение, что экономия денег — это, конечно, хорошо, однако все должно быть в меру. Открывшиеся мне той ночью прекрасные виды сделали свое грязное дело, так что впоследствии я не мог думать ни о чем, кроме как завалить эту остроухую хищницу в кровать. Вот только портить из-за собственного животного желания все еще способный стать ликвидным и дорогим товар, виделось столь недальновидным, что в конечном итоге пришлось отдалить от себя объект вожделения. Во избежание, так сказать, естественной порчи. Как уж эти четверо уместились в каморке, в которой и двум было тесновато, мне было не интересно. Главное, что влезли. А мне, наконец, удалось познать радость обладания исключительно личным пространством, да к тому же получить место под временный оружейный склад.

— Держи, Рыська, — без стука распахнув дверь временного жилища моих эльфиек, я тут же наткнулся на сидящую у самого входа мою бывшую соседку по комнате, и протянул ей рукоятку вперед ее же собственный клинок.

— Как ты меня назвал? — аж оскалилась она на впервые услышанное с моей стороны обращение, поскольку ранее была всего лишь «эй, ты».

— Рыська. Отныне буду звать тебя Рыской, — буквально всунув ей в руки оружие, уточнил я.

— Почему Рыська? И зачем мне это? — с немалым недоумением на лице принялась она крутить в руках клинок, ранее отобранный захватившим ее человеком.

— Первое — потому что тебя это явно злит. А когда ты злая, ты делаешь ошибки и тем самым даешь мне шанс среагировать на твои неправомерные действия в мою сторону. А второе, — кивнул я на ее короткий изогнутый меч, который как по мне, скорее, относился к боевым тесакам некогда распространенным во вспомогательных частях армий всего мира. — Будешь собственными руками добывать себе свободу, — хмыкнув в ответ на промелькнувшее в ее глазах непонимание, начал протягивать и остальным столь же несколько растерянным «кошечкам» принесенные с собой шашки. — Тут приехал очередной представитель вашего остроухого племени. Но вместо того, чтобы бежать лицезреть ваши привлекательные мордашки, он предпочел уединиться в номере со своим предшественником. И что-то меня гложут сомнения насчет его готовности выкупить вас у меня. Как ты сама понимаешь, я желаю избавиться от вашего общества, как можно скорее. Поэтому, если вам тоже не понравится его ответ, сможешь собственноручно отсечь ему то лишнее, что болтается у него между ног. Ведь ни один нормальный мужик не смог бы пройти мимо вас, таких аппетитных, особенно если в этом вдобавок состоит его долг по высвобождению из практически рабства своих соотечественников. А коли он не сделает на вас стойку, то и наглядное доказательство его принадлежности к мужскому племени будет для него явно лишним.

— А карабин тебе тогда зачем? — на сей раз она обратилась ко мне с хорошо читаемым недоверием во взгляде, стрельнув глазами на висящий у меня на плече Наган, который я прихватил, как более скорострельное и приемистое в помещениях оружие. — Да и твои

солдатики, как я погляжу, вооружены. — Эти доходяги толпились прямо за моей спиной, отчего не заметить их оказалось невозможно.

— Просто добрым словом и револьвером можно добиться куда большего, нежели одним добрым словом, — несколько сплагатил я фразу товарища Корлеоне, которую он, впрочем, уже никогда не произнесет с голубого экрана из-за произошедшей со всем миром катавасии. — А поскольку хороших слов здесь вообще практически никто понимать не желает, приходится прибегать к самому международному языку общения — языку огня и дубины. Так что если рыпнешься без разрешения, да к тому же не в ту сторону, первая пуля достанется именно тебе.

— Ты, как всегда, сама галантность. Даже на тот свет пропускаешь даму вперед, — не смогла не выдать что-нибудь язвительное Рысь. Было у нее это в характере прежде или пришло вместе с душой зверя — осталось тайной за семью печатями, но не огрызнуться в ответ на какое-либо давление со стороны она попросту не могла. Впрочем, язвила она, имея понимание того, где проходит грань, переступать которую в общении со мной уж точно не стоит.

— Да, — скромно потупившись, разве что не чиркнул ножкой по полу, — я такой. А теперь минута вам на приведения себя в сколь-нибудь потребный вид и на выход. Каждая из вас должна выглядеть на три тысячи импералов минимум! А ты вовсе на все шесть тысяч! — напоследок ткнув пальцем в свой наиболее рискованный актив, наконец, покинул их тесную каморку, в которой даже мне, откровенному дрищу, негде было развернуться.

Ну что можно было сказать о последовавших переговорах? Яйца очередному делегату эльфов сохранить не вышло. Нет, конечно, его бубенчики оказались аннигилированы отнюдь не сразу. Более того, сперва он мне даже понравился, так как согласился выкупить по реальной цене, как своего предшественника, так и трех моих «диких кошечек», которым я пророчил блестящую карьеру стриптизерш. Но вот Рыська ему чего-то не приглянулась по душе. Уж что именно он сумел в ней разглядеть такого, пока всматривался своим каким-то особым магическим зрением в самую ее суть, мне выяснить так и не удалось. Однако результат ее осмотра не пришелся по душе уже мне. Не сказав ни слова, тот долбанул по мне самой настоящей шаровой молнией, что в долю секунды сформировалась в его руке, а всем прочим достался простой электрический разряд. Подобно истинному ситху, он выплеснул в помещение полноценную молнию силы, разряды которой не обошли стороной никого. А после того как все опали на пол, словно неубранные озимые весной, этот неразумный разумный нацелился заколоть болтавшейся на его поясе небольшой и вычурной ковырялкой, типа стилет, мое имущество. Естественно, допустить потерю столь ценного добра я никак не мог, однако, будучи сотрясаемым остаточным электрическим разрядом, единственное, что сумел сделать, так это дотянуться рукой до ноги Рыси и схватить ее за щиколотку, протиснув руку под штанину.

И что же оказалось? А оказалось, что этот ушлый ушастый гад занимался самым банальным, ничем не прикрытым, воровством, вытягивая через явно артефактный стилет, воткнутый в район живота Рыски, имеющуюся в ней эльфийскую душу. Как я смог узнать об этом, спросил бы сторонний наблюдатель. Да все очень просто! Именно эту самую душу я сам пытался выпить из ее тела, дабы спасти хоть что-то, раз уж ее тут и сейчас приговорили к смерти. Вот только моя попытка сохранения имущества закончилась полным провалом. Едва я потянул на себя ценную душу, как с противоположной стороны многократно усилилась, так сказать, тяга и внутри эльфийки осталась только душа зверя, а мои

потенциальные деньги утекли в карман ушлого остроухого уroda.

Однако мало было этого. Та противная и неполноценная орочья душонка, что прежде трепетала внутри меня, начала просто напросто истлевать. Подобно бьющей из порванной артерии струи крови, имевшаяся во мне душа устремилась полноценной рекой внутрь того кулона, что я недавно экспроприировал в свою пользу у Рыськи, и чья защитная магия позволила мне уцелеть в этой короткой заварушке. Не вспыхни на пути шаровой молнии защитного поля, в моем теле явно стало бы на одно отверстие больше. А так повезло отделаться опаленной одеждой, да запекшимися кожаными сапогами. Но что оказалось более чем интересно — душа орка полностью истлела, явно уйдя на зарядку этого медальона, а я все так же продолжал все помнить и четко соображать. С одной стороны, мне вновь выпало стать лишенной души телесной оболочкой. С другой же стороны, удалось не лишиться своего «Я». И это было интересно! Вот только прежде чем задаваться вопросом собственной уникальности, сперва требовалось выжить. Ведь натворивший таких делов эльф явно нацелился избавиться от свидетелей его манипуляций. И первым претендентом на добывание вновь оказался я, будучи ближайшим к нему телом. Тут-то он и подбил сам себя, когда обрушил на мою недожаренную тушку очередную шаровую молнию, поскольку за мгновение до получения нового удара, я успел схватить его примерно так же за ногу, как полуминутой ранее хватал заколотую им эльфийку.

Естественно, из-за наличия столь полезного, но явно какого-то вампирского, амулета я получил лишь очередной неслабый удар электричеством, но, на сей раз по-братски смог поделиться своими неопиcуемыми ощущениями с гадским магом. Ох, как его потрянуло самого! Это надо было видеть! В мгновение ока весь его ухоженный причесон превратился в пародию на дикобраза, а из резко сжавшегося рта послышался хруст крошащихся зубов. И в этот момент данный звук был прекраснейшей музыкой для моих ушей.

Так-то, как впоследствии выяснилось, у него имелась очень солидная артефактная защита от той стихии, коей он столь мастерски орудовал. Но она, подобно имевшемуся у меня защитному полю, работала на некотором удалении от тела носителя. А вот при нашем прямом физическом контакте попросту не включилась. Таким вот не сильно веселым образом он и лишился своих тестикул, когда, рухнув на пол по соседству со мной, стал жертвой недозаколотой Рыськи. С действительно диким ревом та набросилась на своего неудавшегося убийцу, как только вновь смогла пошевелиться. Точнее, не набросилась, а дотянулась обзаведшейся самыми натуральными звериными когтями рукой и рванула на себя то, до чего смогла достать. А достала она, как можно было понять, до мошонки. Силенок вырвать все с корнем у нее не имелось, но коготки сделали свое грязное дело, разодрав там все в лоскутки. В это же время я, пусть с немалым трудом, но сумел дотянуться до выпавшего из рук эльфа кинжала, после чего под шумок приступил к возвращению ранее сворованной собственности, заполняя освободившееся внутри меня пространство новой душой.

На этом, собственно, все и закончилось, поскольку влетевшие в выбитую дверь закованные с ног до головы в латные доспехи гномы, не спрашивая, кто прав, кто виноват, раскидали всех присутствующих в кабинете на своих и чужих. После чего так вломили всем чужим своими саботонами, что даже я, прикрытый жалкими остатками защитного поля, обзавелся двумя сломанными ребрами, рассечением на лбу и оплывшим наполовину лицом. Регин потом, конечно, в какой-то мере извинился, величественно позволив мне не платить за постой целых три недели, пока не начнут срастаться поломанные кости. Вот только я бы

предпочел заплатить за проживание, но остаться в целости и сохранности. Правда, за двух забитых его архаровцами насмерть солдат он мне компенсацию все же выплатил. Но, опять же, откровенно крохотную — всего по два империала за каждого, поскольку их души успели передать имеющимся в наличии неприкаянным, прежде чем превращенные в отбивные тела прекратили подавать признаки жизни.

Глава 11. Искусство переговоров

— Ты как там, хуман, не помер еще? — участливо поинтересовался ввалившийся в мою комнатушку Регин.

— Не дождетесь, — прохрипел я в ответ, с трудом соображая, что я и где я, поскольку разбудили меня явно посреди ночи и мозги еще не успели включиться в работу.

— Хороший ответ! Мне нравится! Надо будет запомнить! — довольно кивнул головой гном, чье лицо едва угадывалось при тусклом свете небольшой магической лампы в коридоре. — Я чего зашел-то, — огладил он свою бороду. — Тут из-за недавних событий целая делегация эльфов прибыла наместни и начала качать свои эльфячьи права. Нет, ты только представь себе, хуман! Эти ушастые посмели качать права, находясь в моем владении! В общем, они меня слегка рассердили и теперь ты мне должен.

— Что!?! Вы поругались, а должным остался я!?! Это чего за логика такая! — моему возмущению не было предела, отчего покоящаяся под одеялом рука принялась нащупывать рукоять лежащего там же карабина. Мало ли каким образом неожиданный визитер мог отреагировать на прозвучавший в его адрес полный негодования вопль.

— Нормальная такая логика. Логика разумных, которые понимают, что такое благодарность, — насупился гном. — Я ведь у них для тебя полноценное божественное восстановление выбил! И всего-то за десять тысяч империалов! Радуйся, хуман! Скоро хоть на живого станешь похож, а не на воскресшего мертвеца, как сейчас. Заодно омоложение всего организма лет на десять получишь.

— Сколько!?! Десять тысяч империалов!?! — едва не подпрыгнул я на своей кровати, услышав на какую гигантскую сумму этот не вызывающий доверия индивидуум умудрился-таки залезть в мой карман, естественно, не упустив возможность содрать свою поражающую воображение наценку. Причем он проделал это все втихую, даже не поинтересовавшись моим мнением. Хотя, справедливости ради, стоило отметить, что о таком звере, как «божественное восстановление», я вообще не имел ни малейшего понятия. Однако, стоило признать, название звучало внушительно.

— Во-во! — ткнул в меня пальцем Регин. — Будь признателен, что отделался столь малым за столь ценную и редкую услугу. Даже те, у кого имеется достаточно средств, вынуждены годами ждать своей очереди! Ты же получишь все здесь и сейчас! Цени! Благодарность, кстати, принимается в звонкой монете, — уточнил под конец немаловажный и вполне ожидаемый момент этот бородатый скряга.

— Я бы удивился, услышав о том, что будет достаточно лишь слов для выражения этой самой благодарности. — Пробурчав себе под нос тихое ругательство, и откинув одеяло в сторону, принялся потихоньку ворочать свое тело, для последующего приведения его в вертикальное положение. Что, учитывая полученные ранее побои, выходило не очень. Зато очень удачно оказался продемонстрирован ствол карабина, смотревший прямоком в пузо неожиданного визитера. — Но я что-то не понял. Циферки-то не сходятся. Даже с учетом твоей доли мне полагалось не менее двенадцати тысяч. Куда еще две дели? Зажали?

— Ты за кого меня держишь! — аж раздул от негодования ноздри нежданный ночной гость, кося глазами в сторону направленного на него оружия. — Все там правильно посчитано! Десять тысяч они дали за своего мага и десять тысяч за девок. Итого твоя доля — десять тысяч. У меня ни одна монетка не пропадет!

— Как-то мало ты сторговал за красоток, — поморщившись от прострелившей бок боли, я кое-как уселся на кровати, уместив карабин на колени таким образом, чтобы удерживать под прицелом проем входной двери и того, кто в нем отсвечивал. — Должно было выйти сильно дороже.

— А. Ты об этом, — прекратив изображать из себя закипающий чайник, отмахнулся рукой гном. — Не переживай. С этой стороны тоже все чисто. Все ж таки с ними торговался ни кто иной, как я! — произнесено это «Я» было со столь высоким чувством собственного достоинства, которому вполне могли позавидовать иные короли с императорами. — Десять тысяч — это выкуп за трех баб, которых ты притащил в первое свое появление. Уж не знаю, отчего они посчитали четвертую сильно бракованной, но брать ее к себе наотрез отказались. Максимум, предлагали заплатить за ее казнь три сотни импералов. Видать, действительно бракованная, коли желают избавиться от нее. Но не столь сильно опасная для их общества, чтобы стремиться уничтожить ее всеми доступными способами. Иначе раскошелились бы на еще какое нужное в хозяйстве заклинание или артефакт, а не стали бы откупаться какими-то тремя сотнями золотых, которые для них не деньги вовсе.

— И? — протерев слипающиеся глаза свободой рукой, уточнил я.

— Что, и? — начал тупить гном, оказавшийся не столь сообразительный, каковым он мне прежде представлялся.

— Где моя доля за нее? — мой требовательный взгляд впился в его хитрую и наглую физиономию. — Полторы сотни золотых кругляшей, тоже, знаешь ли, немалые деньги.

— Так я казнь не согласовал, — как-то даже опешил Регин, от такого неправомерного поклепа на свою персону. — Это же не мое имущество, а твое! Продать — это мы всегда пожалуйста. Ибо положение лорда местных земель обязывает оказывать посреднические услуги в подобных делах! — задрал он нос от ощущения собственной важности. — Уничтожение же собственного товара — дело сугубо личное. Но если хочешь услышать мой совет. Соглашайся. Больно проблемную девку ты в лесу нашел. Тем более, что три тысячи рублей золотом на дороге не валяются. Хотя, вру. И такое случалось находить.

— Ладно. С живым товаром более-менее разобрались, — нагнувшись, я принялся обматывать ноги портянками. — А как же компенсация за нападение? Ведь этот магический хрыч пытался меня зажарить до хрустящей корочки. Да и тебя тоже! И что-то я сильно сомневаюсь в прощении с твоей стороны такого попрания правил гостеприимства. Ладно бы еще где на дороге или в каком-нибудь чужом городе такое могло сойти им с рук. Но здесь! На твоей земле! Быть того не может, что бы ты не содрал с них за подобное три шкуры и немалую горстку золота сверху!

— Так я и содрал! — мгновенно надулся от гордости этот расчетливый крохобор. — Ты бы слышал, как они стонали и стонали, когда я выбивал из них свои честно выстраданные денежки! Три часа с ними ругался! Вот это был торг! — аж мечтательно закатил он глаза и причмокнул от нескрываемого удовольствия. Видать, действительно получил несравненное блаженство, от понимания, сколь сильно ему удалось нагнуть всяких заносчивых дылд, что смели смотреть на него сверху вниз.

— А как же моя компенсация? — на полпути натягивания второго сапога, уставился я на Регина.

— Компенсация твоя. Тебе ее у них и выбивать, — лишь пожал плечами в ответ хитрый гном, который, несомненно, за мой счет выбил что-нибудь дополнительное для себя. Понимал ведь, борода многогрешная, что самому мне ничего не светит в этом плане. —

Повторяю, если ты до сих пор не понял, глупый ты хуман. Я здесь выступаю, как посредник при торговле законным живым товаром, и охраняю покой своих разумных. Ты, ни то, ни другое. Пока платишь за кров и пищу — спи в этой комнате и питайся в таверне. Никто тебе слова плохого не скажет. Но на что-либо большее с моей стороны даже не рассчитывай.

— Обиделся на то, что я отказался сопровождать твоего соплеменника в походе с пришлыми ловцами? Да? — с кряхтением распрямившись, укоризненно покачал я головой. — Теперь вредничаешь? Мелочно это. Мелочно!

— Ты что-то сейчас сказал про мой рост? — мгновенно сузил глаза и сжал кулаки этот бородач, весьма болезненно, как и все гномы, реагирующий на малейшее упоминание превосходства иных рас в физических размерах. Это, пребывая в своем мире, все они считались нормальными рослыми мужиками. Но тут, столкнувшись с людьми, а после с еще более высокими эльфами, вдруг оказались коротышками, из-за чего сильно комплексовали.

— Я сейчас что-то сказал исключительно про твою неправильную позицию в деле решения моего вопроса! — очень политкорректно пришлось выразить мне свою мысль, дабы не оказаться выкинутым за стены замка, что называется, в чем был. Как ни крути, а этот прохвост являлся местным главным боссом, отчего мог позволить себе в беседе со мной куда больше, нежели мог позволить себе я.

— Ну ка, ну ка. Поучи батю детей делать, — аж ухмыльнулся от моей речи этот наглый тип.

— Прояви ты чуть большее участие к судьбе своего бедового постояльца, потом спокойно мог бы выставить мне соответствующий счет на оказание ответной услуги. Все же ты в этих землях на первых ролях и отказывать тебе в подобном, для меня стало бы уже слишком сложным делом. Да практически невозможным! Сейчас же, я столь же волен, как и прежде. И кому от этого легче? А? — не столько ради высказывания претензии, сколько в целях вовлечения таки гнома в дело пополнения моего кошелька, пришлось давить на его самую больную точку — жадность. Ну не верилось, что он сможет пройти мимо такой возможности, как экономия солидных средств на моем возможном найме, путем превращения некой скромной персоны хумана в своего должника. — А я отвечу кому! Им! — мой палец указал куда-то в сторону улицы. — Этим ушастым! Тогда как мы оба останемся в дураках! Поскольку мне, по сути, одиночке, уж точно не выйдет бросить на весы правосудия достаточное количество весомых аргументов, — показательно потряс я перед глазами собеседника зажатый в руке карабином, — чтобы склонить их в свою пользу. Слишком уж разные у нас весовые категории с этими дылдами. И ты, будучи донельзя прожженным дельцом, прекрасно знал, что мне не потянуть подобный разговор. Эльфы от меня банально отмахнутся, как от назойливой мухи. Уж это ясно, как божий день. Но и тебе после такого показательного пренебрежения, никак теперь не выйдет втянуть меня в свои заботы. Если только... — не стал я договаривать, позволяя Регину самому все додумать нужный ответ.

— Умный ты, хуман, — посверлив меня с минуту суровым взглядом, местный мелкий лорд едва сдержался, чтобы не плюнуть на пол. — Говори, чего с них хочешь получить и начинай готовиться к выходу с наемниками, а то они и так уже слишком сильно загостились внутри этих стен. — Учитывая все произошедшее, гномам стало вовсе не до пришлых ловцов, которые уже третий день кряду били баклуши в местном замке. Но, принимая во внимание потребность оплаты их простоя, еще дольше терять впустую деньги никто явно не собирался. Ведь все упиралось в разборки с эльфами, которые, как нынче стало ясно,

завершились примирением основных сторон.

— В первую очередь, естественно, возмещения утраченного имущества. Мало того, что вся одежда и обувь пришли в полную негодность, так еще в моей эльфийке проделали солидную дыру одним причудливым кинжалом. Про полную разрядку защитного амулета, я уже не говорю! — потряс я небольшим кошельком, выуженным из-под подушки, в котором ныне приходилось хранить кулон, после того как его цепочка оказалась порвана в процессе моего запинывания. Приплетать туда еще и двух погибших бойцов было чересчур даже для меня, все же виновниками их гибели выступали гномы, которые к тому же уже возместили данный ущерб. — Так что все это должно быть возмещено либо же исправлено в полном объеме. И мне плевать, что им придется растратиться на дополнительное полноценное божественное восстановление моей пока еще живой собственности.

— Хм, — принялся потирать свою бороду представитель подгорного фэнтезийного народа, обдумывая мои не сильно многочисленные требования. — Стрясти с них новое обмундирование и зарядку артефакта — дело плевое. Тут спору нет, вина их мага, ему и возмещать. Покривятся, конечно, для вида, но компенсируют. А вот с эльфийкой могут заартачиться. Они же ее казни хотят, как-никак. Потому терзают меня смутные сомнения, что обломится ей то же счастье, что и тебе. Хотя досталось ей поболее твоего. Это да. Странно, что жива до сих пор. Другой бы на ее месте уже издох, скорее всего.

— Твои архаровцы и ее своими стальными сапогами в пол вбивали? — поскольку все последние дни мне не было никакого дела вообще ни до чего, кроме собственного здоровья и благополучия, я даже не удосужился поинтересоваться, чего там разошедшиеся гномы сотворили с моими ушастыми ходячими кошельками. Знал, что живы и то ладно. Как оказалось, зря. Ведь, как минимум, с одной из них все обстояло очень плохо.

— Они тогда всех в пол вбивали, — отмахнулся от моей скромной обвинительной речи толстокожий и безучастный к чужим проблемам гном, как от чего-то совершенно несущественного. — К тому же, основной урон ее здоровью случился от удара кинжала нанесенного представителем ее же народа. Здорово ей подрало кишки. Сейчас в темнице лежит, отходит на тот свет потихоньку. Может тебе действительно лучше продать ее за бесценок, пока не окочурилась? И они успокоятся, и в твой карман деньги упадет.

— Э, нет! Теперь это дело принципа! Заодно я смогу повесить на эту боевую деваху гораздо бóльший долг, нежели озвучивал ей прежде. Стало быть, и служить в рядах моих слуг ей придется почти вдвое дольше, или вдвое качественнее, — коварная улыбка сама собой расплылась по моей моське лица. — Учитывая же ее действия при нападении мага, такой разумный окажется очень полезным подспорьем в моей нелегкой жизни.

— Ага, — кивнул гном. — Или она просто сожрет тебя где-нибудь в лесочке по-тихому! Уж не знаю, что там с ней приключилось, но на броне моих гвардейцев остались следы от солидных таких когтей. Если бы не защита, двоих вовсе могла насмерть задрать. Так что с одной стороны могу тебя понять — такой боец действительно очень ценен. С другой же стороны, поворачиваться к ней спиной — последнее дело.

— Ничего, поиск общего языка с этой хищницей будет уже моей проблемой. Идем, Регин, — полностью собравшись и даже подпоясавшись, мотнул я головой в сторону двери. — Будем раскулачивать наших ушастых недоброжелателей. Но сперва навестим эльфийку. Хочу своими глазами посмотреть на ее состояние.

— Не знаю, что за слово ты такое сейчас сказал, так как переводчик выдал совсем уж какой-то бред об отъеме честно нажитого имущества с последующей его передачей всяким

голодранцам, но больше его никогда не произноси в моем присутствии. А то ударю! Больно ударю! Это каким же извергом надо быть, чтобы дойти до подобной концепции! — осуждающе покачивая головой, гном махнул мне рукой следовать за ним и направил свои стопы в казематы своего замка.

— Фу-у-у! — едва не вывернуло меня наизнанку от шибанувшей в нос вони гноя и разложения, что дохнуло на нас обоих из-за раскрытой двери одной из камер. — Она точно еще живая? — совершенно не желая заходить дальше, уточнил я у своего провожатого.

— Артефакт показывает, что живая, — перст гнома уткнулся в какую-то едва светящуюся полоску укрепленную на стене рядом с дверью. — Видишь, все еще темно оранжевый, а не красный. Стало быть, держится как-то. Общаться с ней будешь, или пойдём уже? — не выдержав зловонья, прикрыл он свой нос рукой.

— Перекинусь с ней парой слов и пойдём, — переборов желание тут же вырваться на свежий воздух, все же нырнул я в натуральную газовую камеру, от пребывания в которой меня начало откровенно подташнивать. — Слышишь меня, Рыська? — глаза выглядящей куда хуже многих видимых мною покойников эльфийки были открыты и даже зрачки слегка дернулись, стоило мне приблизиться к ее лежанке. — Вижу, что слышишь, — сам же и дал ответ на собственный вопрос, понимая, что говорить в таком состоянии она уже попросту не способна. И если бы не наличие магии исцеления, о которой я только-только прознал, мгновенная смерть стала бы для нее истинным избавлением от испытываемых мук. — Тогда слушай и запоминай, — присев рядом, я начал перекачивать обратно в нее душу выкраденную обратно из кинжала. Мало ли каким образом вновь прибывшие эльфы могли почувствовать ее во мне, со всеми втыкающими и вытекающими последствиями. Потому мною и было принято решение запрятать ее там, где искать уже вряд ли будут. — Сейчас я пойду выторговывать твое исцеление. А это очень, **ОЧЕНЬ**, дорогая услуга. Так что твой долг по отношению ко мне возрастет вдвое. Не нравится? — хмыкнул я, увидев напротив едва раскрывшийся в жалком подобии оскала рот. — Мне тоже не нравится. Но только так ты потом сможешь отомстить всем тем, кто обрек тебя на эти страдания и до сих пор желает твоей смерти. Ты ведь жаждешь мести? О! По глазам вижу, что жаждешь! И я дарю тебе такой шанс в обмен на верную службу. Верни мне свой долг своим служением. А после делай, что хочешь. Моргни, если согласна. — Дождавшись беззвучного положительного ответа, я кивнул ей и поспешил покинуть камеру, едва удерживая в желудке остатки своего ужина.

— Воздух! — едва мы с гномом вырвались на улицу, как тут же задышали полной грудью, в попытке выдавить из легких нотки той непередаваемой вонищи, которой оба были вынуждены «наслаждаться» не менее минуты. — Еще раз я к ней не пойду. Один отправишься вместе с эльфами, ежели выйдет договориться, — отплевываясь, категорически заявил мне Регин. — А теперь идем быстрее к ушастым. После такого необходимо побаловать душу чем-то прекрасным.

— Ну да, ну да, — покивал я в ответ головой. — А что может быть прекраснее перекошенного от гнева и понимания безысходности лика остроухих дылд, что привыкли смотреть на всех в этом мире с откровенной брезгливостью.

— Во! Понимаешь! — хлопнул меня по плечу гном с такой силой, что мне с превеликим трудом удалось не пропахать носом пару метров утопанной земли.

Ну что можно было бы сказать, о произошедшем впоследствии акте очередной торговли гнома с эльфами. Это было действительно эпично! Куда там «Битве пяти воинств» из мира

Средиземья! Восемь часов обе стороны стучали кулаками по столу, грозились огненными шарами, шаровыми молниями, кинжалами, всевозможными проклятиями и карами! Уж больно сильно задело эльфов требование человека о полном восстановлении его живой собственности до первоначальных кондиций. Правда, об украденной эльфийской душе мне пришлось промолчать, чтобы не влезать в дебри, из которых виделось возможным быть вынесенным лишь ногами вперед. Тем более, что душа-то как раз уже была возвращена на место. Но точно так же, как у всего имеется начало, у всего имеется и конец. Подошли к завершению и затянувшиеся переговоры, результатом которых стала полная и безоговорочная капитуляция представителей остроухого племени. Уж больно грозно выглядели с полсотни гномьих гвардейцев, с ног до головы закованных в броню, что постепенно, один за другим, накопились в зале, где и велся торг. Вот когда их критическая масса перешла определенный рубеж, тогда-то эльфы и начали сдавать свои позиции, при этом непрерывно оглядываясь по сторонам, да время от времени нервно сглатывая. И я их прекрасно понимал. У самого заныли ребра от понимания того, что с ними могут сотворить под сотню закованных в саботоны ног, если даже всего две пары совсем недавно отделали едва ли не до смерти.

Глава 12. Айболит и Мойдодыр

— Что за вонь! — скривил свою ухоженную физиономию и поспешил прикрыть нос пропитанным каким-то благовоньем платком спустившийся вместе со мной в казематы гномьего замка «магический Айболит». Мы как раз подошли к двери той самой камеры, в которой, судя по темно-оранжевому цвету показанного ранее Регином артефакта, доживала свои последние минуты моя, пока еще живая, собственность. Именно в этот момент ко мне в голову закралась мысль, что эльфы не просто так устроили многочасовые торги с местным, не самым терпеливым, хозяином. Судя по всему, знали, что дела у «дикой» эльфийки совсем плохи и специально тянули время, дабы не разоряться на нее вовсе. Те же три сотни империалов мне были обещаны за казнь все еще живой Рыськи. Почившая же она не стоила бы эльфам ни копейки.

— Вот ведь хитрые ворюги! — вынужденно выругался я про себя, чтобы не злить еще больше этого напыщенного индюка, от действий которого отныне зависело здоровье двух не безразличных мне разумных — мое собственное и моего дорогостоящего имущества, кое почему-то все желали прикупить за сущий бесценок. Но я, тот, кто ощутил на собственной шкуре боевые навыки данной ушастой красотки, прекрасно понимал, насколько ценным приобретением она является на самом деле. Ведь в свое время затраты на подготовку таких как мы, штучных специалистов-горлохватов и, по совместительству, разведчиков-диверсантов, находились на одном уровне с «испеканием» молодого летчика. А тот в свою очередь обходился государству в цену пусть подержанного, но все еще годного к эксплуатации, реактивного истребителя! Потому и возмущался я непрестанно предлагаемой мне баснословно низкой ценой за столь уникальный экземпляр живой боевой машины. Тем не менее, приличия ради, следовало дать ответ на прозвучавший вопрос. Что я, собственно, и сделал. — Неужели за непродолжительное время пользования[1] жителей Кенигсберга и приезжих гостей этого славного города, вы успели совершенно позабыть, как пахнут пациенты, нуждающиеся в ваших услугах в первую очередь? — все же не смог удержаться от того, чтобы хоть самую малость поддеть сопровождаемого грандмастера аж цельного 7-го круга школы лекарской магии. Что сие могло значить, мне было не понятно от слова «совсем» и просвещать меня в этом деле никто не спешил. Однако же, учитывая высоту задиранья носа данного индивида при первом ознакомлении меня с его персоной, что-то несусветно крутое да значило. В общем, пришлось тогда показательно впечатлиться на всякий пожарный случай. А то мало ли что он мог сотворить с моим телом при наложении заклятия божественного восстановления, затаив еще большую обиду, чем уже явно имелась. Мне ведь, что до магии, что до Луны, было одинаково далеко. Отчего в данном случае предпочтительнее было перебдеть. И, конечно же, предоставить загибающейся эльфийке возможность стать первой подопытной мышкой. Случись что с ней при магическом лечении, мне не составило бы труда подбить Регина на требование с эльфийской делегации соответствующей компенсации в размере, минимум, десяти тысяч империалов. Возможно даже с выплатой в звонкой монете! Ну а в случае полного успеха, уже ушастая красотка могла бы присмотреть за этим не внушающим никакого доверия магом-лекарем, при восстановлении кондиций уже моего, бесценного для меня, тела. Короче говоря, шли мы тренироваться на кошках.

— Я, между прочим, уже не первое столетие имею честь служить при дворе самого

великого князя Савиана Амдиртора! — сказал он так, словно это должно было мне поведать о чем-то значимом. — И дел с плембсом, словно какой-то бродячий знахарь, не имел вовсе! Потому столь омерзительные миазмы уж точно не касались прежде моего чуткого носа! Фи!

— Во-о-он оно как, — протянул я, покачивая головой, едва сдерживаясь от того, чтобы хлопнуть себя по лицу в международном жесте фейспалма. Это надо же было попасть не просто на откровенно надутого индюка, а вдобавок еще на гонористого павлина! — Тогда, вы это, ваше лекарское грандмастерство, постарайтесь не проблеваться. Особенно на меня, — уточнил я немаловажный момент, прежде чем сдвинуть засов и раскрыть дверь камеры нараспашку. Вот где была концентрированная вонь, которую, казалось, можно было резать ножом, столь густо она висела в крохотном замкнутом пространстве!

Конечно же, он не смог удержать в себе, то ли обед, то ли завтрак, то ли ужин. Да и мне, честно говоря, это также не удалось, особенно с учетом позывов доносившихся со стороны мгновенно позеленевшего эльфа. Короче, вывернуло нас обоих наизнанку знатно. Зато издаваемые нашими организмами звуки спугнули стайку крыс, что прежде в открытую пировали подгнивающей требухой. Что интересно, совершенно при этом не стесняясь время от времени посматривать в глаза все еще живой хозяйке этой самой требухи. Правда, их резкий маневр отступления был тут же подмечен, что мною, что лекарем, отчего мы вновь дуэтом принялись звать Ихтиандра, мгновенно осознав, чем это хвостатые там промышляли в наше отсутствие. Сию, открывшуюся нашему взору, тошнотворную картину смело можно было назвать самой натуральной аллегорией бытия нынешнего общества, которое, как я смог понять, откровенно загибалось в плане своей душевной нравственности, а на его гниющих останках вели свой пир во время чумы оставшиеся разумные.

Мягким каким-то я стал в этом мире. В прежние-то времена и не такое приходилось видеть, но организм не подводил и надежно сберегал в себе поглощенные калории. Только одна эта мысль и пришла мне на ум, как только подошли к концу вообще все жидкости, что только могли выйти наружу через плотку. Да и «напарник» тоже успел выдохнуться и полностью излиться. А человек-амфибия так и не явился на наш зов, как бы мы ни старались. Хотя среда обитания для земноводного нашими совместными усилиями была обеспечена знатная. Во всяком случае, под ногами хлюпало изрядно. Прямо как на болоте.

Но, стоило отдать эльфу должное, прежде чем вылететь вон из темницы поближе к свету Солнца и чистому воздуху, слегка подгаженному привычными деревенскими запахами, он выполнил свою работу на ять. Минут десять, меняя цвет лица со светло-зеленого на темно-серый, он что-то шаманил, вода своими руками над телом назначенной пациентки. Правда, если вид его действий не вызывал каких-либо отрицательных эмоций, все же скальпелем и пилой не орудовал, да ребра в разные стороны не раздвигал под смачный такой хруст костей, как это случалось в работе хирургов, то результат магического лечения был откровенно тошнотворен. Хорошо, что к этому моменту уже было попросту нечем фонтанировать, кроме слов восхищения, а то ведь могло попасть и на исцеляемую.

Так прямо на наших глазах через имевшиеся у нее колотые раны и все возможные отверстия полились литры гноя и полезли килограммы прочей подгнившей гадости, выталкиваемые из организма наружу путем сокращения всех имевшихся у тела мышц. В общем, на то «божественное восстановление» с голубоватым сиянием и райскими мелодиями, что можно было наблюдать в отыгранных когда-то РПП-шках, не походило вовсе. Реальность, как всегда, оказалась куда как грязнее и вонючее. Хотя тело, стоило признать, приобрело не только здоровый цвет, но и цветущий вид. Рыська реально стала, как

новенькая. Да, залитая гноем и черной кровью вперемешку со всякими разлагающимися кишками. Однако факт чудесного спасения был налицо.

— Ты меня понимаешь? — смотря на тяжело дышащую эльфийку, предпочел поинтересоваться я издалека, от самой двери, дабы иметь возможность захлопнуть сию преграду, случись у остроухой девахи приступ гастрономического человеколюбия. Звериную-то душу из нее никто не выдирает! — Бросаться с зубами и когтями не будешь?

— Понимаю, — с явным трудом выдохнула та. — Не буду.

— Это хорошо. А то местные хозяева уж больно сильно впечатлились твоим маникюром, способным оставлять чуть ли не рваные прорехи на их прочнейших доспехах, и категорически пообещали тут же прибить тебя, коли рыпнешься куда без их дозволения или же без моего пригляда. — Тут мне даже не потребовалось откровенно врать, поскольку Регин был неумолим в данном вопросе. Мало того, что по его крепости могла начать шастать натуральная машина смерти с, как он выразился, прогнившими мозгами, так еще ему не перепало никаких денег с ее продажи. Последний же факт для жадного гнома был самой настоящей трагедией. Вот и пакостил потихоньку, не облегчая мое существование в его вотчине. — Так что даже в туалет придется тебе ходить под конвоем. Во всяком случае, до тех пор, пока мы гостим в этом замке. Компренде эсто? — похвастал я знанием аж двух испанских слов, на чем, собственно, мои познания этого языка и заканчивались. Хотя еще крутилось где-то на задворках памяти до боли интернациональное «Но пасаран». Впрочем, учитывая наличие на моем запястье браслета-переводчика, попытка изобразить полиглота на минималках пропала втуне, ведь каменному артефакту было все равно, он работал на основе ментальной магии и передавал, скорее, информацию, нежели саму речь.

— Все поняла, — бросила на меня Рыська усталый взгляд. — Отсюда выйти мне можно? — судя по всему, силы начали возвращаться к ней с нехилой такой скоростью, поскольку данные слова дались ей уже совершенно без отдышки, что наблюдалась еще полминуты назад.

— Я бы сказал, даже нужно. А то сие помещение не без твоего посильного участия превратилось в натуральный инкубатор биологического оружия. Как бы тут все теперь выжигать не пришлось ради уничтожения всей вылившейся из тебя заразы. Однако хватит разглагольствовать. Если тебе стало лучше, поднимайся и пойдём отсюда. Ты-то к окружающей тебя вони уже привыкла, а меня от нее до сих пор с ног сшибает, — передернул я плечами от испытываемого отвращения. Мало того, что во рту стоял кислый привкус блевотины, так он еще вдобавок смешивался с тем смрадом, что пер из камеры, создавая совершенно мерзостный коктейль.

— Помочь ты мне, гляжу, не спешишь, — показательно скривила та свое перемазанное всякой гадостью личико, на сей раз смерив меня презрительным взглядом.

— Нет, не спешу, — покачал я головой. — Ибо брезгую! Видела бы ты себя со стороны, самой бы противно стало. И вообще, если не хочешь, чтобы тебя мгновенно начали жечь огнем, как только мы поднимемся наверх, скидывай здесь всё, что осталось от твоей одежды. А если найдешь на ней хоть клочок относительно чистого материала, оботри лицо, что ли. Реально ведь противно на тебя смотреть. Фу! Вях! — показательно скривился я, демонстрируя испытываемое отвращение.

— Ты еще долго будешь сообщать мне, насколько я омерзительна тебе? — собравшись с силами, узница «газовой камеры» сперва перешла из положения лежа в положение сидя, а после и вовсе утвердилась на ногах, отчего с противными шлепками принялись опадать на

пол всевозможные прогнившие ошметки плоти из тех, что не сползли с ее тела прежде.

— Ровно до тех пор, пока не отмоешься и вновь не превратишься в красотку, — не счит возможным, скрывать от нее сей очевидный факт. — Мы ведь, мужики, как говорится, любим глазами. А мне сейчас хочется просто-напросто ослепнуть, дабы больше не лицезреть весь этот ужас, — помахал я кистью правой руки в ее сторону, дабы она точно не ошиблась с тем, о ком я веду речь.

— Свинья, — только и смогла, что прошипеть в ответ стиснувшая зубы Рыська, прежде чем действительно начать скидывать с себя пропитавшуюся всякой дрянью одежу. — И не пялься на меня! — рыкнула она в мою сторону, как только дело дошло до испоганенного по всех смыслах этого слова исподнего. Правда была вынуждена тут же осечься, поскольку мой взор уже давно был уперт в сторону лестницы ведущей наверх из общего коридора, в который выходили двери всех местных камер. Ведь на такое не аппетитное зрелище действительно было невозможно смотреть. Это вам был отнюдь не стриптиз и даже не борьба в грязи! Это выглядело, как нечто очень мерзкое!

— Готова? — только и поинтересовался вновь ставший совершенно бездушным чурбаном я, услышав чавкающие звуки приближающихся ко мне шагов.

— Дай хоть свой китель прикрыться, — раздалось в ответ очередное змеиное шипение.

— Да счаз! Разбежалась! Он у меня, между прочим, последний, — отмахнувшись от требовательно вытянутой в мою сторону руки, тут же поспешил на выход из этого царства антисанитарии. — Его ведь после тебя даже отмывать никто не возьмется! Так походишь. Не простудишься. Чай на улице не зима.

Вот так под дружеское шипение с ее стороны и не менее дружеские посылы с моей стороны, мы вдвоем и выбрались на улицу, отчего все окружающее пространство в мгновение ока очистилось от всякого присутствия разумных существ. Ведь даже те, кто привык жить в сельской местности со всеми ее навозными «ароматами», мгновенно шарахнулись куда подальше от сосредоточения непереносимого зловония, каковым для их органов чувств предстали мы оба. Это местные еще не понимали, от сколь неопишуемой гадости им предстояло вычищать свои тюремные подземелья! Причем эти злобные гномы даже не позволили мне сбежать куда подальше от вонючей эльфийки, стволами своих винтовок указав нам путь на выход из крепости, где, судя по их крикам, нам сперва надлежало отмыться до зеркального блеска и только после возвращаться под защиту стен. Хорошо еще, что выдали в долг помывочные средства, скинув все это дело с тех самых стен, после того как за нами захлопнулась привратная калитка. Ну и наличие под боком речки-переплюйки, что протекала примерно в полусотне метрах от замка, также изрядно поспособствовало принятию водных процедур.

— Не пялься! — вот теперь, по истечении почти двух часов мытья, она имела полное право выдвигать в мою сторону подобную претензию, ибо я бессовестно пожирал похотливым взглядом ее великолепное подтянутое тело. А какой бы нормальный мужик в полном расцвете сил не стал бы пялиться на такую красоту, окажись он на моем месте? Разве что какой-нибудь эталонный интеллигент. Но я таковым уж точно не являлся и потому баловал свой взор открывающимися на восхитительные женские выпуклости видами.

— Я не пялюсь, — нахальная улыбка сама собой расплылась во всю ширь моей наглой, но сильно отощавшей, физиономии. — Я внимательно осматриваю свое имущество на предмет возможных повреждений. Мало ли этот маг в чем напортачил при твоём исцелении. Потом ведь претензию уже не предъявишь!

— Свинья! — в очередной раз повторилась Рыська, буквально источая намерение лишить жизни ближнего своего, то есть меня.

— Повернись, — проигнорировав очередной, как по мне, совершенно необоснованный выпад в мою сторону, попросил я не терпящим возражения голосом. — Спереди все, вроде как, нормально, теперь надо убедиться, что и сзади все в порядке. Давай, давай, избушка на курьих ножках, повернись к замку передом, а ко мне задом. А то там, на стенах, бедные охранники уже совсем извилились. Видать, сильно жаждут оценить тебя целиком и полностью, — мгновенно перевел я, если не все, то немалую часть стрелок на разумных, чья дальнейшая судьба меня не волновала вовсе. Ведь то, что она впоследствии будет мстить, не подлежало сомнению. Стало быть, теперь мне предстояло расплатиться за просмотр, дабы смягчить возможные последствия. И проявление должного участия, как по мне, вполне могло сойти за таковую оплату. Бездушие дездушием, но мозги-то мои остались на месте и работали они очень даже прилично.

— Сам ты чурбан неотесанный и боров криволапый! А я гибкая и фигуристая! И ноги у меня стройные! — фыркнула та в ответ, явно получив от артефакта-переводчика какой-то не тот смысл оброненной мною фразы, но вынужденно повиновалась, при этом стараясь перекрыть руками возможный обзор наиболее интимных мест. Естественно, только спереди, поскольку рук имелось только две.

— Идем обратно к речке, — не стал я ее сильно долго держать в такой позиции. — Предлагал же спинку потереть. А ты все отказывалась. Вон сколько грязи так никуда и не делось. Ты же мне нужна чистенькая и благоухающая. И что это вообще за свинская тема? У тебя была какая-то детская психическая травма, связанная с хрюшками, что ты постоянно поминаешь их в отрицательном ключе? Хочешь об этом поговорить? — типа проявляя то самое участие, а на самом деле просто забалтывая, мне удалось увести ее обратно к реке, где еще минут двадцать ушло на отдраивание крепкой и полнящейся перекачивающихся под кожей мускулов спины, одно прикосновение к которой было чертовски приятно. Никогда не любил лапать рыхлые тела! Вот таким вот малость похотливым Мойдодыром стался я в новом для себя мире. Хотя и в прежней жизни не отказался бы побыть таковым, случить мне повстречать да заарканить подобную красотку. Тем более, что приманивать девушек было на что, хотя бы в плане общих кондиций былой тушки.

Нет, мне не было нужды тягать штанги с гирями или демонстрировать всевозможную акробатику на турниках. Все, что требовалось для поддержания организма в форме, сполна давали ежедневные занятия рукопашкой, от которой я никуда не ушел, даже покинув ряды вооруженных сил. А 190 сантиметров роста вкупе с сотней килограмм подтянутого, да широкоплечего, тела рукопашника, как ни крути, выглядели в глазах противоположного пола заслуживающей внимания и снятия пробы вкусняшкой. Это сейчас мне попался организм какого-то заморыша, которому не помогло даже усиленное питание и отдых. Хотя заморыш, следовало признать, был жилистым. Чего не отнять, того не отнять. Но, предложи мне кто сменять это тело на прежнее, согласился бы не раздумывая. Да и залапанная мною Рыська, небось, тоже перестала бы так часто кривиться и фыркать, обмывая ее не вот такое тощее недоразумение, каковым представал в ее глазах я, а куда более привлекательный для любой женщины мужчина. Короче, мечтать было не вредно, вот я и мечтал, параллельно получая эстетическое наслаждение, так как при помывке порой открывались очень волнующие ракурсы.

— Хватит уже. Ты мне там скоро до костей все протрешь! — не выдержала, наконец,

эльфийка моих стараний. Да и вода в реке, стоило признать, текла не самая теплая, отчего у самого ноги уже начинали приобретать фиолетовый оттенок. Ей же, присевшей в воду по пояс, было и того менее комфортно.

— Хватит, так хватит, — легко слетело с моих губ согласие и, прежде чем она успела бы кинуть очередную шпильку в мой адрес, скинул с себя китель от солдатской униформы, да разместил его на плечах девушки или же женщины — с этими долгожителями вообще невозможно было понять, сколько им реально лет. — Твоя сменная одежда должна была остаться в вашей общей коморке. Как переоденешься, вернешь, — не стал я растекаться мыслью по древу и кратко пояснил, что эта часть гардероба — не подарок. А то мало ли какие мысли могли прийти в ее даже не блондинистую, а как оказалось, беловолосую головку. Хоть тут авторы различных фэнтези не соврали, описывая внешние признаки представителей этой расы. Да и ушки тоже были острые.

— - повернувшись ко мне чуть боком и внимательно посмотрев мне в глаза, так и не проронила она более ни слова, что уже можно было считать чудом. Ведь остроте ее языка могла позавидовать кромка лезвий имеющихся у меня ножей. Очень добротной и профессионально заточенных ножей!

Покрепче запахнувшись спереди и аккуратно поднявшись с карачек, дабы больше ничем интимным не мелькать перед чужими взглядами, она, как смогла, одернула изрядно натянувшийся в области груди китель пониже и, слегка задрав нос, гордо прошествовала, по-другому и не скажешь, вон из воды. Я же, проводив ее взглядом, и с удовольствием подметив, что «кольчужка» все-таки была коротковата, прошествовал следом за ней. Как ни крути, а времени прошло уже много, и выложившийся в свое колдунство магический лекарь уже вполне мог успеть восстановить потраченные силы, чтобы на сей раз заняться уже моим организмом.

— Хорошо! — потягиваясь и с превеликим удовольствием похрустывая косточками, протянул я спустя три часа, после того как нас вновь запустили в пределы крепости. Памятуя о том, как происходил процесс божественного восстановления у моей «лабораторной мышки», я заранее озаботился сохранением своих вещей и даже чистоты помещений. Потому весь процесс проистекал, в прямом и переносном смысле этого слова, на застеленном самой дешевой дерюгой каменном полу все в тех же подземелий замка. Это уже было условие Регина, который откровенно ужаснулся тому, сколь сильно оказалась изгваздана одна из камер его домашней тюрьмы. Там при уборке, вроде как, аж пять человек сменяли друг друга, по очереди теряя сознание. Но, то уже меня не касалось вовсе, ведь за все было уплачено заранее.

— Ты кто такой? — было первым, что донеслось до моих ушей от явно опешивших свидетелей моего, продолжавшегося ну очень долго, восстановления. А дело заключалось в том, что магия, как позже выяснилось, не просто многократно ускоряла процесс деления клеток. Она как бы брала слепок организма из памяти «пациента» и восстанавливала тело в том виде, в каком оно запомнилось самому разумному. Вот мою нынешнюю тушку и коржило нещадно целых два часа, вытягивая и расширяя ее на дополнительные десятки сантиметров.

Нет, я так и не получил своего прежнего тела. Просто нынешнее вышло на уровень тех же кондиций, что были у меня прежнего. И это было превосходно по очень многим причинам! Мало того, что память и «мясо с костями», наконец, полностью сдружились, и мне, сильно привыкшему к былым габаритам, банально стало куда привычнее двигаться, так

еще сохранилась жилистость того унтера, в которого я переселился, при воссоздании моих прежних размеров, включая мускулатуру. Как результат, мне перепали все плюсы, как от жилистого, так и мускулистого, типов организмов. Можно было даже сказать, что я стал нечеловечески быстр и силен. Во всяком случае, по сравнению с собой прежним уж точно.

— Я это я! — полная довольства улыбка стала моим ответом наблюдавшим все это время за процедурой Регину, Рыське и едва живому эльфийскому магу, который, кажется, постарел лет так на пять. Видать действительно перенапрягся со мной, бедолага. — Теперь уже настоящий! — полностью напрягшись всем организмом, дабы обрисовались все контуры тела, я ощутил небывалое удовольствие как от внутренних ощущений, так и от того взгляда, которым, как она полагала, тайком окатила меня «дикая» эльфийка. О да! Ноток былой брезгливости в нем не осталось вовсе. Зато вот кое-что иное добавилось точно! Жаль только, что это было не вожделение, а опасение, если не сказать страх. И ее можно было понять. Ведь я с ней справился, даже когда был на четверть метра короче и раза в полтора уже в плечах. Не говоря уже про вес. Теперь же мы сравнялись в габаритах вовсе, отчего до нее начало доходить, сколь страшным противником я могу являться на самом деле.

[1] Пользовать пациента — в данном случае имеет смысл «обследовать/лечить».

Глава 13. Своя шкура дороже

— Ты это... Можешь подскажешь... В общем, как? — все никак не мог собраться с мыслями и в конечном итоге просто вылупил на меня глаза Регин, стоило нам обоим уединиться в его кабинете для более детального обсуждения намеченного на следующий день выхода отряда ловцов неприкаянных. — Ты же был, как обмотанная кожей щепка! Что называется, ни рожи, ни кожи, ни роста, ни веса, ни объема. Ничего не было!

— А с чего ты взял, что ничего этого, — прихлопнул я себя по крепкому подкаченному торсу — не было? — Не следовало иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, насколько сильно моего собеседника распирало желание повторить подобный эксперимент на себе, да чтобы с точно таким же конечным результатом. Ну, зародился у них пунктик по поводу своих габаритов, зародился. Оттого и недолюбливали они всех, кто мог позволить себе смотреть на них сверху вниз, при этом не имея в кармане даже ломанного гроша. В общем, недолюбливали они всех. Однако смиряли свой взгляд на окружающих ради получения наживы. Мне же здесь и сейчас выпала честь разбить о скалы реальности надежду данного комплексующего гнома на его личное возвышение в физическом смысле этого слова. — Ты ведь меня никак не мог знать до того момента, как с миром случилась катастрофа. А я, к твоему сведению, именно так и выглядел, прежде чем моя жизнь перевернулась с ног на голову. И, должен тебе признаться, это чертовски приятное чувство, вновь ощущать себя практически прежним! — окончательно вернуть себе стопроцентное предыдущее физическое состояние виделось малореальным. К тому же внутри телесной оболочки до сих пор не имелось души, отчего я и добавил слово «практически» в свой развернутый ответ. — Сам вспомни, как именно называлось то заклинание, что ты выбил для меня у эльфов. Божественное восстановление! Восстановление! — приподнял я указательный палец, для большего наглядного акцентирования основного слова. — Вот оно меня и восстановило в былом виде.

— Гад ты и дылда, — только и смог что пробурчать мгновенно уловивший главную суть гном. А как он ее мог не уловить, после того, как все было разжевано и буквально запихнуто ему в рот? Никак! Разве что разыгрывая из себя дурачка. Однако ничего такого ему сейчас не требовалось в виду отсутствия финансовой составляющей в теме нашей беседы. Потому он лишь расстроился крушению зародившейся надежды, и слегка спустил на мне пар. — И вообще, чего расселся! Тебе завтра рано утром на боевой выход, а ты до сих пор ничем потребным для длительного похода не закупишься! Или ты надеешься, что тебя там кто-то будет кормить за свой счет?

— Жду, когда представишь мне охраняемое лицо, обозначишь мои полномочия по отношению к нему и вообще введешь в курс дела, — спокойно, что еще больше раззадорило гнома, пояснил я свою позицию. — Мы ведь для этого сюда и поднимались, если ты уже подзабыл.

— Ты не о моей, а о своей памяти лучше побеспокойся! Вон как вымахал, а мозгов вовсе не прибавилось! — выверился на меня хозяин замка, чтобы чуточку спустить накопившийся внутри его малорослого организма пар. — Небось на радостях совершенно запамятовал, кому успел перейти дорогу со всеми своими желаниями? Так я тебе напомню! — простерся в мою сторону указательный палец со слегка погрызленным ногтем. — Заносчивым и высокомерным эльфом! Более того, не рядовым ушастым разумным, а их магам!

— Хочешь сказать, что на моем лбу уже нарисована мишень, в которую в любой момент может прилететь что-нибудь не совместимое с дальнейшей жизнью? — тот откровенно ленивый тон, которым я поинтересовался о данном факте, несколько выбил моего собеседника из колеи.

— Хм, — принялся поглаживать он свою бороду, сверля меня задумчивым взглядом. — Надо же. Не всё в кости и мышцы ушло. Действительно что-то в голове осталось. Даже удивительно! Но, как по мне, уж больно ты спокоен для более чем потенциального покойника.

— Так мы с тобой и всеми окружающими нас разумными уже лет десять как существуем не в том мире, где это стало бы чем-то выходящим за рамки сформировавшихся в нём норм, — только и оставалось мне, что пожать плечами. — Тут в любую минуту можно лишиться абсолютно всего, просто отойдя с дороги в кусты по малой нужде. Да к тому же потом еще и быть проданным на рынке, как простой кусок безвольного мяса. Полагаешь, что такие как мы с тобой, выжившие и сохранившие свое «Я», не справимся с простыми смертными, после того как умудрились противостоять пришедшим в нашу прежнюю жизнь бедам масштаба всемирного потопа?

— Были бы то простые смертные, я бы вовсе не начал данный разговор. Успел убедиться в твоих возможностях. Потому и не гнал из своего дома прежде, что хуман ты полезный в хозяйстве. Дела с тобой вести можно. Но ныне ты забываешь один немаловажный факт — они точно такие же выжившие и сохранившие свое «Я», как и мы оба. А это уже показатель! — тот же палец, что прежде был простерт в мою сторону, устоял вертикально вверх вместе со всей прилежащей к нему рукой. — Плюс магия, что ставит их на несколько ступеней выше тебя! Или с памятью все же случились проблемы какие? Забыл уже, как считанные дни назад на полу вот этого самого кабинета, — притопнул он пару раз ногой, — отплясывал танец висельника, разве что без петли на шее?

— О! Поверь мне! Уж я-то точно ничего не забыл и не простил! — наверное, моему оскалу, выползшему в эту секунду на лицо, позавидовала бы даже акула. — Они ведь со мной так и не расплатились за нападение. Лишь возместили причиненный материальный ущерб, наплевав на все остальное. Может с кем другим у них подобное отношение прокатывало, но мне, как и тебе, куда привычней спрашивать с должников по полной! Потому там, где ты видишь проблемы, я вдобавок вижу солидные возможности.

— Только не на моих землях! — поняв все совершенно верно, тут же выдвинул свое условие Регин. — Не хватало мне еще ссориться с этими остроухими дылдами из-за какого-то пришедшего хумана.

— Ты это лучше им скажи, — мотнул я головой в сторону двери, намекая на находящихся где-то там за ней эльфов. — Первым на них обещаю не лезть на твоей территории. Но, коли сами сунутся, ко мне претензий не предъявляй.

— А и скажу! — смачно так прихлопнул рукой по столу хозяин кабинета. — В моих землях может царить только мой порядок! И никто из пришлых не смеет его нарушать! Но если ты подобным образом надеешься отсидеться за спиной моего рода, шиш тебе! — прямым мне под нос была сунута солидная такая дуля. — Если только мы не договоримся о цене, — секунду назад фонтанирующий гневом гном, мгновенно преобразился в прожженного торгаша умудрившегося крупно облапошить незадачливого клиента, столь показательно снисходительная улыбка заиграла на его губах.

— Денег нет, — тут же открестился я от предлагаемой протекции, что, скорее всего, со

временем грозила перерасти в полноценное финансовое рабство. — И тебе самому это прекрасно известно. — Не то, что их не осталось вовсе, но вес позвякивающего в моем кармане золота и серебра никак не соответствовал масштабу таковой услуги. Что оказалось тут же подтверждено самим гномом.

— Да у тебя, нищebroда, и не хватило бы никаких средств, чтобы позволить себе приобрести подобную протекцию! — фыркнул тот в ответ. — Это ведь тебе не с кузнецом сторговаться, а, считай, со всем родом заключать ряд[1]!

— Тогда на что ты столь толсто намекаешь? — слегка придвинувшись вперед, принялся всем своим видом демонстрировать готовность выслушать имеющееся у собеседника предложение. — Пусть мы знакомы всего ничего. Но понимать твои исключительно меркантильные мотивы я уже хорошо научился. Не было бы у тебя что предложить, ты не стал бы тратить на меня ни минуты своего драгоценного времени. Ведь время, как известно, деньги.

— Золотые слова! Все же порой работает у тебя голова в нужную сторону! Надо будет обязательно подумать над внедрением прејскуранта для всяких пришлых на беседы с великим мною, а то только и умеют, что впустую от дел отрывать! — тут же принялся он что-то черкать простым карандашом в выудинном из внутреннего кармана жилетки небольшом ежедневнике. А мне даже стало самую капельку стыдно перед всеми разумными мира за то, что подкинул этому патологическому жмоту наводку на подобную идею. К тому же на меня, как ни на кого иного, виделось возможным повесить ярлык пришлого и сдирать еще больше денег, чем он стрясал прежде. — Будешь работать на благо моего рода в пределах моих земель, — закончив с конспектированием явно мудрых мыслей, вернулся он к прервавшейся ненадолго беседе. — За это получишь отличительный знак с магической составляющей, что являешься слугой рода. Не стану утверждать, что это даст тебе стопроцентную гарантию неприкосновенности со стороны ушастой братии. Но, как по мне, это будет для тебя много лучше, чем вообще ничего.

— Работать, небось, предлагаешь за кров и еду? — с трудом удержавшись от выражения непечатным слогом своего реального отношения к подобным «выгодным» предложениям, на всякий случай уточнил я. А то мало ли для носителей знака слуги рода имелись какие-либо приятные плюшки. Вот ведь наивный! Совсем забыл, с кем вел разговор.

— Еще чего! Ишь, размечтался! — аж подпрыгнул со своего кресла от испытываемого чувства негодования Регин. — Отрабатывать ты будешь привилегию временно пребывать под знаком моего рода! За все остальное, как и прежде, плати из своего кармана, коли не можешь обойтись без отдыха и пищи.

— И ты не опасаясь, что вот эти самые эльфы, — вновь ткнул я пальцем в сторону закрытой двери, — наплюют со своей высокой колокольни на всякие твои знаки и завтра же прибьют меня вместе с охраняемым лицом гномьей наружности? — Очень уж хотелось мне понять, насколько реальную защиту предоставлял этот, ни разу не виданный мною, знак. Стоило ли вообще за него держаться на первых порах. Или же следовало срочно собрать свои вещички и, продав гному всех оставшихся неприкаянных, срываться из его вотчины в тот же Новогеоргиевск, раз уж остроухие прибыли из Кенигсберга. Все же слишком мало мне было известно об их магии, чтобы самонадеянно полагать возможным для себя выйти победителем из любого боевого столкновения с ними.

— Завтра не прибьют. Завтра они весь день будут отрабатывать полагающуюся мне за посредничество в сделке долю. Хотя не все, не все, — в задумчивости принялся поглаживать

он свою бороду. — Хм, — минуту спустя окинул меня гном настолько брезгливым взглядом, которого, возможно, никогда в жизни не удостаивалась ни от одного солдата ни одна вошь. — Так ты, получается, теперь вовсе бесполезен! — практически в открытую признался этот прощельга в отсутствии реальной пользы от того самого знака рода, что он столь нагло пытался мне «продать» в обмен на честное служение. — Даже хуже, чем бесполезен! — тем временем продолжал он разоряться. — Лишь одни проблемы с собой принес! А ну выметайся из моего дома! И чтоб ноги твоей на моей земле больше не было! — действительно не на шутку разбушевался осознавший реальную ничтожность величия собственного рода гном. Причем, как это зачастую и случалось с подобными ему личностями, всю вину за подобное положение дел он принялся возлагать непосредственно на того, кто ткнул его носом в сей факт, но уж конечно не на себя и своих родичей.

— У тебя, между прочим, передо мной еще должок имеется в семнадцать дней бесплатного проживания в таверне с полным пансионом. Напоминаю, если ты запамятовал, — тут уже я не стерпел и тоже встал в позу. Пусть на фоне многих тысяч золотых, которыми мы совсем недавно оперировали в своих беседах, такие деньги выглядели сущими копейками, отстоять даже этакую мелочь стало для меня делом принципа. — Так что прежде, чем гнать меня вон, сперва компенсируй то, что задолжал. Я ведь могу покинуть твой дом, как просто разочарованный местным обслуживанием клиент, а могу и как обиженный персонально на тебя мстительный разумный. Оно тебе надо постоянно в будущем оглядываться по сторонам из-за каких-то грошей? Меня ведь, скорее всего, вскоре не окажется даже в ближайших к твоей вотчине землях, а ты все будешь нервничать, да оглядываться, оглядываться да нервничать.

— Денег не дам, — закончив показательно раздуть ноздри и наливаясь аж багровым цветом, приземлился сидалищем на свое кресло и, скрестив руки на груди, выдал Регин. — Самому мало. Но можешь взять товара на тридцать четыре рубля серебром, — быстренько подсчитав в уме, выдал он сильно меньшую сумму, нежели выходила по моим подсчетам. Вот только продолжать торговаться с ним сейчас, могло мне выйти сильно боком. Ведь он являлся местным лордом, а я пришлым безродным бродягой, что превратился для него в токсичный актив. Так что, мысленно выругавшись, пришлось соглашаться хоть на такой исход. Благо в голове и так уже успел возникнуть и начерно обрисоваться план укрепления собственного положения, в том числе за его счет.

Продав-таки всех наловленных неприкаянных, за исключением той десятки, на которых у меня хватило затрофеенных и выкупленных ошейников, да изрядно запасшись провизией, парой-тройкой запасных комплектов все той же немецкой солдатской униформы и вообще всем потребным в походной жизни, мой небольшой отряд в полдюжины соображающих и десяток безвольных организмов покинул ставший более негостеприимным замок. Ушли мы быстро, ни с кем не попрощавшись, в тот же вечер. Пусть даже это было слишком самоуверенно с моей стороны, покидать стены дарующей спокойствия твердыни, на ночь глядя. Такогого хода требовали обстоятельства. Мало того, что эльфы в это время уже активно трудились где-то в недрах «усадыбы» Регина и потому никак не могли последовать за нами в тот же миг, так еще мне уже было прекрасно известно, где следует организовывать засаду на отряд ловцов. Ведь только с них мне и виделось возможным получить тот десяток душ, что был потребен для превращения моего груза в моих же будущих солдат. Ну и для личного пользования какую-нибудь душонку тоже не мешало прихватить заодно.

— И к чему стоило так быстро срывать с места? — топавшая впереди с горящим

факелом в руках Рыська, наконец-то, извергла из своего рта, не очередное ругательство в мой адрес, а умную мысль. — Нельзя было дожидаться хотя бы утра? Отоспались бы в человеческих условиях и, какой-никакой, но сытный завтрак тоже не виделся бы лишним. Особенно для двух твоих обновок, — кинула она быстрый взгляд себе за спину на едва передвигающих ноги доходяг, нагруженных практически всем имевшимся имуществом.

Не самому же было тащить все это добро на собственных плечах, когда под рукой имелось столько подчиненных! Да и боевая готовность у навьюченного тела всегда оставляла желать лучшего. Мне же в самую первую очередь требовалось позаботиться о собственном выживании. Как говорилось в одном старом, просмотренном еще в сопливом детстве, мультфильме про школу чертей — «Люби себя, наплюй на всех и в жизни ждет тебя успех». Эта фраза, как ничто иное, превосходно описывала то мое внутреннее состояние, что сформировалось в голове при потере души. Хотя прежде настолько эгоистичной сволочью я точно не был. Вроде как. Потому и шел налегке, лишь неся в руках ухватистый карабин Мосина. При выстреле, особенно в темное время суток, он, конечно, неприятно ослеплял дульной вспышкой из-за слишком короткого ствола, в котором банально не успевал прогореть весь имеющийся в патроне порох. Однако это можно было перетерпеть за возможность куда быстрее навестись на цель, нежели с более длинной винтовкой. Пусть там и была разница в доли секунды. Но именно они, зачастую, отделяли жизнь от смерти.

— Чтобы не пришлось-таки тебя казнить, ради собственного спокойного существования, — желания болтать у меня не имелось никакого, впрочем, как и вообще шуметь — не та сейчас наличествовала окружающая среда, чтобы позволять себе подобные вольности, потому выдал первое подходящее объяснение, что пришло на ум. — Больно у твоих соплеменников руки чесались отчекрыжить твою головку от прочих частей тела. А потому я бы тебе посоветовал внимательнее посматривать по сторонам. Может где-то там, в тених, в эту самую секунду сидит тот, кто уже выцеливает тебя из винтовки.

— Тогда мог бы на время вернуть мне мой же защитный медальон, — быстро кинув взгляд по сторонам и, явно с ненавистью посмотрев на удерживаемый в руке факел, свет от которого превращал именно ее в наиболее удобную мишень, вновь перешла на уже привычное мне змеиное шипение эльфийка. — Сам же постоянно твердил, что я твоя дорогостоящая собственность. Неужели не жалко будет меня потерять?

— Своя шкура дороже, — только и сделал, что коротко бросил ей в ответ. — А теперь помолчи и лучше вслушивайся в окружающий тебя мир. Глядишь, сумеешь пережить эту ночь, не потеряв, ни душу, ни жизнь.

[1] Ряд — в данном случае имеет смысл слов «договор/соглашение».

Глава 14. Сделал гадость — в сердце радость

Как мне за прошедшее время удалось выяснить, «усадьба» Регина располагалась на месте тевтонского замка Прейсиш-Эйлау, а тот городок, для очистки которого гномами был нанят отряд профессиональных ловцов неприкаянных, именовался Цинтен. И, к моему нынешнему неудовольствию, находился он еще ближе к Кенигсбергу, нежели наше недавнее место временного обитания. Благо хоть для его достижения пришлось очень сильно отклониться на северо-запад и тем самым уйти с возможного, куда более прямого, пути возвращения эльфийской делегации обратно в бывший прусский, а ныне не пойми чей, город-крепость. Мне, конечно, не единожды приходили на ум мысли определенного характера, касающиеся возможности поправить свое материальное положение за счет этой ушастой братии. Однако ж мозг все так же оставался холоден, рассудителен и расчетлив, отчего активно советовал не лезть на тех, кто покуда был не по зубам. Вот и шлепали мы полночи напролет по уже успевшей «одичать» грунтовой дороге в сторону этого самого Цинтена. Казалось бы, путь до него не превышал 30-ти километров. По меркам моей совсем недавней реальности — рукой подать. Но здесь же, топая своими двумя, да еще с изрядным количеством откровенных дохляков на хвосте, неплохим результатом вышло уложиться в одни сутки. Если первые километров пять дались моим будущим солдатам вполне неплохо, то следующий такой же преодоленный отрезок дороги пришлось завершить полноценным привалом с ужином, 6-ти часовым сном и завтраком.

Это неприкаянные, в силу своей природы, молча продвигались вперед, расходуя последние остатки имеющихся в их организмах сил и не имея ни малейшей возможности показать, что они уже находятся на пределе. Их же более удачливые бывшие соратники, кои уже успели обзавестись новыми душами, откровенно стенали. Мне даже показалось, что от столь длительного перехода мои бойцы начали просто-напросто стираться, как тот кот из анекдота, который повадился подтираться о ковер. Или же это просто навьюченное на их плечи имущество с каждым новым шагом все ниже и ниже пригибалось к земле? В любом случае, доводить ситуацию до того, чтобы от них сохранились одни только уши, как от того кота, я, естественно, не собирался. Как-никак эти доходяги тоже представляли собой очень ценное и полезное в хозяйстве имущество, терять которое по собственной глупости, было бы верхом самодурства. Потому и был объявлен привал, как только на глаза попала очередная заброшенная деревушка в десяток домов, если не ошибаюсь, уже четвертая по счету на нашем не сильно продолжительном пути.

— Ох, неужели ты доверишь мне оберегать покой твоего драгоценного тела? — стоило нам запереть находившихся «на привези» неприкаянных в одном из домов, а самим обустроиться в соседнем, как показательно всплеснула руками Рыська в ответ на мое объявление об очередности несения дежурства. — И даже сам выдашь оружие на руки!

— А чем ты отличаешься от каждого из них? — кивнул я головой в сторону прислушивающейся к нашему разговору солдатской братии, что разместились у стола и при свете обнаруженной тут же свечи добивали остатки ужина, активно орудуя челюстями. — Так же имеешь две руки, две ноги и одну голову. Этого вполне достаточно, чтобы караулить наш чуткий сон в течение аж целого часа. Или ты наивно полагаешь, что, бросив пост и сбежав от нас, сможешь впоследствии отыскать тех, кто начнет стрелять в сторону твоих многочисленных и сильных недоброжелателей, как это сделаем мы? Полагаешь, что твои

остроухие родичи никогда более не покажутся на горизонте? Неужели ты настолько наивна?

— Ладно. Логично, — подумав с полминуты, была вынуждена согласиться гордая дочь ушастого народа с подобной трактовкой причины ее дальнейшего присутствия в нашем отряде. — А им ты почему доверяешь? Гнома-то с его дружиной теперь под боком нет. Кто их сможет удержать от бунта и неповиновения? — предприняла эта интриганка очень неплохой тактический ход по осложнению моей жизни. То, что подобные мысли вскоре могут прийти в головы этих отощавших, но вооруженных винтовками, бывших солдат, я понимал прекрасно. Как-никак все мы не терпим подчинения, особенно имея на руках прекрасные аргументы для отстаивания личной свободы. Потому с моей стороны примерная речь была подготовлена уже давно. Просто я не ожидал, что кто-то сподобится заронить здоровое зерно сомнения в их разум столь скоро. Впрочем, будучи изначально настроенным на нечто подобное, отнюдь не оплошал, как на то явно надеялась обиженная и желавшая отмщения женщина. Вот вроде совершенно другая магическая раса, долгожители опять же, иные ценности обязаны иметь, а мелкая женская месть и в их обществе, судя по всему, вовсю цвела и пахла. Воистину, то было мировое зло, не знающее границ и расстояний.

— Желание жить? — не поддавшись на подобную провокацию и не став кидать на бойцов какой-либо недоверчивый взгляд, лишь пожал я плечами. — Это здесь, в запертом и крепком помещении, когда мы все вместе и при оружии, у нас имеется неплохой шанс проснуться с нашими же душами внутри. Да вдобавок еще не став ничьим обедом. А вон там, за этой дверью, — ствол моего карабина указал в сторону единственного выхода из дома, — их ждет жестокий мир, где в чести лишь право сильного. И пока я достаточно силен, чтобы помогать им в выживании, в восстановлении былой физической формы, в наработке утраченных навыков обращения с оружием, пока готов защищать их, в конце концов, моя роль их единственной надежды на сохранение своих жизней и своей сути никуда не денется. — Вы слышите меня, парни, — теперь мой взор прошелся по бывшим солдатам Российской Императорской Армии. — До тех пор, пока у меня имеется такая возможность, я буду помогать вам, готовиться к будущей ответственности за себя самих. Чтобы вы, уйдя в свободное плавание, не завершили свой путь в ближайшей подворотне или в первом же попавшемся на пути лесочке, лишившись, либо души, либо жизни. Оплатой же за мою опеку над вашими, пока еще пустыми, головами будет ваша служба в моем отряде. Как только доберемся до какого-нибудь крупного поселения, где найдется аналог поверенного, заключу с каждым из вас персональный договор о полном вашем личном освобождении, — постучал я пальцем по шее в том месте, где у моей живой собственности просматривалось соответствующее магическое клеймо, — спустя три года службы. В общем, считайте, что вы снова в армии, как оно и было в прежние времена, о которых вы, правда, ничего не помните. Просто вместо государства ныне выступаю я, человек, что обязуется вас все это время кормить, одевать, обувать, снабжать оружием с боеприпасами, а также наказывать за проступки, воровство и невыполнение приказа, — все же вынудила меня эта зараза отказаться от очень многого и при этом пообещать очень многое, по сути, бесправным людям. В общем, подгадила и, судя по довольному взгляду, прекрасно это понимала. Стерва! Впрочем, и я не остался в долгу. — А что касается тебя, девица-красавица, то поскольку на твое излечение пришлось сильно потратиться, твой долг вырос втрое от известной тебе ранее суммы. Так что в моем понимании твое служение на мою пользу теперь должно быть вечным. Ведь вряд ли ты сможешь расплатиться раньше, чем я помру от старости.

На удивление ночь прошла спокойно и никто никого не убил. Ни Рыська ни к кому не

лезла со своим кинжалом да с гастрономическим желанием испробовать печени или еще чего из требухи ближнего своего — видать сказалось получение души разумного, что затмила собой сидящую в ней звериную сущность. Ни мои бойцы-доходяги не докучали эльфийке предложениями сдружиться организмами на очень короткое время к обоюдному удовольствию. И никто из них не попытался смыться, попутно прирезав своего нынешнего хозяина, то бишь меня. Видать не пропала втуне и отложились в их мозгах произнесенная перед отходом ко сну речь. Потому, спокойно совершив утренний моцион, умывшись и позавтракав приготовленной тут же в печи горячей, хоть и слегка пригоревшей, кашей, вновь выдвинулись в путь. Нам сегодня кровь их носу требовалось добраться до Цинтена, чтобы успеть подготовиться к встрече с тем отрядом, что уже сегодня обязан был покинуть твердыню гномов.

Не знаю почему, но теплилась внутри меня надежда, что специалисты по отлову неприкаянных не станут сильно гнать себя вперед, растянув данный переход более чем на сутки. Наверное, то были отголоски моей веры в человеческую лень и шепот надежды на результативность проведенной диверсии. Недаром я с помощью доброго слова и путем передачи золотой монеты номиналом в 20 марок смог подбить давно отпущенного на вольные хлеба Федора свершить нехорошее деяние. Так, пока мне приходилось мотаться по всей крепости, подготавливая очень скорый отход своего не сильно великого отряда, этот товарищ из числа вернувшихся успел подпилить оси у двух непредусмотрительно оставленных без какого-либо пригляда телег для перевозки «живого улова». Об их назначении можно было легко догадаться хотя бы по тем склепанным вместе стальным прутьям, что образовывали этакую клетку на колесах. Ошейники ошейниками, но и о подобной защите от неприкаянных пришлые ловцы успели подумать и позаботиться. Вот что значит профессионалы! Зря они повстречали меня на своем жизненном пути. Ведь могли бы еще жить и жить в свое удовольствие, да очищать земли от заповолившей их «скверны». А теперь что их ждало? Сплошное расстройство с последующим забвением. Эхе-хе. Не повезло им, короче.

Вот с такими мыслями, непрестанно осматриваясь да оглядываясь на предмет появления нежданных гостей, мы и подошли к городу-призраку, каковых на Земле, или не на Земле, а на совершенно новой планете, вобравшей в себя с десятков иных миров, ныне могло иметься тысячи, если не десятки тысяч. Хорошо еще, что вокруг самого города раскинулись редкие домики, то ли садоводов, то ли мелких фермеров. Их наличие позволило нашей компании занять одно из подобных хозяйств, совершенно скрывшись с пути тех, кто уже совсем скоро придет сюда же вслед за нами. О том, что наших следов вовсе не останется на мало кому интересной грунтовой дороге, я даже не смел мечтать. Так что полноценный сюрприз приговоренным к заклятию ловцам мне вряд ли вышло бы устроить. Это было ясно изначально. Но не отвечивать на их глазах опять же было куда лучшим вариантом, нежели обратное. Тем более, что никто из моих вынужденных спутников понятия не имел, зачем мы вообще заявили сюда и чем таким интересным я собирался промышлять в кишачем неприкаянными городке. Да им и не следовало это знать вовсе. Во избежание, так сказать. Потому размещение куцега отряда сильно в сторонке от сцены, на которой вскоре начнет разыгрываться трагедия, было для меня вдвойне выгодно.

— Значит так, бойцы, — мой взгляд прошелся по обтянутым кожей скелетам, что едва держались на ногах после перехода в два десятка километров. — Становитесь здесь на отдых и ждете меня минимум три дня. Могу появиться и раньше. Но никак не позже. Если по

истечении указанного срока я не вернусь, позволяю возвращаться обратно в замок и проситься на службу к местному лорду. При этом категорически запрещаю чем-либо выдавать свое присутствие, что означает — никакого разведения огня, никакой колки дров, никакой горячей пищи и никаких громких споров. Сидите тут тихо, как мыши под веником, и ни во что не лезете. А чтобы вас никто чужой не побеспокоил снаружи, я расставляю в ближайшей округе тех десятерых неприкаянных, что мы привели с собой. Уж эти ни одной живой души мимо себя не пропустят. — Подметив синхронное вытягивание лиц всех пятерых, включая вредную Рыську, не смог не ответить им доброй, располагающей и всепонимающей улыбкой бывалого командира, коему были заранее известны абсолютно все мысли его бойцов. Да-да-да, дорогие мои. Никто вас без пригляда оставлять уж точно не собирался. И платой за даруемый на несколько дней отдых являлся ваш страх перед очередным забвением, что особенно страшил тех, кому посчастливилось вернуться обратно в нормальную форму существования и ужаснуться переменам произошедшим с их телами. Конечно, себя прошлых никто из них не помнил. Но ведь слепыми они тоже не являлись и легко могли сравнить свои тщедушные тела и теми же охранниками в усадьбе Регина. — Сейчас же у вас имеется ровно один час на то, чтобы натаскать себе запас воды из ближайшего колодца, прокипятить ее и даже сварить себе что-нибудь питательное, дабы на протяжении всех последующих дней не давиться всухомятку сухарями и вяленным мясом. Поберегите свои зубы и желудки. Они вам еще пригодятся. И к ней не лезьте — напоследок ткнул я пальцем в на удивление молчаливую эльфийку. — Порубит ведь вас всех в капусту, а я и наказать ее должным образом не смогу, кроме как повесить на нее дополнительный долг за ваши жизни и души. С учетом же того в какую сумму ей уже встает собственный выкуп на свободу... В общем, она таких копеек и вовсе не заметит, а ваши жизни уже прервутся навсегда и бесповоротно, — вкинул я лопату-другую гуано в вентилятор их взаимоотношений, дабы никто не смел сговариваться за моей спиной. Пусть лучше развивают недоверие друг к другу, нежели объединяются одним фронтом против своего хозяина.

Озаботившись должным времяпрепровождением сего унылого воинства и расставив вокруг их временного места обитания неподкупную стражу в лице освобожденных от ошейников неприкаянных — вот уж где мне пришлось помучиться, высвобождаясь от их цепких объятий, я направил свои стопы в сторону городка. Естественно, предварительно не забыв забить свой собственный желудок солидной порцией каши с мясом. Ведь придумывать гадости другим разумным на полный желудок было куда легче и сподручней, нежели на пустой. В этом плане бытие бездушной тварью шло мне только на руку, ибо никаких моральных терзаний я не испытывал вовсе, словно эталонный эгоист высшей пробы. Очень интересное было ощущение, особенно с учетом памяти о себе былом, ни разу не замеченном в подобном поведении прежде.

К сожалению, Солнце уже клонилось к закату, и потому до наступления тьмы я только и успел, что обойти по кругу не сильно великий городок, площадью меньше квадратного километра, да наметить пару-тройку идеальных мест для организации засады силами местных неприкаянных. Очень уж удачно вся северо-западная, северная и северо-восточная часть города ограничивалась не сильно широкой и не сильно глубокой речкой, всего лишь с тремя небольшими мостами, к которым непосредственно из самого города вело только четыре улицы. В результате же перекрытия данных возможных путей спасения заранее выставленными там толпами неприкаянных, можно было разом положить весь отряд ловцов,

просто-напросто спустив на них «живую волну» с южной части. Беда же состояла в том, что именно с южной части они и должны были подойти к сему вымершему поселению и, соответственно, начать его зачистку, постепенно продвигаясь к северной оконечности. Так что тут предстояло хорошо так помозговать, каким именно способом возможно будет организовать «засадный полк», что ничем не выдаст себя при первоначальной проверке. Заодно, наблюдая за работой профессионалов своего дела, виделось возможным почерпнуть для себя что-то новое, необходимое для выживания в данном, слетевшем с катушек, мире, где сохранившие свое «Я» разумные в одночасье превратились в гораздо более бездушных тварей, нежели жертвы катастрофы.

— Мать моя женщина, — не сдержавшись, выругался я, стоило только открыть глаза и увидеть прямо перед собой лицо самой натуральной мумии, что пялилась на меня своими не живыми глазами, но с шевелящимися зрачками, которые, казалось, отслеживают любое мое микроскопическое движение.

Прекрасно зная, что ссeditь с меня душу неприкаянным никак не выйдет по причине отсутствия таковой в моем теле, я не стал чего-то придумывать и завалился на ночевку в ближайший из приглянувшихся жилых домов. Что было вполне ожидаемо, стоило мне только войти в его дверь, как мое тело тут же оказалось подвергнуто атаке трех обездушенных организмов, прежде находившихся в своем магическом анабиозе, отчего все старые неприкаянные до сих пор и не прогнили насквозь, не смотря на прошедшие годы. Вот эта самая мумия, ныне таращащая на меня свой пробирающий до печенок взгляд, как раз была одной из тех неприкаянных. От двух мне вышло избавиться, сорвав их захваты с себя, после того как управляющие ими инстинкты убедились в отсутствии у меня желаемого, а вот третий очень неудачно вцепился, словно клещ, отчего дальнейший путь к месту законного отдыха пришлось проделать в его компании. Да и впоследствии завалиться спать тоже с ним. С одной стороны это было жуть как страшно и откровенно неприятно — ложиться спать в пропахнувшую пылью кровать с практически покойником в обнимку. С другой же стороны, такой охранник был надежней сигнализации, сторожевого пса и схороненного под подушкой револьвера, тем более что ничего из перечисленного у меня с собой не наблюдалось. Тем времени, через затянутые многолетней грязью окна, уже начинали робко пробиваться первые лучи восходящего Солнца, что означало лишь одно — пришла пора мне приниматься за работу, пока сюда не нагрянули столь сильно ожидаемые гости.

Глава 15. Город-призрак

Сколько раз мне доводилось видеть в фильмах про Дикий Запад небольшие американские города-призраки. Да и за свою не самую спокойную прежнюю жизнь успел насмотреться на наскоро брошенные жителями поселения. Однако, окидывая взглядом Цинтер с высоты водонапорной башни, откуда открывался отличный вид на всю южную часть города, мне страстно хотелось пожить. Ведь смотрел я не столько на оставленный населением жилой массив, сколько на самый натуральный склеп, раскинувшийся под открытым небом. Должно быть многие, очень многие жители этого городка пытались покинуть его, спасаясь от внезапно обрушившейся на их голову беды. Тогда они еще не понимали, что весь мир попал в такую же передрагу, как и их родной городок. Вот только уйти садами и задворками догадались слишком немногие. Да и то не у всех это вышло, судя по белеющим в кустах и близ заборов костякам. Основная же часть населения кинулась вон из города по главным дорогам, где слишком многие нашли свой бесславный конец. Тут и там вдоль улиц тянулись целые вереницы скелетов в истлевшей одежде, наглядно демонстрируя мне картину творившегося здесь десять лет назад ужаса.

Судя по всему, несколько сот, если не тысяч, человек успели замуроваться в местной кирхе, когда все только началось. Однако вознесение молитв Всевышнему о спасении их грешных душ не привело к желаемому результату. Овладевшие их родственниками и друзьями «бесы» никуда не исчезли. Ангелы не спустились с небес на землю, дабы покарать исчадий Ада. В общем, те неприкаянные, что ломались в местную церковь со всех сторон, чуя внутри душевных людей, так и продолжали ломиться, не смотря на оказываемое изнутри сопротивление. И ведь люди отчаянно отбивались, пуская в ход все, что имелось под рукой. Об этом факте наглядно свидетельствовало немалое число останков с пробитыми черепами устлавших весь периметр культового сооружения. А потом, то ли у них закончилась вода, то ли терпение, но уцелевший народ пошел на прорыв. И началась бойня за души, поскольку со всех сторон на них тут же набросились сотни ничего не боящихся тел.

Где-то тем, кто оказался на внешней стороне толпы, везло, и они умудрялись отбиться от налетающих на них неприкаянных. Судя по дюжине примеченных мною скелетов, из грудных клеток которых до сих пор торчали то ли вилы с лопатами, то ли просто какие-то палки, скорее всего, выломанные из убранства кирхи, мужчины старались удерживать напирающих тварей подальше от сгруппированных по центру женщин и детей. И в самом начале всеобщего забега это явно помогало, поскольку первая огромная куча костей, перемешанных в какой-то натуральный курган, была обнаружена мною метрах в ста от здания местной церкви. Именно там в толпу живых сумели влететь не знающие страха и усталости организмы, ведомые вперед лишь желанием забрать себе чужую душу. И началось то, что я уже имел возможность лицезреть ранее на лесной дороге в первый же день осознания себя в этом мире. Правда та возня в дорожной пыли всего лишь тройки тел имела на порядки меньший масштаб, нежели творившееся здесь безумие. Я словно наяву видел, как души десятками принялись перетекать из одних тел в другие и ничего не понимающие вернувшиеся тут же становились жертвами, как мгновенно начавшейся давки, так и новорожденных неприкаянных, к которым присоединялись все новые жертвы и все новые неприкаянные, стекающиеся со всех окрестностей на голоса людей. Ведь не кричать от подобной, пробирающей до мозга костей, апокалиптической жути для верующих было

попросту невозможно. Да и для не верующих тоже.

Так и таял потихоньку ручеек спасающихся вплоть до самой границы городской застройки. Кому-то даже, вероятно, действительно повезло уйти. Но еще долго по всем улицам города шла драка между неприкаянными и вернувшимися за право обладать душой, пока их тела не утрачивали всякую возможность сопротивляться, а то и просто продолжать жизнедеятельность. Переломы рук, ног, челюстей, позвоночников — всего этого было в достатке у наблюдаемых мною человеческих останков. Да и значительная часть из уже виденных тут неприкаянных, имели хорошо заметные повреждения тел, вроде вывернутых под невообразимыми углами конечностей или раздробленных пальцев. Хотя, стоило признать, состояние тех, кто оказался надежно заперт в своих квартирах и оттого не растратил ресурс организма на забеги с драками, оказалось очень даже приличным. Обтянутые кожей скелеты, каковым еще совсем недавно выглядел я сам, они уж точно не напоминали. Отсюда выходило, что из-за слишком большой концентрации населения заруба в городах была куда страшнее, чем где бы то ни было. Их жители, влекомые желанием заполучить, либо же сохранить, душу, просто вынуждены были сходить друг с другом в не прекращающихся битвах, заканчивающихся лишь с окончательной смертью их физических оболочек. И даже победителю не факт что удавалось впоследствии уцелеть, ведь врачевать его было попросту некому. Но при этом именно в городах, где-нибудь в закрытых или изолированных помещениях, могли самым лучшим образом сохраниться те, старые, неприкаянные, появившиеся в первый миг катаклизма. Что наводило меня на мысль о бесперспективности откармливания таскаемых с собой доходяг, если вместо них возможно было поставить под ружье уже физически здоровых и крепких мужиков, которых, естественно, прежде предстояло поискать по темным уголкам таких вот городков, не говоря уже о более крупных поселениях вроде той же Варшавы, раз уж куда более близкий Кенигсберг смог уцелеть как местный центр разумной жизни, а потому не представлял собой особого интереса с точки зрения обзаведения трофеями.

Вот только, сколько бы местных жителей ни погибло в те далекие времена, сколько бы ни покинуло город, оставшихся примерно полутора тысяч неприкаянных мне должно было хватить с лихвой. Дабы самому не светиться вовсе, мне пришлось продумывать грамотное устройство управляемой сети ловушек, основными элементами которой являлись, как это можно было догадаться, сами неприкаянные и закрытые на щеколды или же на засовы двери, за которыми целые группы этих существ и начали сводиться мною в боевые, хоть и совершенно неуправляемые, группы.

Определив с полдюжины домов, в которых виделось возможным на время укрыть эти эрзац засадные полки, я принялся за тяжелую и нудную работу по отлову на свою тушку этих обездушенных оболочек. Тех из них, что выглядели наиболее потрепанными и обессиленными, расставлял на манер наживки, чтобы ловцы уж точно рассмотрели их и не смогли пройти мимо. Причем расставлял отнюдь не хаотично, а, словно хлебными крошками, прокладывая ими путь к центру формируемого мною капкана в районе городской площади, откуда уже виделось возможным выдавить всех уцелевших ловцов строго на север — то есть в самую глубину придуманной мною западни. Уж очень мне не хотелось упускать хоть кого-нибудь из них, дабы впоследствии не получить на свою голову всевозможных мстителей. И так проблем имелось выше крыши, чтобы еще начинать оглядываться по сторонам чаще положенного. Так и неврастеником недолго было сделаться. А без свидетелей. Без свидетелей я просто превращался в удачливого проходимца, которому

повезло нарваться на останки погибшего в результате какой-то допущенной ошибки отряда ловцов.

К моему неописуемому счастью диверсия у Феди, видать, получилась на славу, поскольку ожидаемые мною жертвы на сутки припозднились с прибытием. В результате у меня оказался в запасе целый день, который я провел в трудах и заботах. Прекрасно понимая, что находиться одновременно в разных местах у меня никак не выйдет, а перекрытие возможных путей отхода для каждой их отдельных групп ловцов должно происходить одновременно в четырех местах минимум, я принялся мастерить простенькие системы рычагов из веревок и палок.

По причине отсутствия возможности их как-либо механизировались и тем более автоматизировать, у всех у них имелся исключительно ручной привод. То бишь, кто-то должен был дернуть ручками за веревку, чтобы запоры дверей отошли в сторону и расслышавшие необычные звуки неприкаянные получили возможность всей толпой ломануться наружу из своих временных укрытий.

Ох, как же я намаялся устанавливать все эти простейшие блоки да сверлить все эти многочисленные отверстия обнаруженным на местной мельнице среди прочего инструмента ручным коловоротом. Может где-то здесь и проживал прежде плотник, что мог похвастать обладанием полноценной ручной дрели, но разыскивать его жилище или мастерскую мне было попросту некогда. И так каждую минуту ожидал появления гостей, отчего сильно нервничал. А тут еще под руку постоянно лезли все новые и новые неприкаянные приходившие ко мне на звуки тихой ругани и скрипа работающего инструмента. Меня, наверное, за всю прежнюю жизнь не касались столько людей, столько успели полапать за этот суетный день, который завершился моим возвращением в скромное временное обиталище отряда, где как раз имелись те самые руки, что могли дергать за те самые веревки.

— Ну как вы тут? Не успели заскучать без меня? — обезвредив ранее расставленных в округе неприкаянных, путем возвращения на их шеи артефактных ошейников, я ввалился в дом, обживаемый уже вторые сутки кряду моим не сильно грозным воинством. Оценив же затравленный и слегка помятый вид солдатушек и чересчур довольное выражение лица эльфийки, понял, что без откровенной дедовщины, а в данном конкретном случае — без бабовщины, здесь не обошлось. — Ого! — показательно медленно изучив взглядом каждого из «разукрашенных» бойцов, я лишь покачал головой, да задал им вопрос, от которого у Рыськи мгновенно сползла с моськи играющая все это время на ней улыбка. — А чего вы ее ночью-то не порешили за такое? — обвел я пальцем вокруг своего лица. — Винтовки у вас длинные, а с примкнутыми штыками вовсе выше вас выходят. Загнали бы ее в четыре штыка в угол, благо домик небольшой, да и закололи бы ко всем чертям.

— А так можно было? — с нескрываемым удивлением уставился на меня один их доходяг.

— А почему, собственно, нет? — пожал я плечами. — Мы же не в армии прежних времен, где за подобное вас непременно ждал бы суд и расстрел. Нынче реалии совсем другие. Что я дурак что ли, своими же руками уничтожать свою собственность в вашем лице? Убей вы ее, я бы просто повесил на вас четверых долг, равный ее рыночной стоимости, да и только. Она ведь еще большее мое имущество, нежели вы, люди, которым я обещал даровать свободу в обмен на достойную службу. И-МУ-ЩЕСТ-ВО, — для лучшего понимания по слогам проговорил я самое важное слово. — И не более того!

— Э-э-э! Э-э-э-э-э! — явно возмущенно протянула наглая Рыська, не зная, что ответить на подобное свинство. Ведь, судя по начавшим прожигать ее насквозь четырем хмурым взглядам, подставил я ее очень знатно. Но да сама виновата, кошка драная. Никто не смеет распоряжаться в моем отряде кроме меня самого.

— Вот вы все дурни, конечно, — тем временем продолжал я свою речь при этом удрученно покачивая головой. — Я же еще в первый день нашего появления в этом прекрасном жилище, объяснил всем на ее примере, — мой палец простерся в сторону напрягшейся эльфийки, — что произойдет с теми, кто уничтожит моё. Такого залетчика ждет денежный штраф, достаточный для компенсации мне всего утраченного, и ничего кроме штрафа! Вы уже столько дней ходите в вернувшихся, а мозги, судя по всему, до сих пор работать не начали. Грустно сие! Ну, а коли не можете работать своей головой, будете работать руками, — выдал своим бестолочам пришедшийся как раз к месту старый армейский принцип. А вообще очень уж удачно эти пятеро устроили тут какое-то выяснение отношений, отчего мне даже не пришлось выдумывать, за что я их собираюсь наказывать путем определения на дежурство в некоторые здания Цинтера до сих пор полнящегося неприкаянными.

Хорошо еще, что подготовленные мною в качестве мест размещения «засадных полков» дома стояли на самой границе в северной части городской застройки. Не пришлось волочь откровенно трусящих солдат через полнящиеся неприкаянными улочки и подворотни. От меня всего-то и требовалось, что проверить путь на отсутствие какого-нибудь тела, случайно забредшего к подготовленной мною позиции, а после притащить туда за шкуру обливающегося потом солдата, который, сидя на чердаке, только и должен был, что дернуть за веревочку, как только услышит три протяжных свистка.

Вообще, покинутый город оказался целым кладезем всевозможных полезных в жизни мелочей. Чего я только не прибрал себе в карман в местном аналоге промтоварного магазина, помимо свистка! Там даже нашлись карманные часы и бензиновые зажигалки, очень сильно похожие на изделия марки «Зиппо», а также с десятков пачек пистолетных и револьверных патронов под разные системы короткоствола. И это только то, что в открытую лежало на витрине! Так что впоследствии покопаться в местных подвалах и кладовках виделось отнюдь не лишним. Но первым делом, естественно, требовалось избавиться от конкурентов и солидно пополнить штат собственных вернувшихся.

— Ага. Вот значит как. Умно, умно. — Расположившись на колокольне кирхи, внутри которой был до поры до времени схоронен мой самый главный, загонный, отряд неприкаянных, я внимательно наблюдал за пришедшими таки к городу ловцами, подмечая на будущее все их действия. А начали они свою подготовку с постройки на удалении около полукилометра от города самого настоящего вагенбурга, внутри которого и собирались проживать, видимо, вообще не доверяя брошенным жилищам, как это сделали мы. Хотя, казалось бы, зачисти дом-другой в ближайшей округе и уже на его основе формируй свое временное укрепление. Однако же нет! Они пошли своим путем, явно имея какой-то неведомый мне опыт, о чем, непременно, стоило в дальнейшем выяснить побольше. Но даже так, помимо устройства этого гуляй-города, не менее половины их личного состава принялось за самый обычный солдатский труд — копай глубже, кидай дальше, пока летит, отдыхай. В общем, взялись за рытье волчьих ям. Из чего можно было сделать вывод, что сегодня в город они уж точно не сунутся даже на предварительную разведку. Так, обойдут его вокруг, посмотрят издали, прикинут, что к чему, да и только. Вот и оставалось мне, а

также моим не сильно верным миньонам тупо сидеть и ждать.

Аж три дня эти кроты врывались вглубь того поля, на котором они обосновались, отрыв не менее двух сотен ям, глубина которых явно превышала человеческий рост. И, судя по тому, что я увидел, то были не только элементы защитного сооружения против возможной волны неприкаянных, но также они выступали самыми банальными орудиями лова. Среди расположенных в шахматном порядке ям были специально проложены тропинки, по которым наиболее шустрые и ловкие ловцы совершили с десятков пробежек, дабы привыкнуть к новой для себя местности. А после они же, переодевшись во что-то вроде прикрывающих все тело комбинезонов свободного покроя, первыми направились в сторону города.

По сути, эти гаврики стали применять ту же самую тактику, которой пользовался я сам, начав выступать в роли живой приманки. Разница между нашими подходами заключалась лишь в моей особенности, из-за которой я дожидался, пока меня схватят, чтобы после привести «улов» куда мне требовалось, а эти товарищи начинали тут же улепетывать в направлении прикрывающих их сослуживцев, заодно выводя напористых, но совершенно безмозглых, неприкаянных на заранее подготовленные волчьи ямы. И уже оттуда окончательно выуживали добычу с помощью аналога сачка для отлова бродячих собак, только не простого, а явно обладающего теми же свойствами, что и магические ошейники. Так и тягали они на протяжении всего светового дня одно обездушенное тело за другим, расчищая внешние границы города от одиночных тел, либо совсем небольших групп. Но именно это мне очень не нравилось, поскольку тем самым они начали уничтожать выстроенную мною специально для них «дорожку из хлебных крошек». Именно по этой причине уже на следующее утро с одним из ловцов приключился неприятный казус в моем лице.

Отметив, что одна из намеченных мною жертв трижды заходила в город по одному и тому же маршруту, я при свете Луны организовал на том месте простейшую ловушку. Проложив поперек дороги толстую веревку и замаскировав ее сверху всевозможным мусором, включая костяки, я провел в уже проверенный им дом пару обезвреженных ошейниками местных неприкаянных и сам засел в засаду. Ведь кто-то же должен был натягивать эту самую веревку на пути бегуна, когда он начнет героически отступать от очередного «клиента». А кто это мог сделать, если не я? Да никто! Вот и приходилось трудиться исключительно самому.

В принципе, на следующее утро все произошло ровным счетом так, как и было запланировано. Стоило тому же самому ловцу пройти мимо организованной мною засады, как я вывел из дома наружу одного из подконтрольных мне неприкаянных, завел его за угол, чтобы будущая жертва никак не могла заметить того на обратном пути, после чего сорвал с него ошейник и очень тихонько вернулся на собственную позицию.

Ну что я мог сказать, ждать мне пришлось не так уж и долго. Бегун показался в поле моего зрения уже минуты через две, ведя за собой очередной трофей, однако на сей раз его забег не удался от слова совсем. Чему, естественно, немало поспособствовал я сам. Дождавшись приближения молодого паренька к замаскированной веревке, мне только и осталось, что натянуть ту изо всех сил и после слушать, как снаружи полный отчаяния вопль сменяется звуками борьбы — это уже три тела принялись делить меж собой всего одну душу.

Чем было хорошо именно это место для организации подобной бяки, так это наличием мертвой зоны со стороны сторонних наблюдателей, что выступали также силовым

прикрытием бегунов. Винтовки в их руках как бы намекали на очень большую вероятность уничтожения неприкаянного, коли у «живой наживки» случались при забеге какие-то форс-мажорные обстоятельства, вроде развязавшегося шнурка или подвернутой ноги. Вот приятно, приятно было наблюдать за работой профессионалов своего дела. Что есть, то есть! Однако, если последний крик своего товарища они еще могли как-то расслышать с расстояния в три сотни метров, то увидеть произошедшее у них уже никак не выходило. Я же, быстренько подскочив к образовавшейся куче мала, накинул на всех троих ошейники, не разбирая, кто их них вернувшийся, после чего увел все три тела обратно в дом. А то мало ли кто еще мог прибежать или же приковылять на разносившиеся по тихим улочкам города-призрака звуки борьбы.

Судя по тому, что было начавшееся в рядах моих назначенных жертв волнение, прекратилось очень быстро, подобный исход не являлся для них чем-то из ряда вон выходящим. Более того, скорее всего, выполнявшие роль наживки молодые парни находились на нижней ступени в иерархии этого отряда, отчего их временная потеря не считалась большой бедой. А то, что потерю они полагали временной, было очевидно по той простой причине, что получившему душу телу было попросту некуда деваться, кроме как выходить к ним. Вот только вряд ли этому самому телу в дальнейшем могло повезти сохранить отвоеванную душу. Ее, несомненно, впоследствии вернули бы прежнему хозяину, единственной утратой которого стала бы память. Хотя и от получения некоторых телесных повреждений ни у кого страховки не имелось. Но, судя по тому, что я уже успел узнать, в новоявленном мире вовсе успели позабыть такое понятие, как сострадание к ближнему своему. Все паразитировали на всех, как только могли. Потому даже самый печальный исход был здесь в порядке вещей и считался нормой, с учетом цены тела свеженького неприкаянного в какие-то пять рублей золотом. Тоже, конечно, финансовые потери, но не сказать, что сильно великие. Таким вот образом мне и пришлось трудиться до конца дня, что подарил мне улов аж в семь вернувшихся, которых приходилось временно распихивать по темным подвалам, выдавая им на первое время чуть-чуть сухарей. Все они, конечно, были полностью растеряны, но вид заваленных человеческими останками улиц заставлял их замолкать и начинать слушать меня очень внимательно.

На штурм же зданий города ловчие пошли, когда от первоначального десятка бегунов остался лишь последний представитель этого, практически исчезнувшего с моей помощью, вида. Выряженные в полноценные закрытые доспехи, разве что выполненные не из стали, а из толстой кожи, три группы по десять человек направили свои стопы к крайним домам южной части города, с хорошо читаемым намерением начать их полную зачистку одного за другим. Видать верили, что бегуны уже привлекли бы к себе внимание больших толп неприкаянных, коли те имелись бы на границах города. Отчего и делали ныне ставку не на скорость отступления, а на неприкосновенность оголенных участков своих тел по причине неимения оных. И это было для меня проблемой! Ведь прежде я планировал вносить в их ряды смуту, подкарауливая кого-нибудь одного с целью сцеживания в себя его души и с последующим выкидыванием опустевшей живой оболочки в объятия его бывших товарищей по ремеслу. Что выглядело в моих мыслях особенно красиво, учитывая специфику сражений внутри зданий. В общем, как это часто случалось, пришлось импровизировать на ходу.

Собрав в одной из комнат дома, по направлению к которому постепенно продвигался подобный отряд кожаных латников, десятков обезвреженных ошейниками неприкаянных, я

дождался, когда специально пошумевшие внизу ловцы слегка успокоятся из-за отсутствия привычной реакции их «добычи» и разобьются на пары ради ускорения проверки помещений. И только после этого начал действовать. Снимая со своих «торпед» артефактные нейтрализаторы, я принялся выпихивать их за дверь комнаты одного за другим, пока не закончился весь десяток. К этому времени по всему дому уже слышались звуки борьбы и ругань, что даже привлекли троицу дополнительных бездушных организмов из соседнего строения. Что же касалось моих действий в данной ситуации, то они, естественно, были направлены исключительно на улучшение собственного состояния. Благо доспехи ловцов оказались пошиты не из вареной кожи, а потому довольно легко вскрывались остро заточенным ножом, после чего под вскрытую защиту устремлялась моя рука.

Ну что я мог сказать по итогам уничтожения первой подобной группы? Не следовало им разделяться. Видать, слишком сильно уверовали в себя и расслабились. За что и поплатились, лишившись своих душ, которые я тут же и переливал в имеющиеся под рукой тела местных неприкаянных. Всех прочих же пришлось обезвреживать теми ошейниками, что изначально наличествовали у меня, а также кои обнаружили на поясах незадачливых ловцов, каждый из которых таскал с собой по полдесятка подобных потребных в их промысле артефактов.

На удивление мне даже не пришлось «спускать пружину» основного капкана. Менее чем за три часа, действуя подобным образом, я смог полностью уничтожить все три зашедшие в город группы зачистки, после чего только и оставалось, что натравить на оставшихся внутри вагенбурга людей волну неприкаянных. Но прежде я навестил всех четырех рассаженных в засадах солдат и выщедил из них души, которые тут же, не отходя от кассы, и возвращал обратно в их тела. Уж очень не пришлась мне по душе та идея с их личным освобождением, кою меня вынудила озвучить одна ушастая провокаторша. А так, вновь очнувшись с совершенно девственной памятью, они уже не представляли былой угрозы моему благополучию. Хотя, прежде чем вновь собирать их всех вместе, требовалось провести профилактическую беседу с Рыской, да попенять ей за вынужденное уничтожение мною воспоминаний и кое-как вновь наработанных навыков моих же будущих гвардейцев. И все это ради сохранения ее прекрасного тела от получения не предусмотренных природой дополнительных отверстий. Во всяком случае, для ее ушей предназначалась именно такая версия моих вынужденных действий. Чтобы она четко понимала, кому именно обязана своим дальнейшим спокойным существованием в отряде. А также чтобы понимала наперед, о чем можно рассуждать вслух, а о чем вовсе не следовало распускать свой язык, дабы не подрывать статус командира, то есть меня.

Глава 16. Человек-армия

Человеческая лень не знает границ. Это всегда было, это имеет место сейчас и это всегда будет. Ибо лень является двигателем прогресса, без которого человечество попросту застряло бы в махровом средневековье. И то в лучшем случае! Заодно чрезмерная лень отдельных индивидуумов или же групп людей позволяет миру избавляться от них, чтобы потомство оставило, пусть тоже ленивые представители человечества, но не настолько пропавшие, как например разбившие свой лагерь близ Цинтена ловчие. Ведь, если бы они не были патологическими лентяями, то обнесли бы выстроенный вагенбург сотнями волчьих ям со всех сторон, а не только с той, откуда ожидалась явная угроза. Те же римские легионеры, к примеру, воздвигая свои лагеря, не строили лишь одну стену из четырех. Нет! Они выстраивали полноценное укрепление, способное выдержать штурм с любого направления. Потому мне не зазорно было полагать, что это сам мир послал меня на их головы, дабы покарать тех за чрезмерную лень. Правда, чтобы максимально использовать все недостатки укреплений ловцов, мне самому пришлось изрядно потрудиться.

Получив на руки полторы сотни дополнительных артефактных ошейников, я за три ходки, делая изрядный крюк, вывел за пределы города и разместил примерно в полукилометре южнее вагенбурга, в ближайшем к нему лесу, чуть менее полутысячи неприкаянных. Именно им предстояло сыграть роль основной ударной силы, тогда как отвлекающий отряд из примерно еще трех сотен бездушных организмов мною планировалось вывести в качестве малой волны прямо на волчьи ямы. То бишь провести любовую атаку. А чтобы не быть узнанным и, естественно, не быть подстреленным изрядно разволновавшимися к этому моменту стрелками, которые только и остались от всего уничтожаемого мною постепенно отряда, пришлось мне облачаться в кожаные доспехи одного из тех, кому не посчастливилось уже стать жертвой моего коварства. Благо хоть пара из них раньше явно служили в гвардейских частях и потому могли похвастать схожими со мной габаритными размерами, тогда как все прочие заметно уступали, что в росте, что в объёме грудной клетки и ширине плеч. Но даже так пришлось выдохнуть, дабы влезть в эти эрзац латы, что принялись трещать на мне по швам.

Увы и ах, но действовать, как диверсант, сейчас не представлялось возможным. В противном случае моей скромной персоне только и оставалось бы что, так же маскируясь под одного из ловцов, привести внутрь вагенбурга с полсотни неприкаянных, после чего начать сдирать с тех ошейники с одного за другим. Тут же требовалось оставить на местности убедительные следы постигшей отряд беды, что была весьма знакома любому жителю этого мира, дабы отвести от себя любимого любые подозрения. Мало ли кто и какие следственные действия впоследствии мог провести по факту гибели немалого отряда профессионалов? Мир, конечно, скатился, не пойми во что. Но, как я успел уяснить, бесхозные, навроде меня, разумные тут были редкостью. Каждый находился под кем-то или входил в какое-то достаточно сильное объединение, что сохраняло жизнеспособность общества даже в условиях подобной окружающей действительности.

Пусть Регин утверждал, что конкретно эти ловчие являлись пришлыми, это вовсе не отменяло возможности появления со временем тех, кому они были совсем не безразличны. А мне, хотел я того или нет, пришлось бы в любом случае изрядно засветиться в том же Кенигсберге, куда только и представлялось возможным уйти с таким уловом и трофеями,

что нынче приходилось добывать. Ведь просто взять и перелить душу в одного из моих старых неприкаянных, виделось невозможным в силу имеющихся на руках бумаг и специфики магических меток, полученных еще у гномов. Физически-то это было выполнимо. Раз-два и готово. Однако легализовать впоследствии такое чудо, виделось практически невозможным предприятием. Скорее тут меня поставили бы на карандаш и принялись с пристрастием спрашивать, где, как и что я натворил ради получения чьих-то душ. Потому сперва требовалось привести на торг отловленных вернувшихся и только после их продажи можно было потратить вырученные средства на аукционе смертников, где только и виделось возможным прикупить души для моих уже заклеянных неприкаянных.

— Волна! — истошно вереща, я на всей возможной скорости выскочил из-за домов и помчался по направлению к вагенбургу, но с таким прицелом, чтобы ринувшаяся вслед за мной волна неприкаянных лишь самым краем толпы могла задеть подготовленные для них земляные ловушки. Ради такого мне даже пришлось выпить душу одного из вернувшихся, дабы выглядеть в глазах местного аналога зомби более чем притягательным объектом преследования. — Все в укрытие! Волна!

— Уводи! Уводи их от нас! — очень хорошо расслышал я донесшийся до меня от сцепленных друг с другом повозок чей-то истеричный вопль, вслед за которым прозвучал хлесткий винтовочный выстрел. Причем выстрел, судя по взметнувшемуся метрах в двух по ходу моего движения фонтанчику земли, был произведен именно по мне. Вот так вот местные ценили дружбу и протягивали своим руку помощи при наступлении беды. Хотя, окажись я на их месте, тоже предпочел бы подстрелить идиота, что навел саму смерть на остальной отряд, вместо того, чтобы просто сдохнуть в одиночестве самому где-нибудь подальше в сторонке. Благо на мне сейчас находился полностью заряженный защитный амулет, отчего одно поражение винтовочной пулей я точно мог бы пережить. Но вот столь скоро расходовать редкий и тяжело восполняемый ресурс было пока еще слишком рано. Сперва мне требовалось увести неприкаянных подальше от большей части ям и лишь потом предпринимать попытку флангового прорыва к полевому укреплению. Потому я поспешил воспользоваться прозвучавшим предложением и принял сильно вправо.

К моему немалому удивлению, фланговый удар, на который я вывел не менее четверти тысячи бездушных тел, оказался под угрозой срыва по причине обнаружения у обороняющихся в вагенбурге людей самого настоящего станкового пулемета. Что-то я как-то позабыл о ранее выясненном всеобщем законе, допускающим владение частным лицом любого вооружения, вплоть до линкора. И это была гигантская ошибка с моей стороны, что едва не привела к преждевременной кончине. Хлестнувшая с дистанции в сотню метров пулеметная очередь патронов на тридцать, как косою, прошла по ближайшей ко мне группе неприкаянных, собирая урожай окончательной смерти среди бездушных организмов. Пусть те даже не чувствовали страха и не обращали внимания на увечья, с пробитым сердцем или головой продолжить свое существование не могли даже они. Да и те, что получали менее критические повреждения, прекращали свое функционирование уже спустя минуту или две в силу потери крови, либо же из-за отказа тех же легких. В общем, непосредственно до стен самого вагенбурга сумели добежать не больше сотни, многие из которых вскоре начали оседать, как от ранее полученных ран, так и в силу продолжавшегося огня со стороны обороняющихся, ведшегося теперь чуть ли не в упор. Лишь подход на звуки выстрелов того отряда «зомби», что я собрал в тылу, смог, наконец, поставить крест на судьбе оставшихся ловцов.

Какими бы тупыми неприкаянные ни были, напора и силы им было не занимать. Ведь их мозг попросту не подавал сигналы телу о невозможности того или иного действия в целях сохранения целостности организма. Вот точно так же как находящийся в какой-то невероятно стрессовой ситуации человек оказывался способен, к примеру, перевернуть машину, заплатив за это порванными связками и мышцами, да треснувшими костями, неприкаянные, не жалея собственных тел, пытались прорваться внутрь укрепления. Да и я подлил бензинчика в огонь общего безумия.

Стоило мне только добраться до вагенбурга и кое-как вскарабкаться по его внешним дощатым стенам, как судьба всего тринадцати остававшихся внутри него разумных была предрешена. Для вида мне, конечно, тоже пришлось пострелять по штурмующим бездушным организмам. Но после, позволив одному из них ухватить себя и вобрать имеющуюся во мне душу, принялся работать по основному профилю — как диверсант. Учитывая то, какой бедлам вокруг стоял, никто не обратил внимания на то, что располагавшийся ближе всего ко мне стрелок, взгромоздившийся внутрь одного из фургонов, неожиданно для самого себя вылетел за пределы дающих хоть какую-то защиту стен. А мне и надо только было сделать, что прихватить того за ноги, да швырнуть бедолагу чуть вперед и вверх, пока все остальные были увлечены исключительно отстрелом напирających существ. Благо моей нынешней силы оказалось более чем достаточно, чтобы справиться с его не самым великим весом. Причем, на удивление, отчаянного крика этой моей жертвы никто даже не расслышал за непрерывными хлопками винтовочных и револьверных выстрелов. Да и непрерывное ржание перепуганных лошадок создавало неплохую звуковую завесу моим действиям.

В общей сложности мне удалось подобным образом избавиться от трех ловцов, что находились слишком далеко от основной группы. Ну а потом в дело был пущен тот самый план, которым я первоначально предполагал справляться с отрядами противника непосредственно в городе. Потому, просто подошел к одному из мужчин и выпил из него душу.

— Неприкаянный внутри! — именно под такой вопль, у меня получилось очень прицельно запустить бездушное тело прямо в самый центр образовавшегося у южной стороны вагенбурга куцега строя. Находиться же непосредственно в фургонах к этому времени было уже невозможно, так как внешние стены во многих местах были пробиты насквозь десятками обтесанных едва ли не до костей рук.

После же мне только и оставалось, что наблюдать за ходом инициированной мною же драки, в которой сошлись полдесятка людей. А пока кто-то пытался что-то сделать, не потеряв при этом собственного «Я», моя скромная персона, опять же предварительно слив на сторону полученную душу, выступила зачинщиком еще одной такой же свары. Таким вот нехитрым образом по истечении пяти минут внутри остались только пара трупов и восемь ничего не понимающих вернувшихся. Одни лишь лошадки все так же продолжали истерично ржать, чувствуя, как к ним продолжают рваться сотни жутких тварей.

Как же я потом замучился бегать по периметру вагенбурга, приманивая на себя, то одну, то другую, группу неприкаянных. Кто бы знал! Но только лишь подобным образом мне виделось возможным зачистить его окрестности от все еще функционирующих организмов, на долю которых не досталось, ни души, ни пули. Так, улепетывая с максимальной скоростью, я каждый раз устремлялся к волчьим ямам, что потихоньку забивались новыми «жильцами». Хорошо еще, что выкопавшие их ловцы не поленились хотя бы сделать их достаточно глубокими — уж точно более трех с половиной метров вглубь, так что

самостоятельно вылезти оттуда не шибко умным тварям уже не представлялось возможным. Да и осталось их после всей отгремевшей здесь стрельбы не более двух сотен. Все же огонь станкового пулемета практически в упор — это была страшная сила. Трехлинейные винтовочные пули на такой сверхмалой дистанции пробивали насквозь по два, а то и по три тела, прежде чем застрять в последующем. Так, прежде чем у расчета станкача вышли все патроны, они сумели упокоить весь пришедший за мной от города отвлекающий отряд и даже немного пострелять по собранным мною главным силам. Тысячи на три золотом патронах точно настреляли, сволочи. Нет бы сохранить столь ценные боеприпасы для меня!

Что же касалось получившихся из ловчих вернувшихся, пришлось от них избавиться, как и от обнаруженного соглядатого гномов. Все же, даже потеряв прежнюю память, впоследствии они могли поведать кому-нибудь, что видели меня выряженным в уникальные кожаные доспехи, быть которых у меня никак не могло. Потому все они в течение суток перешли в разряд неприкаянных, а их души уместились в новых оболочках из числа наилучшим образом сохранившихся местных. Последних я заранее запер по домам, чтобы они не попортились при штурме и могли бы впоследствии принести мне куда больше денег, нежели «ожившие мумии», вроде того, каким не повезло очнуться в этом мире мне самому.

— Ты страшный, — именно такими словами и несколько затравленным взглядом встретила меня Рыська, что все это время была вынуждена просидеть на верхнем этаже водонапорной башни под охраной бродящих внизу неприкаянных. Оттуда как раз открывался прекрасный вид на южную часть города и вагенбург, так что она имела возможность наблюдать за всем «представлением», так сказать, с первого ряда.

— Не для своих, — пройдясь по ней совершенно равнодушным взглядом, пожал я плечами. — Поэтому советую тебе впредь следить за языком и больше не подставлять меня перед моими людьми, если желаешь находиться в списке «своих». Ведь именно из-за тебя мне пришлось обойтись не лучшим образом со всеми четырьмя своими солдатами.

— Ты... сделал их неприкаянными? — что-что, а соображать ушастая умела быстро. Чего не отнять, того не отнять.

— Да. На краткий срок. Теперь у них вновь совершенно пусто в голове и мне вновь придется делиться с ними своими знаниями. А это очередная потеря времени и ресурсов. Потому, если желаешь избежать такой же участи, если желаешь сохранить свое «Я», всегда помни о том, что мне достаточно просто прикоснуться к тебе и захотеть испить твою душу. Какие-то считанные секунды и ты вновь превратишься в пустоголового болванчика, либо же в дикого зверя, на которого все остальные предпочтут устроить загонную охоту. Ведь кроме меня, ты в этом мире не нужна никому, даже своим соотечественникам, — принялся я за очередной сеанс психологической обработки своего будущего соратника. У каждого из нас имелся глубоко внутри какой-то свой особенный триггер, грамотное воздействие на который способствовало появлению лучшего взаимопонимания. Кого-то следовало хвалить. Кого-то, наоборот, ругать. Этой же преданной всеми машине для убийств в «красивой обертке» явно требовалось знать, что ее не бросят. Во всяком случае, пока она жива. Вот мне и приходилось шаг за шагом пробуждать в ней мысли, что только я и не оставлю ее на произвол судьбы, случись нам стать соратниками. Настоящими соратниками, а не тем неравноправным союзом недолюбливающих друг друга разумных, каковыми мы являлись на сей день. Но и вываливать все разом не следовало совершенно, дабы вовсе не остаться с носом.

— И какие у нас теперь планы? — посверлив меня в ответ задумчивым взглядом, слегка

кивнула та, давая мне понять, что моя вводная принята, как минимум, к размышлению.

— До наступления тьмы я постараюсь зачистить город от оставшихся в нем неприкаянных, и с завтрашнего дня мы примемся обирать его. Монеты, столовое серебро, полезные в жизни мелочи, соль, сахар, специи, крепкая одежда и обувь, естественно оружие с боеприпасами — будем брать всю ценную мелочь, благо теперь имеется, куда складывать груз, — махнул я рукой в сторону вагенбурга, откуда все еще доносилось нервное ржание лошадей. — Хотим мы того или нет, но без захода в Кенигсберг нам все равно никак не обойтись, ведь я уж точно не собираюсь разбрасываться столь огромными деньгами, что могут принести нам, как вернувшиеся, так и отловленные неприкаянные. Не говоря уже о прочем имуществе. Потому, все что не пригодится нам, сможем сбыть там. Да и тебе, как обзаведшейся душой полноценного мага, должно быть интересно разузнать о возможности твоей инициации в качестве волшебницы. Или что там для этого должно быть сделано. Я ведь в делах волшбы вообще ничего не понимаю. Это все ваши, эльфийские, штучки. Напрямую нам, конечно, светиться перед лицом твоих соотечественников не следует. Однако в любом крупном городе за деньги всегда можно подыскать подходящего посредника, что все потребное выполнит за нас, знай только плати.

— А я об этом даже и не думала, — явно имея в виду возможность овладеть магией, слегка заторможенно протянула Рыська, тем самым вызвав у меня фэйспалм. Вот вроде умная она баба, а порой дитя дитем. Что-что, а это ведь лежало на поверхности!

Вот так и началось растянувшееся на добрых три дня разграбление Цинтена, благо никто нам в этом деле не мешал, а обнаруженных в закромах ловчих съестных припасов с лихвой хватало на прокорм покамест помещенной внутрь вагенбурга толпы вернувшихся. Регин, конечно, впоследствии мог сильно осерчать за умыкание из-под его носа того имущества, что он уже считал своим. Но прежде ему следовало найти виновных. А к тому моменту меня уже и след должен был простыть в этих краях. Во всяком случае, я на это очень сильно надеялся, ведь мой путь вел на восток.

Глава 17. Город грехов. Часть 1

Трое суток наш изрядно разросшийся и растянувшийся метров на триста караван тащился с черепашей скоростью по все еще существующим дорогам в северном направлении. Мало того, что в него вошли дюжина повозок, так еще в самом центре, пугая всех и каждого, плелись двести тридцать семь неприкаянных — именно столько артефактных ошейников набралось в моем активе по итогам вдумчивого изучения припасов ловчих. Уж не знаю, как смотрелась армия Наполеона зимой 1812 года при отступлении из Москвы, но наш конвой выглядел далеко не лучшим образом. Еще хоть как-то прилично смотрелись те вернувшиеся, что получились из оборонявшихся в вагенбурге, да мы с эльфийкой и четверкой моих бойцов. Прочих же ловчих мне пришлось изрядно подрать в плане внешнего вида, дабы их одежда и доспехи носили видимые следы борьбы и разрывания голыми руками. Ну а поскольку все они могли быть, либо выкуплены своими, либо уйти с молотка на сторону, тратить на них обнаруженную по домам достойную одежду, мы с Рысью посчитали излишним. Чай на дворе стояло лето.

Да-да-да, я стал советоваться с этой остроухой по всяким мелочам. Мне же все-таки требовалось поддерживать с ней видимость постепенного прихода к партнерским отношениям, дабы куда спокойнее спать по ночам. Пришлось даже выдать ей авансом обещание, что с оплаты за тех, кто придет именно по ее голову, она сможет получать аж 20 процентов. Но сделал я это не просто так, по доброте душевной. Просто ей, наконец, попала в руки отличная пехотная винтовка Мосина, явно пристрелянная уже без штыка, и мне было наглядно продемонстрировано, что такое подавляющее превосходство во всем его проявлении.

Видать, лучшие стрелки ловцов имели возможность отобрать себе наилучшие экземпляры винтовок из многих тысяч, если не десятков тысяч стволов, поскольку со своей «обновой» эта дикая кошка творила истинные чудеса. Не знаю ничего про устройство эльфийского зрения с глазомером, но в импровизированную ростовую мишень она умудрялась раз за разом попадать с дистанции в 1200 шагов, что составляло примерно 600 метров и являлось максимумом ступенчатого прицела самой винтовки. Приподняв же прицельную планку, она раз за разом демонстрировала тот же результат, уже находясь на удалении от мишени в 1600 шагов! С незнакомого ей оружия! С открытого прицела! Патронами, набранными из общей кучи, а не с какой-либо одной партии! Из положения — стоя! В общем, лично я донельзя впечатлился и совсем не малость струхнул. Ведь, чуть привыкнув к бою «плетки», да получив к ней оптический прицел с сошками, она вполне могла снимать кого угодно на удалении в километр, если не больше. И мне ну очень не хотелось становиться этим кем-то. Тут уже никакой защитный медальон не мог бы мне помочь, попросту разрядившись задолго до того, как я имел возможность выйти на расстояние своего прицельного выстрела. Так под тяжестью обстоятельств мне приходилось становиться человечнее хотя бы в отношении тех, кто эти самые обстоятельства держал в своих руках. Потому путь до города прошел в какой-то даже теплой и дружественной обстановке воцарившейся в моем куце отряде. Рыська, глядя на меня, непрестанно улыбалась, небось, представляя себе, как гоняет меня, словно обреченного зайца, раз за разом отсекая пути спасения очередным метким выстрелом. Я же дарил ей улыбку в ответ просто для того, чтобы она тоже внутренне напрягалась и нервничала, поскольку в мою

голову, на удивление, ничего достойного не приходило. Как с ней впоследствии справиться и, при необходимости, расправиться, я пока не понимал. Вот и следовал заветам умного пингвина — махал и улыбался, улыбался и махал.

Ну что можно было сказать про нынешний Кенигсберг. Это была какая-то чистой воды фантазмагория! Смесь технологий XIX века, темного средневековья и постапокалипсиса, как он был показан в том же Fallout. Давно прошли те времена, когда каменные крепостные стены очерчивали границы поселения. Потому, если те старые укрепления и сохранились до нынешних времен, найти их можно было где-то в глубине урбанистической застройки города. Имевшиеся же прежде по его периметру оборонительные валы и рavelины, тянувшиеся от одного форта до другого на протяжении свыше полусотни километров, никак не помогали против навала многотысячной волны тех существ, коим не был знаком, ни страх, ни усталость. Именно по этой причине над старыми валами начали воздвигать новые стены. Но что то были за стены! Не камень, не кирпич и не бетон. Ни один из этих материалов не был использован в строительстве новых фортификационных сооружений. Зато древесина и сталь, судя по тому, что я наблюдал перед собой, стали весьма востребованными ресурсами в этом городе. Где-то выросли набитые уграмбованной землей самые натуральные бревенчатые клетки, прямо как во времена древней Руси с ее деревянными городами-крепостями. В других местах выстраивались многометровые преграды из склепанных вместе стальных балок и стальных же листов, судя по их внешнему виду, некогда служивших обшивкой и стрингерами пароходов. Видать, конкретно в этом городе на смену судостроению пришла эра судоразборки. Во всяком случае, исходя из размеров наблюдаемого мною издали южного участка городской стены, только на его сооружение ушло не менее пары десятков крупных судов.

Вполне естественно, ни в грош не ставя добропорядочность местного общества, я, прежде всего, озаботился проведением разведки, до того как тащить в Кенигсберг все обретенное богатство. И то, скорее всего, последнее следовало делать по частям, дабы не привлекать к своей персоне излишнее внимание. Регин, конечно, как всякий нормальный капиталист, обязан был всячески хаять своих прямых конкурентов, характеризуя их законченными жуликами. Однако я прекрасно понимал, что это был элемент обычной борьбы за место под солнцем. Но точно так же я прекрасно понимал, что хоть какая-то доля правды в его словах, несомненно, присутствовала, судя по тому, что мне удалось почерпнуть из общения, как с эльфами, так и с орками. А этого уже было достаточно, чтобы максимально возможно озаботиться собственной безопасностью внутри городских стен, где властвовал закон местных лордов или кем они там себя считали.

— Новенький? Покупать или продавать? — именно таким, явно привычным, вопросом меня встретили на воротах, предварительно просканировав каким-то очередным непонятным артефактом. Из того, что мне уже было известно, город явно насчитывал не менее пары сотен тысяч жителей, которым ежедневно требовалось что-то кушать. Потому сельская жизнь в его окрестностях самым натуральным образом кипела. Мы, например, на своем пути не единожды проходили мимо обнесенных частоколом хуторов или крохотных деревенок, вокруг которых все поля полнились зреющим урожаем, по большей части пшеницей и картофелем. Отсюда и наличие открытых врат, причем далеко не одних, через которые туда-сюда сновали сотни человек и представителей прочих рас. Пастораль, мать ее растак! И лишь нависающие над головой заметно тронутые ржавчиной клепанные стальные стены откровенно стимпанковского вида, да вооруженные до зубов многочисленные

привратники, давали гостю города понять, что даже здесь существует немалая внешняя угроза.

— Новенький. И то и другое, — пожав плечами и окинув взглядом десяток приведенных с собой «обезвреженных» неприкаянных, еще из числа тех, старых, солдат, не стал скрывать я собственных мирных намерений. Собственно, ради чего еще, кроме разве что получения тут вида на ПМЖ, можно было наведаться в крупнейший центр цивилизации окрестных земель?

— Тогда сейчас оставляете товар в той клетке и после проходите вон в то здание. Кабинет номер три. Там все дальше объяснят. Следующий! — раздав ЦУ[1] для новичков и потеряв ко мне всякий интерес, махнул стражник рукой стоявшему за мной мужику.

На удивление, местная таможня функционировала вполне себе достойно с точки зрения творимой бюрократии. Поскольку я не принадлежал к числу подданных Кенигсберга, с меня тут же, не сходя с места, содрали целых двадцать марок серебром за вход в город, выдав взамен действительный в течение аж целого месяца медальон гостя города. Причем, даже не какой-нибудь магический, а простой пронумерованный стальной кружок, на котором прямо при мне выбили выколотками дату его выдачи. Заодно тут же посоветовали купить за не сильно великие деньги две тоненькие книжицы — свод правил поведения внутри города и перечень таможенных тарифов. Это в замок гномов я мог спокойно проводить и проносить всех и всё что угодно, по причине его скромных размеров и невозможности чего-либо сокрыть. Здесь же главы города заботились, как о сохранении внутри его стен относительного порядка, так и о пополнении городской казны. Потому при «импорте» неприкаянных с меня потребовали уплатить 50 пфенингов за голову, тогда как каждый вернувшийся обошелся бы мне уже в 10 марок, то есть в двадцать раз дороже. Именно во столько была оценена местными бюрократами бессмертная человеческая, и не только человеческая, душа. Причем за «экспорт» этих же товаров ценник таможенных пошлин возрастал вдвое! То есть отток новых кадров не сильно приветствовался городскими властями, хоть и не запрещался.

Тем временем, закончив с личным оформлением и растаможкой первой партии почти живого товара, я направил свои стопы в указанном мне направлении. Ошейники ошейниками, но вот разгуливать с потенциально опасными тварями на поводке, в пределах города было категорически запрещено. Потому дальнейший путь мне пришлось проделать в компании неразговорчивого «водителя кобылы», который занимался перевозкой только и исключительно неприкаянных, о чем можно было судить по конструкции его телеги, как две капли воды, похожей на таковые же клетки с колесами, что имелись у ловчих. Заставив меня перегнать мое же имущество из привратной стационарной клетки в свою передвижную тюрьму и, содрав за транспортные услуги аж 10 марок, он уже спустя полчаса неспешного передвижения остановился перед натуральным замком.

Как выяснилось, именно на территории бывшей крепости Фридрихсбург, окруженной со всех сторон водой, располагался местный аукционный дом по торговле живым товаром. И только на его территории дозволялось хранить неприкаянных, приведенных, как для реализации, так и для вселения душ. Что было очень даже разумным шагом, учитывая, сколь сильную угрозу городу несли бы жаждущие получить себе души существа, вырвись они на свободу. А тут только и требовалось, что вовремя поднять перекинутый через весьма широкий и глубокий ров мост, дабы уже никто никуда не мог прорваться. Максимум, владельцы неприкаянных лишились бы своих денег вместе с захлебнувшимся «товаром».

Явились сюда мы в районе полудня, отчего угодили в натуральный водоворот деловой суеты. Многочисленные маклеры и брокеры тут и там устраивали натуральный птичий базар, заранее договариваясь о выкупе, либо же продаже, как неприкаянных, так и вернувшихся, не говоря уже о смертниках. Ко мне было тоже поспешили многие индивиды с неимоверно алчными взглядами, но разглядев печальные кондиции «улова» и проступающие на их шеях магические метки привязки к хозяину, заметно поумерили свой пыл. Облапошить меня на чем-либо им уже не светило, а заработать на столь малой партии откровенных доходяг виделось невозможным. В Кенигсберге, как и в Новогеоргиевске, доля посредника никак не могла превышать пятой части от суммы сделки, отчего большим акулам данного бизнеса я резко стал не интересен.

— Ты, — мой указательный палец простерся в сторону невысокого, но крепко сбитого, хитрого лиса лет этак сорока на вид. Бесхитростных разумных тут было не сыскать вовсе в силу специфики работы любой биржи мира. Потому я отобрал того, кто показался мне достаточно сильным, пронырливым и пробивным, чтобы впоследствии использовать его для многих прочих дел, где требовались многие таланты. Так крепкая печень, подвешенный язык, сбитые костяшки и слегка сплюснутый боксерский нос, несущий также отметки характерные для любителей заложить за воротник, были достаточными для меня «анкетными данными». — Отойдем, посекретничаем. — Приплатив перевозчику еще пару марок сверху за простой, чтобы он перестал бурчать и просто ждал, я отвел посредника в сторонку и, кивнув в сторону моих неприкаянных, принялся добывать информацию о ценах на души. — Видишь тех десятерых задохликов?

— Верно вы сказали, господин. Задохлики. Как есть задохлики. Тут даже сорока марок выручить за них всех не получится, — бросив еще один взгляд на мой улов, удрученно покачал головой это персонаж. — Видно, что еще со времен катастрофы по земле ходили, маялись. Правда, солдаты. Что есть, то есть. Стало быть, коли откормить их, да у эльфов слегка подлечить, ежели средства имеются, неплохие стражники выйдут. На солдат старой выучки спрос имеется. Главное знать, кому предлагать, у кого, и нужда образовалась, и монеты в кармане звенят. Потому можете не переживать, найти клиентов на них смогу, коли о проценте договоримся. — Одновременно, и поругал, и похвалил товар этот хитрец, да себя не забыл прорекламирровать, как знающего человека со связями.

— Эту партию я продавать не собираюсь, — сделав ударение на первом слове, прервал я словесный поток, лившийся со стороны моего собеседника. — Как вы сами верно отметили, уважаемый, солдаты старой выучки нужны многим, а потому грех ими разбрасываться. Особенно за сущие копейки. Куда выгоднее самому инвестировать в них определенные средства и после жить спокойно, зная, что твою спину прикрывают преданные лично тебе бойцы.

— Ни слова больше! Все понятно! — мгновенно «сделал стойку» почувший запах больших денег делец. — Сегодня на аукционе выставлены три великолепные души! Сам бы купил их про запас, имейся у меня достаточные средства!

— Подробности, — кивнув с совершенно безэмоциональным лицом, словно каждый день запасаю души, словно соленья на зиму, коротко бросил я одно единственное слово.

— Первый — герр Шнитке. Большой души человек! Воевал еще против французов в времена Северогерманского союза[2]! Потерял тогда ногу и был уволен из армии в звании капитана, после чего долгие десятилетия управлял своим поместьем, не давая спуска никому. Но, увы, годы взяли свое и, сколь бы молодой ни была его душа, тело совсем

одряхлело. А тут еще апоплексический удар приключится совсем некстати при очередной порке нерадивого батрака. И теперь он мой клиент. Ныне наследники просят за него, конечно, несколько дороговато. Начальная цена назначена аж в тысячу марок золотом! Но, на правах давно знавшего его человека, могу гарантировать, что душа — первоклассная! Коли можете позволить себе подобные траты, берите и даже не сомневайтесь в качестве товара. — Настолько спокойно и по-деловому тот принялся расписывать продажу родственниками в смертники своего обессиленного главу семейства, что у меня очередная собственная временная душа аж вздыбилась от подобного откровенного кощунства. Однако такое стало нормой не только для всех собравшихся близ здания аукционного дома разумных, но и вообще для всех нынешних обитателей этого мира. Потому продажа своих отцов, матерей, братьев, сестер и даже детей превратилась в обыденность. А я еще совсем недавно гнал волну на Рыську за то, что она некогда имела определенные гастрономические пристрастия и даже, вроде как, сожрала заживо орка. Это не она, это все окружающие меня разумные превратились в натуральных людоедов, начав считать нормой то, за что прежде инквизиция сжигала на костре. — Тело, кстати, потребуется вернуть его родне для последующего погребения. Душевных он смог воспитать детей все же, — едва не принялся тот промакивать платочком слезы умиления от подобной-то заботы.

— Что сегодня еще есть на рынке? — не сказав, ни да, ни нет, что было более чем естественно для любого торга, поторопил я разошедшегося в расхваливании дорогостоящего товара торговца. Оно и было понятно, ведь тугость его собственного кошелька напрямую зависела от цены продажи.

— Вторым удачным вложением средств я бы посчитал покупку души нашего прежнего обер-бургомистра, герра Кёрте. Старик столько сделал для города! Вы бы знали! По сути, это он провел наш славный Кенигсберг через первые годы сниспосланных нам грешным Всевышним испытаний и позволил ему уцелеть, тогда как даже Берлин пал. Но, к сожалению, с годами здоровье его совсем подкачало и даже эльфийская магия не может ему помочь. Естественно, та, что по карману. Рак у него, как я слышал. А чтобы справиться с таким, потребно выложить не менее ста тысяч золотых марок. Своих средств у старика столько не набралось, и все, к кому он обращался, также не смогли помочь. Увы, но в своем бытии обер-бургомистром герр Кёрте успел нажить себе немало врагов и завистников, что и сказало нынче. Ну и поскольку всей семье он лишился еще в первый год катастрофы, муниципалитет выставил его на торги, назначив в качестве признания заслуг стартовую цену аж в две тысячи марок за столь благородную душу, — маклер аж приложил руки к груди, столь вдохновенно вещал он о явно «скинутом с трона короле».

— А кто подешевле найдется? — не проникся я ни капелькой вливаемого в мои уши восхищения, имея исключительно приземленные мотивы.

— Найдется и подешевле, — в мгновение ока переключился с возвышенного повествования на деловой лад этот торговец душами. — Седмицу назад какая-то неизвестная тварь подрала стражника из ночной смены. Сильно подрала. Откусила бедолаге обе ноги и руку. Вот жена теперь его и продает, поскольку выходить нет средств, а бесполезный инвалид семье лишь в тягость. Ей и так двух ребятшек поднимать. Так что, сами понимаете, деньги нужны, — развел руками мой проводник в мир «биржи душ». — Четыреста золотых марок за него просят. Но, готов поспорить на свою шляпу, отдадут за триста пятьдесят!

— И это все, что есть в столь крупном городе? — показательно недовольно скривился я, всем своим видом выражая недоверие. Да тут чисто статистически должно было ежедневно

отходить в мир иной не менее полудюжины, а то и десятка, человек.

— Из числа достойных — увы, все, — вновь развел руками маклер. — Но если качество душ для вас не имеет никакого значения, то с утра имелось с полтора десятка простых умирающих по разным причинам горожан и семь приговоренных преступников. Цена любого начинается от двухсот марок. Однако, только торг покажет, какова окажется конечной. Хотя еще позволю себе сказать, что доверять свою спину человеку с темной, либо же слабой, душой — последнее дело, — под конец предпринял он не сильно хитрую попытку подвигнуть меня к мысли обзаведения именно более «ценными» душами.

— Покайтесь грешники! Ибо несете вы в мир слово Дьявола, уподобляясь ему в торговле бессмертными душами! — внезапно разнесся по ближайшим окрестностям чей-то громкий голос. — Бросайте сей бесовский труд, и обращайтесь к Господу нашему за покаянием!

— Ох, святой отец. Опять за своё, — посмотрев в сторону появившегося поборника веры, скривился, словно от зубной боли, мой собеседник. — Прошу прощения, — слегка он поклонился мне, не забыв даже приподнять свой котелок. — Мне срочно требуется спасти одну заблудшую душу, пока ее не выбили из тела. — С этими словами данный невысокий крепыш быстренько подскочил к сыплющему призывами к покаянию священнику и вырубил того одним отлично поставленным хуком справа. При этом очень бережно придерживав мгновенно отключившегося священнослужителя и с помощью пары еще подскочивших на помощь мужчин, уложив того в коляску дежурящего близ аукционного дома рикши. Как я заметил, он даже заплатил из своего кармана за доставку пострадавшего по адресату.

— Занятно зрелище, — только и смог что вымолвить я, когда «боксер» вернулся обратно ко мне для продолжения прервавшейся беседы. — И часто тут у вас такое?

— Раза по три в день случается, прости меня Господи, — тяжело вздохнул и, сняв головной убор, перекрестился посредник. — А что поделаться? Я ведь глубоко верующий человек и не могу допустить расправы нелюдей над нашим святым отцом за его религиозные взгляды. Ведь далеко не все представители пришлых народов отличаются должной терпимостью, тогда как правильных священников и так осталось слишком мало. Вот и бережем их, как умеем. Но да ничего, коли мы с вами сговоримся, смогу потом сделать изрядный взнос в церковную кассу и исповедаться за грехи мои тяжкие, — весьма быстро придумал для себя достаточное покаяние этот добрый христианин по несколько раз на неделе крушащий челюсти священнослужителей. — Так что, решили, каких душ вы желаете прикупить?

[1] ЦУ — ценные указания

[2] Северогерманский союз — федеративный союз германских государств, основанный в 1866 году и включавший в себя все немецкие земли севернее реки Майн. Являлся предшественником Германской империи появившейся в 1871 году.

Глава 18. Город грехов. Часть 2

Мориц Кох, как звали моего нового знакомого, оказался донельзя полезным человечком. Не прошло и часа после того, как мы с ним ударили по рукам, а передо мной уже стояла шатаемая ветром шеренга из свеженьких вернувшихся по всем правилам оформленных на мое имя. На выкуп для них душ ушло почти все прибереженное прежде золото, но, как я сильно надеялся, оно того стоило. Хотя на первый взгляд все выглядело пустой тратой средств. Ведь весь десяток бывших пограничников Российской империи имели вид ничуть не лучше моего в недавнем прошлом. А уж как от них воняло! Но тут, похоже, все уже давно привыкли к «ароматам» немытых тел, поскольку даже от обычных горожан откровенно пахло «гуано» не только в переносном, но и в самом что ни на есть прямом смысле этого слова. Видать, не все тут гладко было с банными процедурами. Оно и понятно! Что дрова, что уголь, стоили денег, а вонять на всю округу можно было совершенно бесплатно.

Кстати, к моему немалому удивлению, свободных домов, которые можно было бы прикупить, внутри городских стен не оказалось вовсе. В продаже не имелось даже комнат! Более того, каждый угол, каждый чулан кем-то да был занят по той простой причине, что обычные люди и нелюди откровенно опасались покидать пределы города-крепости дарующего им хоть какое-то чувство безопасности. Вот и набились со временем, словно сельди в бочке. Тут я был вынужден скорректировать свое бывшее мнение об общей численности местных жителей в сторону минимум двукратного увеличения их количества. Как бы ни полмиллиона разумных кучковались на площади раз в десять меньшей, чем имелась у знакомого мне Калининграда с такой же численностью населения. Но вот занять их всех работой, особенно прилично оплачиваемой, не представлялось возможным вовсе, отсюда и проистекала экономия на всем подряд, включая личную гигиену.

Да, все те предприятия, что имелись в Кенигсберге еще до постигшей мир катастрофы, так и продолжали работать, производя в солидных количествах, бумагу, ткани, всевозможные металлоизделия и механизмы. Про пивоварни, винокурни, кондитерские, пекарни, швейные мастерские и прочий мелкий бизнес, можно было не говорить вовсе — эти небольшие, зачастую семейные, предприятия лишь разрослись. Особенно много новых мелких производств возникло после того, как в городе обосновались анклавные расы со своими вкусами и традициями. Вот только прежде данный город развивался, как огромный перевалочный пункт для товаров со всей Восточной Пруссии, отправлять которые ныне было практически некому. Его огромные склады, конечно, пригодились для создания стратегических запасов того же продовольствия, однако солидных размеров порт и крупнейший железнодорожный узел утратили бывшее значение. Соответственно исчезла нужда в огромном количестве торговых представительств, банков, логистических компаний и много ком еще. Что, все вместе, породило огромное число безработных и позволило богатым стать еще богаче, одновременно сделав бедных еще беднее, как минимум, за счет сокращения заработных плат и повышения цен на все потребные людям товары. Ведь выбора у рядовых граждан не оставалось никакого.

В общем, даже в таком мире осколок знакомой мне Европы не изменял себе, создавая условия появления дешевой рабочей силы и делая все для повышения цен на собственные товары, коли у народа не имелось иного выбора, кроме как скупать исключительно их, да

еще втридорога. Ведь единственной альтернативой было — просто сдохнуть от того же голода, либо же отправиться в не зачищенные ловцами земли на поиски своей личной удачи, что для отчаявшихся разумных зачастую заканчивалось очень печально. Потому и требовались городу постоянные пополнения бесправной дешевой рабочей силой, чтобы конкуренция за рабочие места не уменьшалась, и высшему обществу все так же было за чей счет существовать. Однако к нашей непрезентабельной компании это относилось опосредованно, лишь через уплату всевозможных пошлин. Что лично меня не могло не радовать!

Правда, долго источать на всю улицу свое довольство наравне с вонью моей компании не пришлось, поскольку одна из городских гостиниц находилась тут же, буквально в двух шагах, на улице Клапервейс. Построенная в качестве привокзальной, она время от времени продолжала выполнять свои прямые функции, давая приют прибывающим на поездах разумным. О, да! Как оказалось, железнодорожное сообщение отнюдь не сгнуло вместе с большей частью человечества. К примеру, до того же Новогеоргиевска, откуда в Кенигсберг и прибывала основная часть пассажиров, можно было добраться всего за 10 часов, вместо того чтобы десять, а то и все двенадцать, дней сбивать себе ноги. Обычно, правда, по железнодорожным путям бегали товарные поезда, за счет чего и продолжала поддерживаться жизнедеятельность столь крупных городов. Ведь без того же угля, древесины, рыбы, мяса, зерна, сукна и прочих не менее важных товаров, вряд ли виделось возможным сохранение имеющегося уровня цивилизации. Но и пассажирские вагоны к ним, случалось, цепляли. Тут даже телеграф работал, поддерживая связь между десятком городов и крупных поселений! Однако все это мне было сейчас не столь интересно. Дела делами, но прежде виделось немаловажным позаботиться о собственном комфорте на все ближайшие дни. Уж больно достала меня вся эта походная романтика с ночевками у костра в окружении толпы неприкаянных и туч всевозможного гнуса. Хотелось банальной теплой ванны, достойного качества еды и мягкой кровати, желательно без всяких насекомых. Хотелось вновь почувствовать себя человеком с большой буквы «Ч», а не шпыняемой из стороны в сторону всевозможными обстоятельствами щепкой в ручье жизненных обстоятельств да невзгод. Потому, честь по чести расплатившись с проводившим нас досюда плутом, и договорившись с ним о скорой встрече, я, махнув рукой солдатам следовать за мной, направил свои стопы в здание отеля. Выглядел данный четырехэтажный дом весьма прилично, так что вошел я в его освещаемый магическими лампами холл без малейшего чувства брезгливости. Скорее это мою, изрядно помятую, заросшую и пропахнувшую дымом костра, фигуру оценили на входе не слишком высоко. На что мне, честно говоря, было совершенно наплевать.

— Приветствую вас в Бансхофотеле! — пусть едва заметно скривившись от проникшего вместе с нами сногсшибающего амбре, тем не менее, вежливо поприветствовала меня уже немолодая и выглядевшая весьма тощей дама, единственная, кто находился в фойе. — Желаете снять номера?

— Желаю, — не став изображать из себя не пойми кого, вроде ранимого обиженки, только и сделал, что кивнул головой в ответ. — А лучше много номеров. Два одноместных, один двухместный и три комнаты рассчитанные на четыре персоны каждая. Надеюсь, с организацией достойного питания постояльцев и возможностью принять банные процедуры у вашего заведения все на уровне? Все же романтика дальних дорог мне уже успела несколько приесться. Хочется, наконец, покоя и комфорта старых добрых времен.

— В нашем отеле вы, несомненно, сможете найти все, что ищете, господин, — согнав с лица малейшие признаки былой брезгливости, степенно кивнула метрдотель или кем она тут являлась. — У вас имеется с собой багаж, либо экипаж?

— Найдется, и то, и другое, — не сдержавшись, хмыкнул я в ответ, вспоминая, сколько этого «багажа» сейчас простаивает на небольшом удалении от города. — Но чуть позже! Сперва хотелось бы увидеть номера и обговорить цену размещения, как минимум, на неделю. — Как бы я сам себя ни убеждал, что оставаться в этом городе надолго — слишком большой риск, за меньшее время нам вряд ли удалось бы справиться со всем запланированным. К тому же, где, как не в крупнейшем поселении на многие сотни, если не тысячи, километров, можно было разузнать про ситуацию творящуюся на востоке континента, куда меня не переставало тянуть ни секунды.

Стоило отдать должное владельцам этого отеля, их заведение действительно оказалось на высочайшем уровне, учитывая местные реалии. А приглянувшийся мне люкс с отдельной ванной комнатой и вовсе поражал воображение. Причем подобное великолепие могло обойтись мне в ту же цену, что и жалкий чулан у Регина. Вот что означало отсутствие гномьей наценки! Правда, разом снять все выбранные мною номера не вышло по бюрократической причине — вселение возможно было лишь по предъявлении того самого гостевого пропуска, что был получен мною на таможне. При этом на один пронумерованный стальной кругляш возможно было снять лишь один номер. Да и то, если пропуск не являлся просроченным. Ордунг царил тут повсеместно! Потому в первую очередь пришлось заселить в один номер все десять приведенных с собой отощавших организмов, только-только начинающих соображать, что тут к чему, дабы временно избавиться от потребности их опекать. А сдав их на руки местному персоналу, по причине близости к аукционному дому уже прекрасно знакомому с нуждами вернувшихся, сам отправился со всеми документами за новыми пропусками. Пусть вернувшиеся и считались моей собственностью, они уже являлись разумными существами, отчего нуждались в местном «документе временной регистрации» по типу полученного мною стального кругляша. Заодно я прихватил с собой вернувшегося к отелю герра Коха, и как проводника, и как советника в делах бюрократических. Когда мы предварительно договаривались об оценке прочего имеющегося у меня товара, я прекрасно различал по выражению его лица, сколь великая битва шла внутри него между осторожностью и жадной наживы. И как это зачастую случалось, желудок одержал верх над разумом. Полученный с моей стороны намек на возможность сорвать большой куш, не смог оставить его равнодушным, отчего наше партнерство оказалось продолжено. Правда, пока мы заселялись в отеле, он, зная о необходимости покинуть пределы стен, успел метнуться к себе домой и вернуться уже во всеоружии — выряженным в какой-то походный костюм, с револьвером на поясе и верхом на велосипеде.

— Бог ты мой! Это же целое состояние! — не смог сдержать эмоций, всплеснувший руками маклер, стоило ему только обзреть весь расположившееся на стоянке караван. — И вы действительно желаете их всех продать? — явно не верил этот мелкий посредник свалившемуся на его голову счастью. — Тут ведь товара наберется тысяч на двадцать марок! Три четверти которых легко можно затребовать в золоте! Откуда такое счастье?

— Там где взял, уже нет. Да и сами можете видеть, с реализацией подобного товара не все может пройти гладко, — махнул я рукой в сторону неприкаянных, что получились из ловчих. — Им сильно не повезло, в отличие от моей небольшой группы. Попали под волну и

растеряли своё «Я». Но, что-то мне подсказывает, имеются у них хозяева или же деловые партнеры, которым не придется по душе новость о потребности выкупать их обратно. Опять же, часть имущества, — теперь моя рука простерлась в сторону повозок, — принадлежала прежде им, а потому, несомненно, возникнут споры и появятся претензии по поводу их безвозмездного возврата. А я, как и вы, бесплатно не работаю.

— И это очень верный подход к делу, дорогой мой Александр! — ничуть не снизил градус радостных эмоций мой собеседник. — Что же касается претензий, то вы не просто так оплатите все городские пошлины и мой процент посредника. За то вам будет полагаться защита магистрата, пока вы являетесь гостем Кенигсберга! Единственное, сперва потребуется убедиться, что все сии неприкаянные и вернувшиеся никому лично не принадлежат и не являются гражданами нашего славного города. Защита защитой, но и преступных деяний наши власти стараются не допускать в меру своих сил и возможностей, — кинул он на мою вооруженную до зубов фигуру настороженный взгляд.

— Магических меток на их шеях я не замечал. Потому о личной зависимости речь тут, скорее, не пойдет. Но, в любом случае, я не против проверок и права приоритетного выкупа тел свежих неприкаянных их родными и знакомыми, коли такие быстро отыщутся. Однако все вернувшиеся — это, как вы сами можете видеть, счастливчики из числа старых неприкаянных, которым выпал выигрышный билет в лотерею под названием жизнь. Мне в отряд они не годятся, потому и собираюсь реализовать их всех. Возьметесь, господин Кох? — Чтобы не тратиться на дорогостоящие артефакты-переводчики, я пришел к мысли, что свой отряд следует набирать исключительно из русскоязычных людей, отчего все местные немцы с поляками мне были ни к чему. Ведь в бою языковой барьер мог стоять поражения, чего уже на стадии становления «дружины» я попытался всячески избежать.

— Даже не сомневайтесь! Все сделаю в лучшем виде! Они, конечно, из старых неприкаянных, но тела сохранились очень хорошо! Их разве что только чуть подкормить и потребуется. Обращаться же к магам эльфов нужды я тут не вижу вовсе. Потому сможем выставлять их на торги с первоначальной ценой в триста марок золотом! И будь я проклят, если хоть один из них уйдет дешевле трехсот пятидесяти! Скоро начнется сезон сбора урожая, так что рабочие руки понадобятся очень многим землевладельцам. Я возьму на себя труд разослать весточки тремстам наиболее крупным из них, дабы отрядили своих представителей на будущий торг, коли имеется нужда в батраках. Ведь чем больше заинтересованных покупателей, тем больше конечная ставка! Разве что вам придется обождать с неделку. Далекое не у каждого из этих достойных людей в городе имеется уполномоченное лицо, а путь до многих поместий может занять, и день, и два, даже на велосипеде, — как бы извиняясь за будущие неудобства, развел руками Мориц. — А что касается имущества нерасторопных ловцов, у нас его принято возвращать владельцам за четверть рыночной цены. Правда, мало кто способен доказать своё право владения, отчего, время от времени, случаются стычки из-за возникающих на этой почве разногласий. Но вы всегда можете сдать наиболее ценные вещи магистрату, который впоследствии сам проведет переговоры с теми разумными, что заявят свои права на ту или иную вещь. Правда, получите совсем уж копейки — всего десятую часть, причем не от рыночной стоимости, а от оценки городских чиновников. — О как! Тут вдобавок всю процветала узаконенная скупка краденного государством с последующим выбиванием из потерпевшей стороны денежной компенсации за возврат утерянного или же похищенного!

Вот так в делах и заботах прошел весь это суетный день. Сперва мы долго и мучительно

растамаживали и переправляли в казематы аукционного дома одну группу неприкаянных за другой. Потом еще дольше растамаживали, регистрировали и размещали вернувшихся, хранить которых в той же бывшей Фридрихсбургской крепости, было категорически запрещено. Более того, их можно было содержать лишь в городской тюрьме, что располагалась в помещениях форта имени короля Фридриха III. На противоположном конце города! Кто именно и в каких целях придумал такую глупость, господин Кох пояснить мне так и не смог, ибо сам недоумевал по данному поводу уже не первый год занятия своим ремеслом. Однако факт оставался фактом. Именно по этой причине после прохождения всех положенных таможенных процедур мы потянулись куда и было положено, представляя собой крохотный аналог картины прохода пленных немцев по улицам Москвы. Так, со мною во главе, начала свое ни разу не триумфальное шествие куца колонна оборванцев, охраняемая со всех сторон аж целыми четырьмя вооруженными бойцами. Ибо орднунг!

Правда, для себя любимого я тут же отловил какого-то продвинутого велорикшу, в отличие от большинства своих коллег по ремеслу не стаптывающего собственные ноги в забегах на многие километры, а чинно восседающего на велосипедном седле. И пока «двуногий Боливар» неспешно наяривал педали, увозя меня куда-то вглубь города, я с немалым любопытством осматривался по сторонам. Ведь посмотреть действительно имелось на что.

В первую очередь мое внимание привлек тот факт, что все окна и витрины, что прежде находились на уровне первых этажей, а то и вовсе подвальных помещений, повсеместно были заложены кирпичной кладкой. И, судя по всему, то оказалось требованием одного из новых законов, поскольку ни единого исключения из этого правила мною замечено не было. Во вторую очередь, мгновенно бросилась в глаза этакая островная, что ли, структура города. Не то чтобы он состоял из отдельных островков разделенных каналами, вроде той же Венеции. Нет. Но каждая отдельная группа зданий была превращена в маленький эрзап форт, путем перекрытия вновь возведенными стенами всех проулков и переулков, так что внутри подобной жилой агломерации виделось возможным попасть лишь через считанное количество добротных забаррикадированных и даже охраняемых входов.

Судя по тому, как редко петлял нанятый мною «бомбила», свободное передвижение внутри города было сохранено лишь по считанному числу наиболее широких улиц или же проспектов. Да и те отделялись друг от друга массивными воротами, что могли быть перекрыты в любую секунду. Потому, случись в какой части города беда с появлением неприкаянных, ее в мгновение ока виделось возможным изолировать от прочих районов Кенигсберга. Что выглядело очень здорово! Заодно, как подметил мой въедливый ум, это позволяло властям контролировать все население минимальными силами местной стражи, одновременно выполнявшей функции, и армии, и полиции, и надсмотрщиков.

Возникни где какое недопонимание, а то и открытое неповиновение, знай себе, объявляй на весь город об угрозе неприкаянных, перекрывай неблагополучный район, да мори там всех голодом, пока не поумнеют. Всего делов-то! Очень! Очень умные люди и нелюди нынче взяли власть в этом полисе! Отчего мне еще больше захотелось, как можно быстрее покинуть его стены, что переставали казаться гостеприимными с каждой новой выхваченной моим взглядом деталью окружающей реальности. Тут все до одного, кто бы что там себе ни придумывал, по факту, принадлежали со всеми своими потрохами исключительно городской верхушке, поскольку более идти им было некуда. И становиться одним из них я совершенно не желал.

Хотя, в условиях распространившейся по всему миру антиутопии, лишь диктатура только и могла протащить человечество к несколько более светлому будущему. Главное, чтобы диктатура над людьми находилась бы именно в руках человека, но никак не представителя любого из прочих видов. Уже успел насмотреться и даже прочувствовать на собственной шкуре, насколько мы были безразличны тем же эльфам с гномами, у которых имелись свои собственные соплеменники, чье светлое будущее они, несомненно, старались бы построить за чужой счет. Ведь то, что не вышло сделать с людьми сразу после катастрофы из-за банальной собственной технической отсталости, а также малочисленности населения, вполне вероятно виделось осуществить со временем. Особенно если ты долгожитель!

Теперь мне полностью стали понятны проблемы и мотивы того же Регина, который приложил все силы, дабы вытащить свой род из-под чьего-либо чужого контроля. Оттого и не имелось у него здесь собственных зацепок в Кенигсберге. А я то еще недоумевал, с какого такого перепуга ему действительно пришлось по душе идея открытия в этом городе стрипбара. А ларчик открывался просто! Он запускал бы свою волосатую руку в экономику данного города, но при этом сохранял бы независимость своих гномов, действуя исключительно через одного глупого хумана, то есть через меня. Вот ведь хитрый прощельга! Не зря я его обул на ценности с целого городка!

Тем временем, пока я размышлял о человеческой и не только человеческой подлости, мой экипаж подкатил к зданию городской тюрьмы, где за денежку малую также временно размещали выставляемых на торг вернувшихся. И пусть путь меня несколько утомил, он оказался очень полезительным с точки зрения расширения собственного кругозора. Понять за почти два часа неспешного передвижения я смог куда как больше, нежели за все предыдущее время проведенное в границах данного города. Потому был рад и счастлив свершившейся прогулке, в отличие от членов подтягивающейся следом толпы оборванцев, отныне официально оформленных моим имуществом, которых подгоняли также едва передвигающие ноги четверо моих же солдат.

Глава 19. Город грехов. Часть 3

— Чем могу быть полезен? — прошло всего три дня с моего появления в Кенигсберге, а Мориц уже с утра пораньше находился в холле отеля и был готов выполнить любое мое желание. Естественно, за свои скромные 12 % комиссионных, на которые мы с ним сговорились. К моему немалому удивлению выяснилось, что городской магистрат налево и направо торговал лицензиями позволяющими вести дела по купле-продаже неприкаянных и вернувшихся со смертниками. Но продавал подобные права только своим зарегистрированным жителям! То есть то, чем передо мной столь сильно кичился Регин, оказалось вполне себе доступно последнему попрошайке с самого дна общества города-крепости. Правда, в отличие от гнома, никто из них, естественно, не собирался бы заниматься какими-либо поисками сбежавшей собственности, случись таковой эксцесс. Да и магические метки ставил специальный сотрудник аукционного дома за отдельную плату. Потому, что у моего нового знакомого, что у его коллег по ремеслу, и ценник был заметно ниже, чем у бородатого крохобора. А, как за счет отдачи от масштаба, так и по причине солидной конкуренции среди посредников, которых, как мне кажется, специально расплодили сверх меры в целях создания условий для спекуляций и, в случае чего, очень быстрого назначения виноватых, я этот ценник умудрился сократить еще на сорок процентов. Что было отнюдь не лишним, учитывая сколь высокие цены эльфы заламывали даже за простые целебные заклятия подстегивающие регенерацию клеток организма. Да и якобы магические целебные эликсиры от тех же ушастых прохиндеев, наравне с добротными продуктами питания, необходимые моим доходам для быстрейшего прихода в норму, обещали пробить солидную такую дыру в моем бюджете. Пока меня спасали средства, полученные от реализации неприкаянных не относившихся к группе ловчих. Пусть каждый из них по отдельности ушел за 15–20 марок серебром, все вместе они принесли мне почти три тысячи чистой прибыли. Оттого и был сама любезность герр Кох, что за три дня знакомства со мной заработал больше, чем за три предыдущих месяца. Так что этот битый жизнью и чужими кулаками хитрый лис, прикидывающийся добрым христианином, имел все основания полагать возможным подзаработать на моей персоне еще никак не меньше серебра и золота, чем сподобился уже. А то и больше! По этой причине и вилял столь активно хвостом. Естественно, в переносном смысле этого слова.

— Всем можете быть полезны! — не стал я сбивать каким-либо иным ответом энтузиазм готового расшибиться в лепешку ради денег индивида, поскольку он действительно был нужен. За проведенные в отеле дни мне удалось прекрасно отоспаться, сытно отъестся, до скрипа отмыться и даже вырядиться в чистое, отчего я пребывал в прекрасном расположении духа и был полностью готов к решению очередных проблем. Первой в списке которых значилось открытие магических способностей у Рыси. Все же реквизированный мною защитный амулет требовал подзарядки, либо душами, либо каким-то эльфячьим колдунством, а потому вечная батарейка в лице этой эльфийки была нужна, как воздух, наряду с достойным бронежилетом.

Конечно же, таскать на себе целый пуд брони мне не хотелось совершенно, но, как я уже тут смог понять, имелись варианты на любой карман. Не только ведь одни эльфы, гномы и прочие сказочные народы сошлись в одном мире с людьми. Вместе с ними повсеместно появилось несчетное число иномировых тварей, как разной степени опасности, так и разной

степени ценности в плане добычи с их туш всевозможных ингредиентов, включая алхимические и даже магические. Мне просто очень крупно повезло очнуться на давно обжитой территории, где многие неизвестные человеческим наукам монстры еще в первые годы после катастрофы были выбиты охотниками. А то имелся бы немалый такой шанс стать живой консервой для какого-нибудь ракопаука размером с бегемота или же попасться на зуб плотоядным ежам, описание которых наводило меня на мысли о зубастиках из старых фильмов ужасов. В общем, в мире, наряду с новыми опасностями, появились и ранее невиданные возможности. И с этим всем народу теперь приходилось считаться, не забывая зарабатывать золотой-другой на совершенно новых товарах.

К примеру, из панциря того же ракопаука местные умельцы наловчились изготавливать великолепные латы, не пробиваемые свинцовыми пулями вовсе. Причем, даже винтовочными! При впятеро меньшем весе сделанных из панциря данной твари пластин, нежели таковых же, но выполненных из броневой стали, защитное снаряжение из ракопаука сыскало изрядную популярность у многих местных авантюристов и охранников. Да и городская стража щеголяла в чем-то подобном, но выделанном из более дешевого и менее стойкого хитина каких-то гигантских, то ли муравьев, то ли тараканов, огромные подземные колонии которых также появились в этом мире.

Как я уже знал из общения предыдущих дней с Морицем, охотой на них всех промышляли цверги и свартальвы, являвшиеся близкой родней гномам и эльфам соответственно, но люто ненавидящие последних из-за собственной неполноценности. Было ли то генетическим сбоем, доставшимся им от далеких предков, либо же результатом какого-нибудь стороннего воздействия, но с годами их тела обезображивались, покрывались многочисленными шрамами от язв, да вдобавок еще с самого рождения имели сильнейшую уязвимость к солнечным лучам. Ближе всего их состояние можно было охарактеризовать болезнью Гюнтера, что очень редко встречалась также у людей. Но, вместо того, чтобы искать пути собственного исцеления, они предпочли пестовать в своем обществе лютую ненависть к тем, кто мог себе позволить жить вне стен пещер и подземных галерей, жить лучше, чем они. Узнал я это, когда обратил внимание на редкие фигуры полностью закутанных в плащи невысоких разумных, что время от времени встречались на улицах Кенигсберга. Мало того, что их фигуры скрывались под тканью, так еще лица всегда были укрыты масками, а на глазах имелись солнцезащитные очки. Те самые свартальвы, более известные лично мне по компьютерным играм, как дроу или темные эльфы, кстати, как раз изготавливали всевозможные бытовые магические артефакты, вроде видимых мною еще у Регина в замке ламп, тюремных сигнализаторов и даже холодильных камер. Что, в принципе, было логично. Ведь требовалось же им прежде как-то существовать в своих подземных пещерах, не имея вовсе никакой возможности воспользоваться ресурсами с поверхности.

В общем и целом, на сегодня в моих планах стояло ознакомление с уникальными товарами и услугами, что могли быть предложены многочисленными ремесленниками данного города. Да и на местный аналог «улицы красных фонарей» срочно требовалось заглянуть, чтобы сбросить «накопленное в баках» напряжение, лишь подстегиваемое изо дня в день нахальной Рыськой. Мелко мстя, эта драная кошка то и дело применяла свои женские штучки для разжигания во мне нормального мужского желания физической близости, которое никак не могло быть удовлетворено в ее компании. Ведь продолжать жить мне хотелось ничуть не меньше, чем женщину. Что она прекрасно понимала и чем столь

изошренно пользовалась. Ну как тут было обойтись без знающего экскурсовода, дабы по незнанию не попасть на каких-нибудь заразных дам с пониженной планкой социальной ответственности! Однако даже так заработок все же стоял на первом месте!

— Как у нас продвигаются дела с реализацией оставшихся неприкаянных? Кто-нибудь откликнулся на высланное сообщение? — по моей наводке в замок Регина еще в первый день был направлен почтовый голубь с сообщением от лица посредника о провале нанятой гномом команды ловчих и желанием узнать, кому их ныне предлагать на реализацию. Сутки спустя был получен ответ с адресатом в Новогеоргиевске и непечатным идиоматическим выражением, наглядно демонстрирующим все мысли гнома на сей счет. И это он еще, скорее всего, не ведал об очистке нами Цинтена от всего наиболее ценного добра. Знал бы — и места для указания адресата на бумажке не осталось бы вовсе. Правда, то уже были проблемы бородатого коротышки, а мы тем временем решали свои. Потому сегодня утром я ожидал получить ответ уже из Новогеоргиевска, куда днем ранее была отбита соответствующая телеграмма.

— Да. Прислали ответ, что придут завтра вечером на поезде. Стало быть, послезавтра сможем их встретить и все обсудить. А еще через день начнется аукцион по реализации ваших вернувшихся. Я уже обо всем договорился. Остается только подождать, пока подъедут все заинтересовавшиеся персоны, — четко и без лишней воды отрапортовал, по-другому и не скажешь, герр Кох.

— В таком случае, раз уж у нас выдался свободный денек, не составите ли мне компанию в прогулке по вашему превосходному городу? — совершенно недвусмысленно дав собеседнику понять о временной работе только на меня, не предоставил я ему возможности смыться к любимой «бирже душ», дабы половить там очередную рыбку в мутной воде. — Как мне кажется, здесь найдется много полезных вещей, о существовании которых я могу не подозревать вовсе, но вы, как житель сего города, сможете просветить на их счет. И говорю я вовсе не о картинных галереях с театрами. Мне куда больше по душе полезные магические артефакты, интересное оружие, достойные доспехи и, конечно же, великолепные томные женщины, что знают, как доставить удовольствие мужчине. В общем, все, что требуется разумному, живущему вне крупных городов и риском зарабатывающему себе на жизнь.

— О! В этом можете всецело на меня положиться! — совершенно верно предположив, что не стоит ему наглеть и лезть в бутылку из-за проявленного с моей стороны своеволия, расплылся в искренней улыбке Мориц. — Но не станет ли к последним ревновать ваша прелестная спутница? Все же, как на мой взгляд, в нашу первую встречу она выглядела столь же прекрасной, сколь и опасной!

— На сей счет можете не переживать, мой предусмотрительный друг. Ей мужчины интересны исключительно в гастрономическом плане, — отмахнулся я рукой от опасений собеседника, словно от чего-то малозначительного.

— К-кхак, в гастрономическом? — аж подавился слюной бедолага, явно не рассчитывая услышать подобный ответ. — Она что, вампир? — вытаращив на меня взгляд, который буквально кричал — «Скажи мне, что это просто злая шутка!», весьма осторожно предположил посредник, на всякий случай осмотревшись по сторонам.

— Каннибал она, — все тем же совершенно спокойным голосом поведал я ему одну интересную особенность данной эльфийки, отметив краем глаза, как споткнулась на ровном месте, как раз проходившая мимо метрдотель.

— К-кхак, каннибал? В смысле людоед? — покосившись на мой артефактный браслет-

переводчик, на всякий случай уточнил мой новый временный лучший друг, явно очень надеясь на очередную ошибку трактования слов, что не было редкостью в работе подобных магических устройств.

— Нет. Именно каннибал. Ей все равно какого разумного кушать. Не обязательно человека, — не оправдал я надежд собеседника на фокусы артефакта, четко и недвусмысленно обозначив предпочтения своей спутницы. — Не знаю, в курсе вы или нет, но пару недель назад у одного из орочьих кланов из вашего города образовались очень большие проблемы с личным составом. А кое-кого они вовсе недосчитались.

— Конечно в курсе! О том весь Кенигсберг с неделю судачил! Как же! Сам наследник главы клана Белой Пустоши вернувшись внезапно стал! Был он прежде Зонаг «Мастер», а ныне стал Зонагом «Непомнящим». — Как таковых фамилий у этих потомков неандертальцев не имелось, разве что могли добавить к имени какое-либо прозвище, вроде «Умелого» или, наоборот, «Криворукого», тогда как имя клана всегда и всюду стояло на первом месте. И, судя по тому, что о беде какого-то клана судачил весь город, этот самый клан был отнюдь не последним в местной пищевой цепочке. И что-то мне подсказывало обходить их территорию стороной во избежание, так сказать, какого-либо эксцесса.

— Точно. Зонаг, — кивнул я головой, подтверждая имеющуюся у посредника информацию. — Именно он приезжал искать группу пропавших в лесах соклановцев, из числа которых уцелеть посчастливилось отнюдь не всем. Вот тогда эта эльфийка и сожрала одного орка, да так что мы даже костей его найти не смогли. А после еще на мою печень зарилась, зараза такая. С трудом отбиться удалось! — для пущего словца слегка приукрасил я имевшие быть место факты. К тому же должен же я был отомстить ей за все издевательства над моей мужской психикой!

— И... Как вы ... с ней... а-э-а...уживаетесь нынче? — с трудом подобрав отпавшую челюсть, а после с не меньшим трудом подобрав слова, проявил здоровый интерес герр Кох, которому наша компания, наверное, резко перестала нравиться.

— Точно так же, как и вы все в этом городе, — развел я руками вокруг, как бы охватывая весь Кенигсберг, что скрывался за стенами отеля. — Пришли с ней к ряду обоюдных соглашений. Я ее вкусно и сытно кормлю, а она не рассматривает меня в качестве трапезы. Что же касается ее нездоровых пристрастий. Что мне сказать? Могут ведь быть у девушки свои маленькие слабости? — задав один из наиболее каверзных вопросов, что только существовал в мире, ткнул я пальцем в грудь вздрогнувшего от такого Морица. — Вот и мне кажется, что могут, пока она является полезной! — не дождавшись от него какого-либо ответа, озвучил таковой самостоятельно. — Но вы не переживайте, мой дорогой друг. Пока мы вместе, она вас есть не будет. Она ведь все-таки каннибал, а не дура! Полезных нам разумных ей кушать без надобности, когда вокруг такой ассортимент имеется. Чай, целый город на выбор!

Вот! Вот именно о таком дне я мечтал с момента своего появления в этом мире! Что предоставленные услуги, что ассортименты магазинов, небольших лавок, а то и вовсе мелких мастерских, оказались на высшем уровне. А всего-то и требовалось, что правильно простимулировать своего «экскурсовода» еще до начала похода! И даже вид фланирующей по моему номеру эльфийки более меня не трогал совершенно. О чем я и поспешил сообщить этой доморощенной искусительнице, получив в ответ очередную порцию шипения и яда. Ведь мало того, что ее сравнили с какими-то там проститутками, так еще оставили без шопинга! Все же, во избежание проблем с соплеменниками, ей очень нежелательно было

светиться в местном обществе. Во всяком случае, пока не будут решены все подзависшие финансовые вопросы. Отчего она целыми днями напролет и была вынуждена просиживать в гостиничном номере, что ее деятельной натуре, подпитываемой душой зверя, наскучило весьма быстро. Особо сильно возмущал ее тот факт, что себе я как раз позволял, если не всё, то многое. Видать опять забыла, кто чьим холопом тут являлся.

— Слушай, а давай мы продадим тебя на опыты, — в лучших традициях кота Матроскина промурлыкал донельзя довольный жизнью я. — Мне тут на глаза попался местный аналог доски объявлений и по совместительству биржи труда для отрядов вроде нашего. Там, среди прочего, как раз висел заказ общины свартальвов на приобретение тела неприкаянной эльфийки. Ты ведь тогда сможешь, и других посмотреть, и себя показать! Правда, на кой черт твоим подземным дальним родичам оно понадобилось, я не в курсе. Но деньги они предлагают хорошие. Аж три тысячи марок золотом! Вот, прикинь, мы им тебя продаем под видом бездушной и безмозглой тушки, а ты потом такая берешь и сбегаешь! Нет тела, нет дела, нет претензий обманутого покупателя! А денежки, вот они, в кармане звенят! Здорово я придумал, правда!

— Свинья! — я уже опасался, что мою собеседницу разорвет изнутри, столь сильно ее начало раздувать от негодования, но уже давно привычное слово сорвалось с ее губ и позволило сохранить стены гостиничного номера чистыми. — Боров похотливый! Ты хотя бы представляешь себе, для каких грязных дел эти поганые землеройки используют тела наших дев? — Вот тут я сделал себе на памяти зарубку! Ладно, она еще могла помнить что-то произошедшее после обретения звериной души. Ладно, общие факты подтянулись со временем из глубин сознания. Но вот такого быть никак не могло! Не полагалось ей помнить о подобном! Правда, я даже не знал о чем. Однако сам факт говорил о многом!

— Вообще все равно, — меж тем совершенно равнодушно бросил ей в ответ, ничем не выказывая собственную настороженность. — Лишь бы деньги платили бóльшие, чем предложили бы твои соотечественники. А они как раз таки предлагают больше, нежели готовы были выложить эльфы за твою жизнь! С одной стороны, ты у меня, конечно, стоишь гораздо дороже, чем какие-то три тысячи марок. С другой стороны, как ни крути, это отличная возможность заработать! Хотя, признаю, прямо сейчас подобным заниматься не стоит. Нам еще в этом городе некоторое время жить. Но вот как соберемся покинуть его навсегда, так можно будет облапошить их подобным образом. А после, пусть ищут ветра в поле.

Глава 20. Город грехов. Часть 4

— Ты пришел ко мне и просишь войти в твое положение, но делаешь это без выказывания малейшего уважения к моей скромной персоне. А ведь это именно я вытащил тела твоих людей из той свалки, что неприкаянные устроили в борьбе за души. Это именно я постарался собрать максимум из принадлежащего тебе имущества, дабы оно не досталось каким-нибудь падальщикам. Именно благодаря мне ты получил сообщение о незавидной судьбе твоих ловчих. Заметь! Я ведь легко мог продать их втихую, предварительно разбив на группы по две-три туши, которые вовсе не привлекли бы к себе никакого внимания. Имущество же вовсе могло раствориться в окрестных угодах, не оставив о себе никаких следов. Но я поступил честно. Поступил по совести. И что же получаю в ответ? А? — чуть хрипловатым голосом, да-да пародируя того самого «Крестного отца», принялся я торговаться с примчавшимся из Новогеоргиевска разумным. Вот не следовало этой несдержанной личности чистить морду Морицу, который был мною отправлен на предварительную, можно сказать — ознакомительную, встречу в качестве сапера. Теперь вот, в поддержку своих слов, мне приходилось в открытую удерживать под прицелом двух револьверов подчиненных прибывшего переговорщика. Да и заранее усаженные за станковый пулемет пара бойцов, также добавляли моим словам изрядного веса. Что в условиях небольшого номера отеля, где мы все и набились, словно сельди в бочке, выглядело совсем уж убийственным аргументом в мою пользу.

— То, чем ты пытаешься торговать, принадлежит мне! — желал было стукнуть кулаком по столу сидевший напротив меня этакий показательно канонный шляхтич с лихо закрученными гусарскими усами, не менее лихо заломленной шапкой и притороченной сбоку саблей, но щелчок от взвода курка одного из удерживаемых мною револьверов заставил его сдержаться. Правда, в ответ именно на меня был показательно медленно переведен ствол ручного пулемета, удерживаемого одним из охранников собеседника у бедра. Я такую машинку вживую видел лишь единожды в музее. Видать, перед началом Первой мировой войны все пулеметы Мадсена имевшиеся на вооружении Российской Императорской Армии действительно собрали в крепостях на северо-западной границе страны. Иначе откуда еще он мог оказаться в руках гостей прибывших из Новогеоргиевска? Машинка-то была весьма редким зверем. И очень сильно приглянулась мне! Хотя тот же пулемет Льюиса был куда более предпочтителен, конечно.

— Содержал бы свой отряд лучше, и ничего плохого с ним не случилось бы, — откровенно соврал я ему, поскольку со столь лакомой для меня целью в любом случае произошло бы то, что произошло. — А раз оказался таким жадным, пеняй только на самого себя. — Вообще, после разукрашивания лица герра Коха, этот неразумный человек в первую очередь попытался начать качать свои права и требовать у бедного маклера немедленного возврата его собственности. За что тут же получил первое и последнее китайское предупреждение от местной стражи, прекрасно знавшей кого ей защищать. Благо дело происходило у входа в аукционный дом, где всегда, на случай гипотетического прорыва неприкаянных, присутствовал усиленный станковым пулеметом пост, дежурная смена которого заранее была простимулирована звонкой монетой как раз на подобный случай. После же ознакомления своей, хрен знает в каком колене аристократической, персоны с прикладом винтовки одного из вмешавшихся стражей, донельзя обиженный таким

приветствием в славном городе Кенигсберге поляк предпринял провальную попытку наброситься с претензиями и кулаками уже на меня, стоило нам только впервые увидеть друг друга. И, лишь заработав по фингалу на каждый глаз, убавил свою спесь, согласившись перейти к конструктивному диалогу, который и начал с канюченья о его тяжелой доле, на что мне, естественно, было откровенно начихать. — В соответствии с местными законами у тебя имеется преимущественное право выкупа своих людей и своего имущества. Советую воспользоваться им как можно быстрее и быть благодарным судьбе, что тебя вообще позвали сюда. Ведь, если ты покинешь сей гостиничный номер, так и не договорившись со мной, то уважаемый господин посредник, коего вы столь непредусмотрительно избili, тут же оформит по всем местным правилам факт свершившегося отказа и уже через час твое бывшее имущество окажется выставленным на торги.

— Так дела не делаются! — с трудом сдерживаясь, процедил сквозь зубы мой визави, совершенно непонятно на что рассчитывавший, заявившись сюда без денег, но с непомерными амбициями и желанием вернуть свое. Это кем же он себя полагал в своем большом воображении, коли реально рассчитывал на потакание его, никому здесь не интересным, пожеланиям? Лично я посчитал его просто идиотом уже спустя три минуты общения.

— Последние лет десять только так и делаются. Пора бы уже привыкнуть. А если что не нравится, вон дверь, — кивнул я подбородком в сторону выхода. — Никто тебя здесь насильно держать и о чем-то уговаривать не собирается. Есть деньги, плати в соответствии заботливо подготовленным уважаемым господином Кохом списком, да получай товар. Нет денег — не отнимай у занятых людей время. — Понимал ли я, что дела так не ведутся и что я перебарщивал? Конечно, понимал! Но дело тут обстояло в том, что вести эти самые дела было не с кем. Здесь и сейчас передо мной находился не уважаемый контрагент, с которым и поторговаться было бы не грех, а пришедший с улицы банальный попрошайка с гипертрофированным самомнением. Сколько мне довелось повидать таких кадров в свою бытность офисным клерком! Голодранцев, желающих обогатиться за чужой счет, всегда и всюду имелось в избытке. Тут не надо было далеко ходить, ведь ныне я сам относился к такой же категории личностей. По сути, единственной разницей между мной и прибывшим поляком был опыт. Я прекрасно знал, как правильно уничтожать людей, и потому не боялся ни единого его намек на возможные неприятности. Ведь здесь, в Кенигсберге, мы оба были никем, а, стало быть, находились в равных условиях. Он же лишь думал, что знал то же самое, при этом, видимо, вовсе позабыв о факте своего пребывания вне Новогеоргиевска, где у него вполне возможно имелись какие-то связи. Вот по привычке и гнул свою линию, вместо того чтобы искать компромиссы. Чем сам подписал себе смертный приговор, поскольку не воспользоваться подобной оказией в плане обзаведения дополнительным имуществом, я не мог. Оттого и заводил собеседника, играя на его самолюбии.

— Я буду жаловаться в магистрат! — все же не выдержал моих откровенно грубых слов и показательных насмешек этот надутый индюк, после чего совершил ту самую роковую для себя ошибку, на которую я очень сильно рассчитывал. Он атаковал первым!

Полагавший обмануть меня шляхтич, которому в магистрате уж точно ничего не светило, о чем прекрасно знали мы оба, замаскировав под эмоциональное размахивание руками свои действия, внезапно метнул в нашу сторону какие-то шарики, оказавшиеся магическими гранатами. Стоило первому из них удариться о первое же попавшееся на пути препятствие, как меня, маклера и обоих бойцов «засадного полка» мгновенно поразили

вылетевшие из шаров энергетические разряды, подобные тем, коими разбрасывался эльфийский маг в замке Регина. Только послабее раза в два. Одновременно с этим о прикрывавшее мою тушку защитное поле расплющились две пули, а бедолага Мориц, мало того, что тряся в конвульсиях, вдобавок начал харкать кровью — еще три пули угодили ему точно в грудь, по всей видимости, пробив легкие. Однако, к откровенному шоку поляка, на этом все и закончилось. Я ведь тоже не сидел без дела.

Хоть меня и пробило разрядом, магическая защита смогла нивелировать его большую часть, отчего все трое охранников этого недопереговорщика мгновенно обзавелись несколькими огнестрельными ранами в ногах и руках. Пусть произведенные в России револьверы системы Нагана не отличались мягким спуском, мое обновленное тело справлялось с потребным усилием без какого-либо заметного дискомфорта, тогда как моим визави приходилось отдельно взводить курок перед каждым очередным выстрелом. Хотя возможно у них в руках попросту находились солдатские версии данного револьвера, лишённые ударно-спускового механизма двойного действия, каковыми были оборудованы мои стволы. А полоснувшего по нам короткой очередью пулеметчика, я вовсе вывел из строя самым первым, еще в процессе заваливания набок.

Вообще, по-хорошему, их всех было легче убить, нежели просто вывести из строя. Но тут уж свою роль сыграла моя жадность. Точнее, потребность во многих ресурсах. Так, не смотря на существующее в городе право свободного владения оружием, пускать его в ход представлялось возможным отнюдь не всегда. Вот я, к примеру, в данном случае, защищаясь от нападения, оставался законопослушным гостем города, тогда как противная сторона попросту подписала себе смертный приговор, столь в открытую прикончив местного гражданина. Теперь им всем полагалось предстать перед судом и после тут же перейти в разряд смертников. В новом правосудии Кенигсберга вообще почти всё каралось именно таким образом, за исключением совсем уж незначительных проступков. Более того! Я, как уцелевший представитель потерпевшей стороны, в качестве компенсации имел право на половину их имущества, включая души.

Герр Кох, конечно, пока еще тоже был жив и даже порывался что-то сказать, непрестанно хлопая меня по плечу рукой в целях привлечения внимания. Однако, во-первых, с такими ранами помочь ему могли только эльфы, что драли втридорого за все. Во-вторых же, растративший большую часть заряда артефакт начал затягивать в себя имеющуюся во мне душу, которую чем-то следовало заменить. А тут, под боком, как раз одна пропадала! Хотя, прежде следовало дать человеку надежду на выживание, дабы выведать у него информацию обо всех его ухоронках, в которых обязаны были остаться солидные средства. Все же только на мне одном он умудрился заработать свыше семи сотен марок.

Вот так оно и случалось, зачастую, в жизни. Еще какую-то минуту назад, бедный Мориц подумать не мог, что кто-то приехавший в город-крепость, дабы проверить солидное дело, окажется не в курсе строгости местного правосудия, отчего и сидел себе спокойно по соседству со мной в течение всего разговора. Сейчас же, пуская кровавые пузыри, он понимал сколь глупо погиб, пусть даже и был еще временно жив. Нисколько не сомневаюсь, что в этот момент ему было столь же обидно, как и мне, когда я осознал себя в этом мире после гибели в своем родном.

Аж целый день меня мурыжили местные дознаватели, расспрашивая, что да как происходило на месте свершившегося преступления. К тому моменту душа моего первого местного делового партнера уже со всеми удобствами была устроена внутри меня, а

«выпущенная на свободу» Рыська как раз отправилась шерстить его заначки. Ведь стоило мне только пообещать Морицу, доставить его к эльфам, посетовав при этом на нехватку средств потребных для оплаты исцеления, как ухватившийся за последнюю соломинку герр Кох выдал мне всё. С тем и закончил свой жизненный путь. А мог бы еще жить и жить! Наверное. Но именно его гибель превращала меня в единственную пострадавшую сторону, которой полагалась компенсация, а я как раз стал проникаться образом жизни местных, когда все требовалось грести исключительно в свой карман, пока это не прибрал кто другой.

Долго ли, коротко ли, но спустя всего неделю нервотрепки и кое-каких финансовых уступок, я оказался совершенно чист перед законом, да еще и при деньгах. Вернувшиеся, как и неприкаянные, все были распроданы, за исключением двух здоровяков, на возвращение которых к жизни ушли две полагавшиеся мне по решению суда души. Не даром я тогда стрелял в конечности! Сберег-таки потребный мне актив! Правда, за все за это пришлось-таки реализовать большую часть вернувшихся нужным людям, по нужной цене, через нужного посредника. Вот только, выбирая между признанием потерпевшим и признанием соучастником в убийстве горожанина, я выбрал поделиться имевшимся имуществом, коли мне прямо намекнули на острую необходимость подобного шага в целях смазывания шестеренок судебной машины. В общем, коррупция царила здесь всюду, чему я был безмерно рад, не смотря на понесенные потери.

Пусть даже все прошло не так, как я предполагал, полученный опыт взаимодействия с городскими властями и новые знакомства того стоили. Даже появились первые наметки обзаведения местной движимой недвижимостью, как бы парадоксально это ни звучало. Какими бы четкими ни были законы, лазеечки в них имелись всегда. Так, если мне, как исключительно временному гостю, не были доступны к приобретению какие-либо апартаменты, я всегда мог арендовать у магистрата причальное место в городском порту, где и поставить на прикол какую-нибудь посудину. Так, кстати, поступали многие. За неимением свободных мест в домах, выход был найден в устройстве натурального квартала блокшивов[1]. Сперва, из-за малых глубин судоходного канала, туда тягали лишь небольшие каботажные пароходы. Но после начала применения эльфийских артефактов заряженных магией левитации, начали доставлять суда океанского класса. В основном, конечно, бывшие трансатлантические лайнеры. Хотя встречались, и сухогрузы, и даже броненосцы с крейсерами. Именно на их переустройство, наряду с возведением городской стены, уходила вся та сталь, что добывалась на судоразборке. Так что внезапно выяснилось, что отнюдь не одни винджаммеры бегали по морям-океанам. Встречались там также буксирные пароходы, команды которых как раз промышляли поиском и доставкой судов. А с той же Великобритании, нет-нет, да заглядывали в гости угольщики, выменивая свой груз на всевозможный провиант. Так что деловая межгосударственная жизнь человечества, конечно, несколько притормозила в своем беге, но точно не исчезла вовсе. Что позволяло смотреть на будущее не только через призму сущего уныния и безнадёги. Мир, конечно, стал той еще помойкой, населенной, либо «тараканами», либо «крысами». Однако и для человека в нем имелось место. Ведь как-то те же бомжи обустроивали свой быт на городских свалках. И хоть подобное сравнение пахло каким-то нездоровым самоуничижением, ничего лучшего на ум пока не приходило.

Насколько же здорово было ощущать себя молодым, здоровым и действительно богатым мужиком, нежели дряхлым и бедным доходягой, каким я прибыл к замку гномов! Кто бы знал! Это невозможно было описать словами! Это следовало прочувствовать самому! На

радостях я даже вновь посетил заведение фрау Розы на местной улице красных фонарей, благо ныне мог себе позволить немного посорить деньгами исключительно в свое удовольствие. Именно это заведение мне совсем недавно отрекомендовал покойный Мориц, за что я был ему крайне признателен, ибо, что сервис, что девочки, действительно были на высоте. Тут можно было отдохнуть, и душой, и телом. А что еще требовалось настоящему мужчине, прежде чем вновь с головой окунуться в дела, каковые не желали решаться сами по себе? Однако, видоизменялись.

Если прежде я мыслил парадигмами присущими сухопутному вояке, то ныне решил всерьез рассмотреть возможность осуществления похода на восток по водной глади. Мало того, что это требовало наличия куда меньшего числа людей, так еще вдобавок даже на небольшом речном суденышке виделось возможным тащить с собой куда больше припасов, нежели на многих десятках телег. Да и вода являлась какой-никакой преградой для неприкаянных, которые зачастую захлебывались, угодив в моря, озера, реки и болота, поскольку не имели разума как такового и потому не пробовали плыть вперед, а лишь брели по дну в направлении увиденной жертвы, пока не погибало само тело. Как минимум, до Оренбурга вполне реальным виделось дойти с подобным-то комфортом, начав свой путь в Неве. Что составляло тысяч километров пути! И потому мое внимание переместилось с бывшего усиления отряда на представленные в порту суда и поиск сохранившихся специалистов-мореходов, поскольку сам в морской или же речной науке я был дуб дубом.

[1] Блокшив — обычно старое несамходное судно, оставленное в гавани и переделанное под склад, жилье или мастерскую.

Глава 21. Шопинг!

— Чего тебе надо, хуман? — вот ведь дежавю какое, Регин вместе со своим мерзким характером остался километрах в сорока южнее, но передо мной сейчас находилась его гротескная копия, столь же заросшая бородой до самых бровей, которая также обзывалась на меня всякими хуманами, тогда как даже заносчивые эльфы именовали человеком. Видать действительно, что у гномов, что у цвергов, развился громаднейший комплекс неполноценности связанный с их ростом. И особо заметно он проявлялся в общении со мной, высоким даже по меркам людей. — Мы тут вершков, знаешь ли, не привечаем. И без вас проблем хватает. — Столь неприветливой встречи я удосужился на одном из ближайших входов в плавучий город.

По причине дешевизны местных «апартаментов» и относительной независимости от магистрата, значительную долю блокшивов, намертво соединенных друг с другом десятками крытых переходов, облюбовали свартальвы с цвергами. Темные и тесные судовые коридоры с мелкими каютами и замкнутыми пространствами отсеков столь сильно напоминали им всем родные подземные города, что чувствовали они себя внутри стальных корпусов морских гигантов на удивление уютно. Во всяком случае, куда лучше, нежели в городской канализации или в подвалах Кенигсберга. Потому я прежде и видел их на городских улицах редко, что большая часть, как оказалось, проживала именно тут.

— Мне пара разумных на ушко шепнули, что значительная часть вернувшихся из числа наших, человеческих, моряков находятся в собственности местных обитателей. Хотелось бы поговорить с кем-нибудь по поводу возможности выкупа части из них, — принялся я подкидывать в воздух монету в пять марок серебром, выказывая готовность платить за нужную мне информацию.

Вообще, беда с моряками оказалась глобальной. Многие из тех, кто в момент катаклизма находились на суше, сгинули вместе с сотнями миллионов прочих жителей Земли. Так на весь перенаселенный Кенигсберг спустя даже десять лет имелось всего одиннадцать постоянных экипажей примерно по полтора десятка человек каждый. Ходили они, либо на траулерах, обеспечивая огромный по местным меркам город рыбой, либо на крупных буксирных пароходах, отыскивая по вымершим портам очередные брошенные суда. Вот в трюмах последних и случалось порой находить редких уцелевших неприкаянных из числа моряков. Все же, в условиях очень замкнутых пространств кораблей и судов, на их бортах творился натуральный ужас, когда среди членов экипажей и пассажиров началась драка за души. Очень уж многие гибли от получаемых в процессе борьбы травм, либо вовсе вываливались за борт. И даже немногие уцелевшие счастливицы, становившиеся победителями в соревновании за новую жизнь, обнаруживали себя посреди моря на дрейфующем судне, при этом, совершенно не помня, как и что можно делать для управления подобной машиной. Потому судов-призраков с покойниками и неприкаянными на борту нынче по всем морям и океанам насчитывалось несколько тысяч, если не десятков тысяч. Даже на Балтике они встречались до сих пор, как мне поведал герр Ротман, помогавший с реализацией остававшегося живого товара после гибели Морица. Он же и дал наводку на плавучий город, когда я заинтересовался обзаведением «водоплавающим домом» для себя.

— Можешь попытаться, хуман. Но вряд ли кто продаст. Сам видишь, какое хозяйство, — развел он руками в стороны, как бы охватывая весь «город на воде». — И всё

его надо обслуживать, чтоб не пошло на дно, а питьевая вода с теплом всегда имелись в достатке. — Приняв же протянутую через прутья решетки монету, он все же открыл запертую на засов дверь, пропуская меня внутрь. — Тебе надо попасть на борт «Виктории Луизы». Это пассажирский лайнер белого цвета с четырьмя дымовыми трубами. Если где и найдешь в продаже вернувшегося, то только на главной рыночной улице, что как раз обустроена на его борту. Ты, как вершок, можешь подняться на верхнюю палубу и уже там продолжить путь, чтобы не заплутать внутри коридоров, — мне было указано в сторону ведущего куда-то наверх трапа. — А то еще пропадешь с концами в привычном нам мире, отбивайся потом от настырных расспросов твоих людей, — повел он взглядом по разместившимся близ пирса шести бойцам возглавляемым Рысью, которые единственные из всего моего отряды смотрелись прилично.

Брать их с собой на борт судов виделось лишним. Мне одному куда сподручней было бы скрыться, случись с местными какое недопонимание, нежели надеяться на их возможную поддержку. Не та у них была специфика. А той же эльфийке здесь, в царстве свартальвов, вовсе было противопоказано появляться. Но и потребность демонстрации почетного эскорта, еще никто не отменял. Сила, пусть даже такая, все равно являлась силой. Я бы для надежности вовсе пригнал сюда всех своих людей, но большей их части до сих пор требовалось отъедаться и отпить целительными эликсирами для приведения своих тел в норму. И хотя прогресс восстановления уже был заметен невооруженным глазом, до должных стандартов они все еще не дотягивали. Потому, чтобы не смазывать эффект демонстрацией таких хорохорящихся доходяг, мне пришлось сделать ставку на качество. Ведь мало того, что мой почетный эскорт выглядел солидно в плане «ширины морд своих лоснящихся здоровьем лиц», так еще и имевшееся при них снаряжение с вооружением внушало уважение. Как-никак прошел уже почти месяц с моего появления в городе, и потому я успел хорошенько подготовиться к заходу в царство беззакония, каковым считался в среде кенигсбержцев «плавающий город». Соваться же сюда с голой попой мне отсоветовал тот же герр Ротман, который и поведал о наличии такого места. Отчего пришлось обождать пару недель, за которые мои деньги трансформировались в снаряжение.

После того как подошла к завершению распродажа всего лишнего имущества у меня на руках одного только золота оказалось на двадцать тысяч марок с копейками. И десять тысяч серебром. Да, тот же грузовик орков, который я когда-то временно присвоил, стоил раз в пять дороже. Но на то подобный транспорт и являлся гордостью владеющих ими кланов, выступая наглядной демонстрацией коммерческой успешности и силы. Я-то даже изначально полагал, что повстречаю в Кенигсберге если не тысячи, то сотни подобных машин. А их оказалось всего ничего. Может сотня набиралась, но не более того. Хотя те же легковые электромобили мелькали за окнами отеля куда как чаще — этих «карет с аккумуляторами» имелось уже под пару тысяч штук точно. И даже трамваи ходили! Маленькие такие, смешные, словно игрушечные — пассажиров на двадцать максимум. Мы даже прокатились на таком, когда отправились сорить деньгами. На это мне, кстати, тоже был сделан прозрачный намек еще до суда — мол, все честно или не совсем честно заработанные деньги должны остаться в экономике города. Точка! Вот и пришлось разоряться на обнову.

В первую очередь я, естественно, озаботился доработкой оружия. Поскольку те же приборы для бесшумной стрельбы еще до начала Первой мировой войны свободно продавались в оружейных магазинах, как устройства повышения комфорта для охотников, не

желающих травмировать свой тонкий слух громкими хлопками выстрелов, их развитие после времен катастрофы вообще пошло семимильными шагами. Всем по душе пришлось возможность не сильно привлекать своей стрельбой внимание находящихся поблизости неприкаянных. У тех же ловчих в загатнике обнаружилось с два десятка подобных изделий, откровенно кустарного производства, которые я вовсе побрезговал прибрать к рукам и продал вместе с прочим бесполезным хламом. Вот и подался на экскурсию по местным оружейным лавкам, в результате чего вышел на орочий клан Ржавой горы, что, среди прочего, промышлял точной механикой и огнестрельным оружием.

По результатам многочасовой беседы с их мастерами из моего кармана утекло целое состояние — чуть больше трех тысяч марок серебром. На такие деньги один человек, не сильно шикая, мог прожить в Кенигсберге лет пять. Вот только сожалений на этот счет не имелось вовсе. Поскольку мой скромный отряд отнюдь не являлся кадровой армией с ее глобальными задачами и массами войск, то и его вооружение обязано было заметно отличаться от стандартного армейского или же распространенного у местных гражданских. Особенно, учитывая неоднозначную ситуацию с боеприпасами, когда тут они стоили немалых денег, а где-нибудь в погибших городах Российской империи я мог бы набрать их десятки тысяч совершенно бесплатно. Так если в местных краях, наряду с немецкими калибрами изрядную популярность получили американские патроны 44–40 Винчестер, то мне все они вообще негодились в походе на восток. Да, да! Как оказалось, американские оружейники не только уцелели, но по мере сил даже осуществляли экспансию на внешние рынки, поскольку все прежние договора с их европейскими коллегами сгорели в мировом пожаре катастрофы. Так заметную популярность приобрели время от времени доставляемые из Америки парные наборы из рычажного карабина Винчестера и револьвера Смита-Вессона или же Кольта под единый для них патрон 44–40 со свинцовой пулей. Для самозащиты и отстрела нападающих неприкаянных их было более чем достаточно, а переснаряжение гильз не сильно било по карману даже в сравнении с тем же Наганом. Черный порох и капсули товаром были ходовым, тогда как литейка для пуль вообще входила в оружейный комплект. Российский же револьверный патрон тоже претерпел заметные изменения. За неимением оригинальных «комплектующих», немцы вынужденно использовали остатки пистолетных оболочечных пуль Маузера калибра 7,63-мм еще фабричной выделки, либо свинцовые новоделки таких же размеров. Они оказались на четыре-пять сотых миллиметра пошире родных, отчего стволы револьверов быстрее изнашивались. Но это всех устраивало, поскольку позволяло не остаться вовсе без оружия в руках. А Наганов у местных имелось десятки тысяч. В общем, оружейный зверинец тут был еще тот, отчего мне пришлось долго вникать в его реалии, прежде чем сделать заказ.

В результате все двадцать попавших в мои руки или же прикупленных уже в городе револьверов ожидала значительная конструктивная переделка. Все же от не знающего чувства страха бездушного и безмозглого тела никак не виделось возможным укрыться за деревом или же в окопе на время проведения долгой и муторной перезарядки с последовательной экстракцией одной отстрелянной гильзы за другой. Для скорой смены патронов требовалось иметь, или переломную конструкцию рамы, или откидывающийся вбок барабан. Как ни крути, а при неожиданной встрече с неприкаянными допускалось, либо быстро стрелять, либо быстро бежать, либо быстро перезарядиться на бегу, отстреляв весь барабан, к чему и требовалось подготовить оружие, наряду с интегрированием в их стволы глушителей. Вес с габаритами от такого, конечно, возростал. Но зато и подпрыгивание

ствола при стрельбе становилось не столь катастрофичным, как у обычной армейской модели. Орки даже брались поколдовать со слишком тугой спусковой пружиной, поскольку уже знали эту беду Наганов российского изготовления, тогда как чистокровные бельгийские собратья ею не страдали вовсе. Ну и куда более ухватистый приклад к моему уникальному пограничному револьверному карабину согласились изготовить без каких-либо проблем. Они даже сняли с моей кисти всевозможные мерки! Как с оголенной, так и с укрытой в утепленную зимнюю перчатку. Перфекционисты, блин!

Что же касалось винтовок, то тут тоже пришлось подробно расписывать имеющиеся пожелания, начиная от правки прицелов для ведения точной стрельбы без примкнутых штыков, заканчивая утяжелением ствола оружия Рыси. Создавать новый ствол для снайперского оружия они не взялись, зато предложили понизить колебания родного при ведении огня путем насаживания поверх него рассверленного и раскаленного ствола от старой однозарядной игольчатой винтовки Дрейзе, которых, на удивление, имелось немало в арсеналах Кенигсберга. Мне было известно, что подобный метод горячей запрессовки применялся при производстве стволов артиллерийских орудий, а потому возражений не последовало. Идея действительно выходила стоящей. Со своей же стороны я еще добавил заказ на два десятка ПБС[1] с интегрированным пламегасителем, поскольку устал ловить блики после каждой стрельбы из своего карабина. Ну и насчет легкой доработки Мадсена условились тоже. Пожалуй, лишь станковый Максим остался без каких-либо улучшений, в которых он и не нуждался вовсе. Однако это было лишь началом. Недаром магия пришла в наш мир.

Уж не знаю, кто именно и какие именно чудеса творил тут налево и направо, но в магазине очередного клана орков мне предложили то, найти чего я вовсе не рассчитывал даже в теории. Зайдя поинтересоваться на предмет биноклей и оптических прицелов в отрекомендованную оружейниками контору, я попросту пропал. Визоры! Эти доморощенные умельцы с не обезображенными интеллектом лицами, скоординировавшись с эльфийскими магами и артефакторами, сумели сотворить самые настоящие многофункциональные визоры, о каковых прошлый я мог прочитать разве что в какой-нибудь фантастической книге о далеком-далеком будущем. Тепловизор, ноктовизор, маговизор! Одно устройство, внешне напоминающее самое что ни на есть стимпанковские гогглы, сочетало в себе всё перечисленное и даже больше — позволяя, к примеру, различать контуры движущихся объектов находящихся в режиме мимикрии. Уж не знаю, что за твари водились в родных мирах тех же эльфов и свартальвов, коли они уже имели знания о подобных спектрах восприятия, но что-то мне встречаться с ними очень не хотелось. А ведь они, как и сотни тысяч прочих видов животных, насекомых и растений, теперь являлись частью окружающей среды! Именно тогда мне еще больше стало ясно, чего так люди и нелюди цеплялись за возможность проживать внутри города-крепости. Но десять тысяч марок золотом! Подобная цена разила наповал! Ведь даже самый лучший бинокль фирмы «Карл Цейс» из тех, что были представлены здесь же на витрине, стоил всего 200 марок серебром. Что называется, почувствуйте разницу! Ну как я мог не взять себе любимому такое чудо? Никак не мог не взять!

Правда, носить их постоянно на глазах, было строго запрещено, ибо иссушали душу. В инструкции, конечно, говорилось о негативном воздействии на зрение при длительной работе артефакта, что приводило к усталости и общему упадку сил, но я то уже понял что к чему во всей эльфийской магии. Поскольку их собственные души были более объемными и

сильными, они вполне себе справлялись с постоянной подзарядкой каких-то обыденных для их общества магических артефактов, что при схожем воздействии потихоньку разрушали душу того же человека или орка. Уникальные же боевые магические изделия, вроде отжатого мною кулона, заставляли при срочной зарядке сильно напрягаться даже их сильных магов, тогда как всех прочих вовсе уничтожали на месте, высасывая из них душу до дна, чему я не единожды сам был свидетелем. Но вот никто, кроме меня, всего такого уникального, попросту не имел возможности прочувствовать, в чем тут на самом деле скрывалась вся соль. Именно тогда мне в голову начала закрадываться мысль, что появление неприкаянных, как и вообще сама катастрофа, являлись делом рук именно ушастых снобов, чего-то не то намагичивших в своем мире, поскольку изрядно задело даже их самих. В том числе по этой причине мои стопы сейчас отмеривали шаги по палубам вставших на вечный прикол судов, в недрах которых скрывались главнейшие недруги эльфов — их «темные кузены». Кто как не они еще мог поведать мне о слабостях эльфов и построении их общества в целом?

Добравшись до борта нужного судна, и в очередной раз проверив, насколько комфортно сидит на мне новенькая броня, выполненная из панциря того самого ракопаука, полные комплекты которой достались всем основным бойцам отряда, естественно, включая меня самого, я нырнул в приветливо распахнутый люк, что вел внутрь лайнера. Впереди меня ждал совершенно новый мир, со своими жителями, законами, чудесами, товарами и, естественно, проблемами. Но здесь и сейчас я был готов, если не ко всему, то ко многому.

[1] ПБС — прибор для бесшумной стрельбы

Глава 22. Сумасшествие? Нет! Норма!

А вот к этому я не был готов совершенно! Мне, конечно, успели доселе наговорить много чего нехорошего о свартальвах и их образе жизни, заметно отличающегося от эльфийского, но, как оказалось, все эти слухи не отражали и десятой доли реальности. В первое мгновение мне даже почудилось, что я нахожусь не в недрах морского лайнера на планете Земля, а в здании атомной электростанции колонии «Надежда Хадли» и откуда-то сбоку на меня вот-вот вылетит Эллен Рипли, активно отстреливающаяся от лезущих на нее отовсюду ксеноморфов. Тем более, что самих ксеноморфов я тоже успел разглядеть и даже принялся тут же лапать обе набедренные кобуры, параллельно обливаясь литрами настолько холодного пота, что в нем вполне можно было осуществлять шоковую заморозку, словно в жидком азоте.

И нет, рассмотренные мною в конце коридора существа, от одного вида которых я чуть было не поседел даже в районе подмышек, отнюдь не являлись свартальвами. Это, всего-навсего, были их ездовые жуки, благодаря которым эти дети подземелий могли очень быстро перемещаться по своим жилищам в любой плоскости. Подземные-то города у них всегда были многоуровневыми и перенаселенными, отчего таскаться вверх и вниз по узким проходам, постоянно мешаясь друг у друга под ногами, как то вынужденно делали те же цверги, их предкам, по всей видимости, стало сильно надоедать. Тогда, тысячелетия назад, и приручили этих «милых» насекомых. Все это любезно поведал мне местный житель, увидевший к своему немалому удивлению, как какой-то глупый человек наводит трясующимися руками револьверы на сидящих себе смирно под потолком жучков.

Оказывается, эти страшилища из моего далекого детства, в первую же ночь после просмотра фильма с которыми я просто-напросто не смог заснуть, занимались тут под присмотром погонщика, всего-навсего, шпукатурными работами — выблевывая из своих пастей клейкую жидкость для формирования сводов, по которым им было бы удобно передвигаться. Вообще, все жилища свартальвов изнутри напоминали улы ксеноморфов, поскольку за неимением бетона или каких-либо иных материалов для производства опор, абсолютно всё: полы, стены, потолки, слой за слоем заливалось производимой данными жуками субстанцией, являвшейся биологическим полимером. И в процессе этих работ в стены внедрялись артефактные лампы, какие я видел в замке Регина, отчего впоследствии создавался эффект светящихся стен, поскольку сам застывший полимер был достаточно прозрачным.

В благодарность за подобные объяснения и подсказки, как правильно ориентироваться в пространстве их города, я поведал ему историю фильма «Чужие», естественно, переложив сильно упрощенный сюжет на местные реалии. После чего хлопнул отчего-то сильно побелевшего ликом свартальва по плечу и бочком-бочком протиснулся мимо не отвлекающихся на наш разговор «космических тараканов». Как говаривал котенок по имени Гав, также являвшийся телевизионным персонажем из моего детства, — «Давай бояться вместе!». А ведь он был очень добрым персонажем, отчего я посчитал совершенно правильным воспользоваться его добрым советом. Ибо не следовало этому свартальву в самом начале надсмехаться над перепугавшимся мною!

История о том, как я добирался к местной главной торговой улице, вполне себе годилась в качестве сценария очередного фильма ужасов. Все же природа действительно

отдохнула на предках «подземных эльфов», поскольку среди них порой встречались столь жуткие кваземорды, от одного вида которых сердце замирало в груди, пребывая в ужасе вместе со всем остальным телом и разумом. Вообще у меня создавалось такое впечатление, будто я оказался в какой-то забытой богом лечебнице, на пациентах которой поехавший мозгами хирург без остановки ставил свои жуткие опыты, тогда как санитарями ему служили те самые чужие. Всего за десять минут я из самоуверенного мачо превратился в дергающегося неврастеника. Попробуй тут таким не стать, коли на тебя постоянно, то сверху, то снизу, то вообще непонятно откуда, на огромной скорости налетают «чужие», к которым ремнями пристегнуты прошедшие через мясорубку, а после еще и окунутые в концентрированную соляную кислоту, эльфы! И все это в условиях сумеречной полутьмы, поскольку яркий свет тут никто не любил вовсе, что натолкнуло меня на мысль озаботиться заказом, либо магических, либо химических, световых гранат. Мало ли куда еще мог меня завести не утихающий не на секунду зов, пульсирующий внутри груди словно постепенно нарастающая зубная боль.

Тем не менее, мой путь был завершен, и я даже не удосужился открыть филиал кирпичного завода. Что не могло не радовать! Потому как с грязными вонючими портками меня тут вряд ли кто пустил бы в устроенные повсеместно магазины. И так окружающие зыркали в мою сторону волками, пока не разглядывали бородатую морду лица, никак не тянущую на прекрасный эльфийский лик. Как мы все в свое время ржали, когда американцы на честном лице начали вещать что-то про тактические бородки делающие их солдат более brutальными и от того более ужасающими для врага. Теперь же я сам был вынужден отращивать таковую, чтобы, во-первых, не возиться постоянно с опасной бритвой, зарезаться которой у меня имелось шансов куда больше, чем поймать пулю, а, во-вторых, отличаться от имевших схожие размеры с габаритами эльфов. Вот такая удачная отговорка у меня имелась для маскировки собственной лени! Но тут она реально играла мне на руку.

На удивление, ассортимент местных товаров никак не соответствовал тому имиджу криминального гетто, который жители Кенигсберга старались придать «плавающему городу». Да, дурь была, как и оружие, как и проституция, как и торговля живым товаром. Но всем тем же самым открыто торговали и в городе-крепости, отчего разницы между ними не было никакой. Как на мой взгляд. Зато я с удивлением узнал, что браслеты-переводчики и ошейники являлись изделиями мастеров «подземных эльфов», солидно продвинувшихся в ментальной магии для взаимодействия со своими «рабочими лошадками», воспоминания о которых вызывали у меня внутреннее содрогание. А уж магические фумигаторы, способные отгонять от носителя всевозможных вшей, мошек и прочую мелкую кровососущую дрянь, оказались вовсе подарком богов, столь сильно натерпелся я от этой инсектоидной братии за все время пребывания в данном мире. Рыська и та не могла сравниться с ними в плане потребления моей крови. Что уже говорило о многом!

Однако в первую очередь явился сюда я за разумными, что смогли бы стать частью моего будущего судового экипажа, отчего приценивание к интересным артефактам пришлось отложить на попозже. Все равно сейчас у меня с собой почти не имелось наличных средств. Не дурак же я был в самом деле, тащить на себе лишний вес, который к тому же являлся желанной добычей для любого местного жителя. Причем в данном случае имелось в виду все население видоизменившегося мира. Потому остатки денег хранились в гостиничном номере под неусыпной охраной моих доходяг.

— Есть моряки, как не быть, — не сказать, что сильно обрадовался приходу такого

клиента, как я, но и совершенно точно не огорчился появлению потенциального покупателя единственный местный «торговец душами». Держать ему вне аукционного дома тех же неприкаянных не дозволялось совершенно, а вот вернувшихся и смертников — всегда, пожалуйста. Но и цены на уникальных и редких специалистов этот монополист задирает безбожно. А дело обстояло в том, что проводка действительно крупного судна в порт Кенигсберга была невозможна без применения артефактов левитации принадлежащих как раз свартальвам. Вот местные шишки и вынуждали экипажи буксиров сдавать за бесценок всех обнаруженных неприкаянных именно своему посреднику, тем самым создав личную монополию на специалистов по морскому делу. В силу проведения столь грамотной в долгосрочном плане политики они уже сейчас контролировали 80 % рыбного рынка окрестных земель и половину судоразделочных мощностей города. И дальше могло быть только больше. — Десять тысяч марок золотом за палубного матроса. Двадцать тысяч — за кочегара. Пятьдесят тысяч — за судового механика. Триста тысяч — за штурмана. Если возьмешь оптом сразу целый экипаж в пятнадцать душ, смогу сделать скидку в пять процентов. — Нисколько не издеваясь, а с совершенно серьезным лицом назвал мне посредник столь ошеломляющие воображение суммы, от которых я несколько опешил.

— Как-то это чересчур, — только и смог что выдать из себя, удержав внутри все матерные эпитеты, что обязаны были разбавить данное предложение и сделать его раз в десять длиннее. — С чего такие бешеные цены?

— Монополия, — развел руками мой собеседник, совершенно не скрывая действительной причины такого положения дел. — К тому же, они все уже обучены теми своими коллегами, которые поддерживают в рабочем состоянии местное хозяйство. Магия магией, но и ваши, людские, механизмы оказываются весьма полезными в быту. А коли хочешь найти подешевле, то сам выходи в море, выискивай где-нибудь судно и после зачищай его, вылавливая в узких коридорах и тесных отсеках сохранившихся неприкаянных. И, коли уцелеешь, обращайся, хи-хи, к безумному Отто, — явно не просто так мерзко хихикнул этот разумный, говоря о каком-то немце, если исходить из имени. — Этот умалишенный подводник тебе так экипаж подготовит да замотивирует, что они сами утопят твое судно, прямо тут, в порту! Да закопать его не забудут! Все по заветам старины Отто! Хи-хи-хи-ха-ха! — разве что не подхрюкивая, принялся ухохатываться «торговец черным деревом».

— Монополия — это понятно. Но торговля-то все равно должна хоть как-то жить. А у вас с такими-то ценами ее быть не может априори. — Не мог не предпринять я попытку поторговаться, хотя изначально было понятно, что цены тут даже не монопольные, а запретительные, чтобы никто не смог бы себе позволить набрать полноценный экипаж на судно и создать конкуренцию в куда более доходном и надежном бизнесе. — Ту же эльфийку, помнится мне, готовы были выкупить всего за три тысячи, — озвучив сумму из виденного еще недели три назад объявления о потребности столь уникальной покупки, на всякий пожарный закинул удочку на этот счет. Мало ли у противоположной стороны также имелся подобный интерес.

— Что, на доске объявлений прочел? — мигом определил посредник источник, из которого у меня могла появиться подобная информация. — Так то, считай, просто уведомление, — махнул он с какой-то безнадегой рукой. — Сидящие в городе эльфы в жизни не упустят ни одну из своих красоток, — аж жадно сглотнул свартальв слюну. — А коли откажешься продавать именно им, мигом на бошку укоротят.

— Это да. Эти умеют, могут, практикуют. Правда, по мне гадский маг, даже не подумав тянуться к имеющемуся на поясе клинку, подло шарихнул шаровой молнией, когда мы с ним в первый раз не сговорились по цене, — слегка приврал и сдвинул акценты я, параллельно внимательно отслеживая реакцию собеседника. — Пришлось потом посреднику выбивать из него божественное восстановление для моей пострадавшей тушки.

— Ого! Свезло, так свезло! Мало того, что откопал где-то эльфийку, еще и в живых остался после встречи с магом вершков! — аж прицокнул языком от удивления собеседник, выглядящий хоть сильно получше прочих встреченных мною представителей его народа, но все равно казавшийся уродцем на фоне своих кукольно-идеальных «наземных кузенов». — Да вас отметила своим благословением сама богиня удачи!

— Берите выше, уважаемый! Я тогда в лесу аж четырех девиц нашел! — Показательно подбоченившись от якобы распирающей меня гордости, принялся потихоньку подсекать втянувшегося в нужную мне беседу разумного. — Вот трех из них и сторговал магу. А с четвертой он почему-то только плевался, да грозился всякими смертными карами. Хотя выглядела она ничуть не хуже остальных. Боевитая, с шикарной грудью, спортсменка и, наконец, просто красавица! Ну, пусть даже немного каннибал. Так кто из нас без недостатков? — очень уж мне хотелось узнать, сколь глубоко или же далеко распространяется дефективность моей Рыськи, отчего, в том числе, и вывел собеседника именно на такой ход диалога.

— Душа зверя, да? — стоило только упомянуть о факте поедания разумного, как в одно мгновение потухли его глаза, было загоревшиеся неподдельным интересом после осмысления обозначенной мною разницы между найденным и проданным. — Еще, небось, и дикого какого, раз не побрезговала мясом разумного.

— А это действительно так плохо? Душу ведь можно изъять, а после от смертника новую вставить, — поведал я общеизвестный факт, очень сильно надеясь получить в ответ хоть какую-нибудь полезную информацию. Ведь ныне я в этом деле, считай, вообще ничего не соображал.

— Это у вас, короткоживущих, все просто выходит. Вынул, вставил, и готово, — лишь обреченно махнул он рукой в мою сторону. — У нас же, долгожителей, все сильно сложнее. Уровни глубины разные. Резонанс душ! Тут понимать надо! Но ведать тебе о том не следует. Все равно ничего не поймешь, — нагло и бесцеремонно соскочил он с темы, да еще и хитро улыбнулся мне, гад такой, явно давая понять, что не обломятся мне новые знания.

Ну что я мог сказать ему в ответ? Да ничего! Денег у меня таких не имелось от слова «совсем». Променять Рысь на кого-нибудь нужного, как выяснилось, тоже была не судьба. Потому просто поведал посреднику тот же рассказ о «чужих», которым поделился еще с первым встреченным на борту свартальвом, да и покинул его с чувством выполненного долга. Ибо нечего так обламывать самого меня! Пусть теперь ходит и вечно оглядывается по сторонам, не забывая вздрагивать от каждого шороха.

— И как сходил? Удачно? — расплылась в кривой ухмылке одна остроухая язва, при этом еще показательно заглянув мне за спину якобы в поисках приобретенных специалистов морского дела.

— Имеются две новости. И обе плохие. Во-первых, цены тут на моряков такие, что за полнокровный экипаж небольшого судна половину Кенигсберга скупить можно. Во-вторых, обменять тебя хотя бы на палубного матроса никак не выйдет, ибо ты считаешься сильно дефектной даже по меркам этих, — просто махнул я себе за спину, не сумев подобрать не

обидного эпитета для обозначения расстроивших меня свартальвов. Заодно и шпильку вернул одной нарывающейся особе. — Так что придется нам сейчас идти на поклон к местному сумасшедшему капитану, сохранившему знания старых времен, но, видимо, растерявшему весь свой рассудок. — Что-что, а «адресок проживания» некоего корветтенкапитана Отто Херсинга я не забыл добыть, прежде чем покинуть пугающие меня до дрожи в коленях чертоги «плавучего города». Хорошо еще, что он обитал тут же, в портовой части, и нам не следовало тащиться на другой конец города.

Сказать, что я в очередной раз сильно удивился, значило не сказать ничего. Хотя за все время пребывания в данном свихнувшемся мире я уже откровенно устал поражаться, как чему-то совершенно новому, так и лицемерию очередных доказательств проявления сумасшествия овладевшего местным обществом. Но всё же закопанная в землю по самый перископ субмарина — это было мощно! Насколько мне уже было известно из бесед с несколькими цвергами и свартальвами, данная подводная лодка с жалкими остатками экипажа появились в порту Кенигсберга спустя пять лет после постигшей мир катастрофы. Как раз по завершению основных сражений между армиями сцепившихся друг с другом рас и с началом хоть какого-то восстановления мирной жизни. За прошедшие годы ее экипаж по совершенно разным причинам сократился до одного единственного человека, ее командира, который и встретил нашу бравую компанию близ замаскированного под обычный деревянный скворечник деревенского туалета входа в свой дом. Он уже не первый год все свое свободное время уделял засыпке корпуса лодки землей и камнями, отчего и повстречать его близ жилища не являлось какой-либо проблемой.

— Что? Тоже хочешь укрыть от гнева его? — не успел я даже поздороваться, как неожиданно бросил свою тачку с очередной порцией притащенного откуда-то грунта и буквально прильнул ко мне этот откровенный безумец. Все же у нормального человека никак не могло быть взгляда загнанного в угол зверька, что уже четко понимал свою незавидную участь быть кем-то съеденным. — Но знаешь, что я тебе скажу, парень? Строй свое счастье своими руками! А в мое даже не думай влезать! А то мигом выпотрошу, как селедку! — Мне с трудом удалось среагировать и отбить в сторону руку свихнувшегося немецкого моряка, когда тот предпринял попытку ударить меня очень ловко выхваченным из-за спины ножом. — Все равно не пущу, — мгновенно надулся и пробурчал, словно обиженный маленький ребенок, этот псих, проводив полным досады взглядом звякнувший при падении нож. Я даже ударил его в ответ не столь сильно, как изначально собирался, поразившись подобной метаморфозе. Все же действительно душевнобольной человек. Вот и пожалел малость. Самую малость.

— Не знаю, о чем гнев ты там толкуешь, — покачал я головой, рассматривая свернувшееся в форму эмбриона тело опавшего на землю от моего удара моряка, — но с удовольствием выслушаю твою историю, коли поделишься ею. Лишних знаний в этом проклятом мире уж точно не бывает. Однако пришел я поговорить с тобой о другом. Мне, знаешь ли, требуется кое-куда сплавать, а договориться с местными насчет команды и судна видится попросту невозможным. Ты же единственный в обозримой округе, кто понимает в морском деле и может хоть как-то помочь.

— Нет! Нет! Никогда! Он будет гневаться! Он снова будет гневаться! — мгновенно ожив, немец тут же предпринял попытку уползти, орудуя конечностями словно ящерица, в видневшийся внутри «сортира» открытый люк. Пришлось ловить его за ноги и оттаскивать подальше от прохода, как я понял, внутрь подводной лодки. — Ты не понимаешь, глупец!

Нигде теперь не сыскать спасения от ока его! Никто не способен бороться с ним! — непрестанно дергая ногами в попытке избавиться от моей хватки, завопил, как резанный, столь потребный мне специалист. — Живи тихо. Спи чутко. Всегда смотри по сторонам. Будь незаметной букашкой. И тогда ты, возможно, не станешь ему интересен, — за какую-то долю секунды преобразившись из брыкающейся кошки в притворяющегося дохлым опоссума, совершенно спокойным и рассудительным голосом продолжил он свою речь. — Они, — махнул удерживаемый мною индивид рукой в сторону города, — дураки. Не понимают ничего! А ведь я их всех предупреждал! — опять же в мгновение ока стадия покоя сменилась самой натуральной истерикой и попыткой вырваться. — Сотни! Даже тысячи раз убеждал их укрыться, где только возможно! Но нет! Там все умные! Один Отто для них всех балбес! Ничего-то он, дурак этакий, в новой жизни не понимает! Может и так! Может, не понимаю, — вновь полностью обмякнув, будто в его организме закончился заряд батареи, перешел на обычный тон мой психованный собеседник. — Но я то тут. Живой. А где весь «Флот открытого моря»[1]? Где весь «Гранд флит»[2]? А? У них нет ответа! Но он есть у меня! Ибо видел я гнев его!

— Что это? — в долю секунды распластавшись на земле и прильнув к окуляру оптического прицела своей винтовки, ни к кому конкретно не обращаясь, спросила в пространство Рысь. Совершенно неожиданно для всех нас над портом раздался душераздирающий вой парового гудка, отчего мои бойцы, прежде прислушивавшиеся к лепету немца, в котором они вряд ли что могли разобрать из-за отсутствия у них артефакта-переводчика, тут же распределили меж собой сектора обстрела и принялись высматривать возможную опасность. Прямо как я учил!

— Волна! Это волна! Опять город прокляли! — пуще прежнего заверещал этот Отто и, неимоверно извернувшись всем телом вокруг своей оси, смог вырваться из моей хватки, дабы предпринять очередную попытку укрыться внутри своей «крепости». Причем на сей раз я даже не стал ему мешать, а лишь крикнул всем остальным следовать за мной и нырнул в едва подсвеченный изнутри люк вслед за хозяином апартаментов, дабы не позволить тому захлопнуть крышку прямо перед нашим носом. Уж больно сильно не понравилось мне слово «волна», отчего идея переждать очередную напасть внутри упрятанной под землю субмарины, показалась донельзя заманчивой.

[1] Флот открытого моря — основное соединение сильнейших кораблей военно-морского флота Германской империи во времена Первой мировой войны.

[2] Гранд Флит — основное соединение сильнейших кораблей военно-морского флота Британской империи во времена Первой мировой войны.

— Ты на меня так не зыркай. Я тебе не консерва, — на всякий случай перехватив поудобнее удерживаемый в правой руке револьвер, погрозил я Рыси указательным пальцем левой. — Если хочешь кушать, съешь вон хозяина помещения. Все равно нам в будущем не предвидится от него никакой пользы, а берлога, — повел я из стороны в сторону подбородком, как бы охватывая внутренние отсеки субмарины, — глядишь, освободится. Будет куда нам переехать и бесплатно жить. — Видать припомнила, наконец, ушастая снайперша, что надо на меня обидеться за брошенную фразу о ее ненужности даже свартальвам, вот и зыркала теперь волком.

— Не надо меня кушать, фройляйн. Пожалуйста, — проблеял из своего угла откровенно сломленный, а некогда бравый, офицер военно-морского флота Германской империи. Человечески мне его даже было жалко. Это что же такое подводник начала XX века должен был увидеть? Что пережить? Чтобы вот так надломиться и превратиться в тень себя былого. Они ведь и так постоянно под смертью ходили! — Если у вас разыгрался аппетит, могу предложить немного хлеба и копченого мяса. Еще можно пожарить яичницу.

— Не надо. Я не голодна. Благодарю за предложение, — весьма учтиво кивнув в знак признательности герру Херсингу, отказалась от предложенной трапезы моя личная головная боль и по совместительству ценный актив. — И тебя втихую жрать я тоже не собираюсь. Так что расслабься, — милостиво отмахнулась она рукой от моего наезда. — Тем более, что сидим мы здесь всего-то три часа. Даже время ужина еще не наступило.

Это да. Сидели мы в подлодке всего ничего. Но вот когда появится возможность выбраться наружу — было вообще неясно. Уж не знаю, кто, где и что опять намагичил, однако со стороны Кенигсберга в порт нагрянула многотысячная волна неприкаянных, явно состоявшая из жителей города-крепости. Благодаря наличию перископа мы по очереди могли наблюдать, как огромные площади порта захлестывает натуральное безумие. Пусть даже «плавающий город» мгновенно закрылся, самоизолировавшись, и ни одно бездушное тело не смогло проникнуть внутрь него, тут хватало иных жертв для организмов алчущих вернуть себе душу. Рабочие складов и судоразборки, грузчики, немногочисленные визитеры, вроде нас самих, их ведь тут насчитывались сотни человек, если не тысячи. И далеко не все из них успели скрыться от накатывающей волны. Кое-где до сих пор велись страшнейшие драки неприкаянных и вернувшихся за ценные души. А сколько сотен уже погибли в них, будучи попросту затоптанными, или раздавленными, или удушенными! Мрак! Вот и коротали мы время, сверля друг друга взглядами разной степени теплоты, в ожидании какой-то развязки. Не решать же мне было чужие проблемы за свой счет!

— А что это значит? — нарушил затянувшееся гнетущее молчание один из бойцов, получивший от меня простое русское имя «Ваня». Он уже с час внимательно рассматривал стены и потолок отсека, исписанного одним и тем же словом, но только сейчас решил для себя возможным подать голос и ткнуть пальцем в сторону ближайшей надписи.

— Soul. — Пройдясь ленивым взглядом по одному из многих тысяч образцов одного и того же односложного изречения, произнес я, заодно не забыв дать перевод. — Душа по-английски. Хотя странно. Лодка-то германская. Откуда здесь взяться такому любителю английского языка? Или, скорее, любителю одного единственного английского слова.

— Ого как! У них, оказывается, душа аж четыремя словами обозначается, — произнес

Ваня, видимо для того, чтобы что-то сказать в ответ.

— Это какими же четырьмя словами? — не смог не проявить я интереса, чтобы хоть как-то развеять накатывающую тоску. Можно, конечно, было покушаться для поднятия общего тона и настроения. Но тут эльфа была права — время трапезничать пока не пришло. Да и непонятно было, сколько еще нам сидеть взаперти. А ведь с продуктами тут ситуация обстояла напряженно, судя по недавним словам хозяина «дома».

— Так вот тут написано четыре слова, — все тот же его палец уткнулся куда-то в невидимую для меня часть стены отсека.

— S.O.U.L. Surely Our Unity Lost, — не поленившись подняться со своего места, подошел к бойцу и прочитал увиденный им текст. Как оказалось, тут все было исписано аббревиатурой. То-то мне чудились тут и там едва заметные точки между буквами. — Не считаю себя великим знатоком английского языка, и потому не берусь утверждать, что перевод полностью верный, но как по мне тут написано — «Несомненно, наше единство утрачено».

— Это все Генри, — вновь подал голос из своего угла корветтенкапитан Отто Херсинг. — Матрос с британского линкора «Завоеватель». Единственный выживший со всего «Гранд Флита», кого мы только смогли обнаружить. Он совершенно тронулся умом и постоянно твердил всякий бред о том, что ему необходимо двигаться на восток. Туда и ушел пять лет назад, как только мы добрались сюда. Бедный умалишенный, — удрученно покачал головой человек, который, по общему мнению, и сам являлся законченным психом. Я уже даже собирался сказать в ответ одну остроту, но совершенно внезапно пол ушел у меня из под ног, а тело встретилось с переборкой. И примерно то же самое происходило со всеми остальными «сидельцами». Лишь один многоопытный Отто, намертво вцепившись в какие-то трубы, орал что было сил. — Это он! Это опять он! Он все же пришел по наши души! А мне никто не желал верить! Глупцы! Какие же все они были глупцы! Ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха! — его истерический смех было тем последним, что я услышал, прежде чем столь сильно приложился обо что-то головой, отчего сознание начало меркнуть. Но в тот момент лишь одна мысль билась в моем затухающем разуме — «Какая сволочь опять крадет моё!». Ведь под самый конец я четко почувствовал, как из моего тела насильно вытягивают душу.

Конец первой книги по миру S.O.U.L.

Больше книг на сайте - Knigoed.net